

ЕЛЕНА МИЛЕР

# ИЗБРАННЫЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Елена Милер

**Избранные**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

## **Милер Е.**

Избранные / Е. Милер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман о современной, успешной и склонной к экспериментам женщине, которая в зависимости от меняющихся жизненных обстоятельств с лёгкостью распоряжается личной свободой. Она знакомится с молодым мужчиной – кандидатом в губернаторы. По жизни каждый из них много раз рисковал и выигрывал. И вот, после этих счастливых результатов, уже не они судьбу, а она испытывает их, делая ставку на двоих, на неведомую высшую цель. В процессе этой игры женщина меняется сама, меняется её представление о мужчине рядом, она смиряется с судьбой, но это - временная покорность. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Избранные	6
Книга 1	7
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мой роман о современной женщине, которая в зависимости от меняющихся жизненных обстоятельств, с лёгкостью распоряжается личной свободой. Она предрасположена к различным экспериментам в самом широком диапазоне. Горизонты личной свободы кажутся огромными, и ей не просто принять то, что называют судьбой.

Успешная во всём, она легко сменила научную сферу деятельности на политическую. Знакомство с молодым мужчиной – кандидатом в губернаторы, поначалу воспринимается ею как незначительный эпизод в жизни, как очередная попытка в постоянном стремлении перейти от возможного к реальному. Но этот мужчина – полная её противоположность, а ведь ничто не тянет нас к человеку сильнее, чем то, что нас с ним разделяет.

По жизни каждый из героев – и мужчина и женщина, много раз рисковали и выигрывали. И вот, после этих выигрышей, после счастливых результатов, уже не они судьбу, а она испытывает их, делая ставку на двоих, ставку на неведомую высшую цель.

В процессе этой игры женщина меняется сама, меняется её представление о мужчине рядом, она смиряется с судьбой, но это – временная покорность.

*Елена Милер*

## **Избранные**

*В юдоли, где мы обитаем, любое деяние – зло.*  
*Е. Лукин*

# Книга 1

## Часть 1

*Миссурск, 8 января*

Только что рассвело, хотя шел уже десятый час, и погасли ночные фонари вдоль дорог провинциального Миссурска. На промерзших и завьюженных улицах было совершенно безлюдно, даже машины встречались лишь изредка.

В такси было тихо. Радио не работало, и слышался ровный шорох шин.

– Похоже, отсыпается народ после празднования старого нового года, – сказала я вслух. – В новый век, а со старыми традициями.

Пожилой водитель такси с обветренным красным лицом, мельком взглянув на меня, согласно кивнул головой и снова сосредоточился на дороге.

Меня кольнула досада: поговорить было не с кем, а надо было обуздать то особое возбуждение, которое бывает перед важным событием или испытанием.

Ища возможности отвлечься от нарастающего внутреннего беспокойства, я осмотрелась. На зеркале заднего вида была закреплена тоненькая тесёмочка, на которой болталась маленькая картонная ёлочка. Она источала резкий и назойливый запах дешёвого ароматизатора. Не хватало еще, чтобы я принесла этот запах с собой! – испугалась я и принялась к себе: всю меня, и даже шубу, окутывал обворожительный аромат моих собственных духов. С этим всё было в порядке. Смущало только то, что я была одета в шубу из мутона – «народного» меха, а ехала к Баширову – по настоящему очень богатому человеку, из тех, кого сейчас принято называть региональными олигархами. К нему уместнее было бы явиться в соболях, или хотя бы в чернобурке. С другой стороны, я была одета по погоде: уже четвёртый день стоят трескучие морозы ниже тридцати и ветрено. Так что, мутонная шуба – в самый раз! Пусть не из класса премиум, но зато весьма функциональна! Да и крой её настолько удачный, что я выгляжу в ней вполне элегантно. Шуба в пол и чуть расклешена от талии. Но главное её достоинство – не крой, а великолепная выделка меха.

Когда мы с Аннушкой – моей московской приятельницей, прогуливаясь по брендовому магазину в центре столицы, заметили эту шубу, то даже не сразу поверили, что она из мутона, хотя на этикетке было написано именно так. Подоспевшая к нам продавщица пояснила, что эта партия шуб, пошита в России, но для экспорта, поэтому она так выгодно отличается от других российских изделий. Но и стоила эта шуба не дёшево, порядка 2000 долларов. Аннушка тогда настояла, чтобы я примерила её. Накинув шубу, и взглянув в зеркало, я нашла, что смотрюсь вполне достойно рядом с приятельницей в куртке из модной шиншиллы, отороченной мехом красноснужного снежного барса.

Обойдя меня по кругу, и осмотрев со всех сторон, Аннушка одобрительно сказала:

– Роскошная вещь! Тебе идет! Так что берём! Берём без всяких сомнений!

Вспомнив этот шопинг и саму Аннушку, я улыбнулась.

Мы познакомились лет пять тому назад. Тогда Аннушка работала секретарём Купатова – члена Правления Торгово-промышленной палаты России, а я – его советником. Аннушке было около 30, мне – чуть «за сорок». Я выгляжу несколько моложе своих лет, но Аннушка, до сих пор называет меня не иначе как Джулечка Борисовна.

У нас с Аней единственное внешнее сходство, – мы обе невысоко роста. Мы принадлежим к противоположным женским типам. У меня крепкая, плотная, хотя и довольно стройная фигура. Свои густые прямые смоляно-черные волосы я уже много лет стригу коротким бобом. У меня чуть раскосые карие глаза и белая матовая кожа. Когда я улыбаюсь, на щеках появляются ямочки.

Аннушка же – настоящая «златокудрая бестия», с точеной как у куклы Барби фигуркой. Когда она впервые появилась в офисе Купатова, мы с Натальей, – она тогда работала помощницей Купатова, сразу решили, что к шефу пришла валютная проститутка. Позже мы не раз смеялись, вспоминая об этом, но тогда Аннушка выглядела именно так. Тонкая блуза плотно облегла её осиную талию, а глубокое декольте обнажало пышную грудь. На ногах – кожаные ботфорты. Коротенькая юбочка больше походила на шорты. И при этом, – яркий макияж! В респектабельной обстановке делового центра, сотрудники которого строго соблюдали дресс-код, она выглядела вызывающе.

Но эта Барби, не обращая ни на кого внимания, уверенно прошла прямо в кабинет руководителя. А когда через полчаса необычная гостья, слегка поигрывая на ходу бедрами, удалилась, в Приёмную вышел сам Купатов, – смущенный и покрасневший до корней волос. Он объявил нам, что нанял «эту молодую женщину» своим секретарем. Мы с Натальей ни о чём его не спросили, полагая, что златокудрая дива успела напрочь снести ему голову, и сейчас он просто пытается сгладить неловкую ситуацию.

Утром следующего дня в приемную Купатова вошла незнакомая бизнес-леди. Наталья обратилась к ней с традиционным:

– Добрый день! Вы к Владимиру Геннадьевичу?

– Добрый день! – женщина приветливо улыбнулась. – Я была у него вчера, и мы договорились, что с сегодняшнего дня я приступаю к работе секретаря здесь, в его Приёмной.

Мы с Натальей с изумлением уставились на посетительницу. В этой женщине с гладко зачесанными назад волосами, уложенными на затылке в тугий узел, мы с трудом, и только благодаря тому, что она представилась, узнали вчерашнюю посетительницу. Сегодня она была одета строго: в узкую длинную клетчатую юбку из добротной шерсти и наглухо застегнутую белоснежную блузку с необычайно широкими манжетами на рукавах. На ногах её красовались тёмно-вишневые лаковые туфли на низком и широком – «школьном» каблуке.

– Мда! – произнесла я, пораженная такой способностью к перевоплощению. – Так, значит, наш шеф действительно принял Вас на работу! Что ж, давайте знакомиться. Меня зовут Джули Борисовна, а это – Наталья Габрова.

Чуть позже, во время кофе, Аннушка, – так звали новую секретаршу, рассказала, что совсем недавно вернулась в Россию из Штатов. В начале девяностых отец выдал её замуж за своего знакомого – пожилого американца, сделавшего капитал в России. Однако Аннушка в Штатах не прижилась. Отец и мать её уже умерли. Но она всё-таки решила вернуться в Россию, рассчитывая самостоятельно сделать здесь карьеру.

Мы не поверили этому рассказу, но больше ничего не стали выяснять или уточнять, а просто приняли к сведению. Буквально через неделю, обсуждая текущие дела, мы согласились, что не важно, насколько легенда Анны о себе самой соответствует реальности, главное, – она стала идеальным секретарем.

Уже за первые два дня работы она разобралась с офисным бардаком, наведя долгожданный порядок в кипах деловых бумаг.

– Жить стало лучше, жить стало веселее, – радовался этому Купатов, бывший, как он сам определял, любителем «серьёнизмов». Он даже издал небольшую книжицу с собранными им забавными и парадоксальными высказываниями об офисной жизни.

Вскоре обнаружилось, что Анна свободно владеет тремя иностранными языками. Это сделало её совершенно незаменимой для шефа, которому ежедневно приходилось общаться с иностранными партнерами, так как он ещё и деловые журналы издавал за рубежом.

Погруженная в приятные воспоминания о приятельнице и оставшейся в прошлом довольно беззаботной столичной жизни, я вдруг почувствовала, что наше такси начало заню-

силь. Но водитель удержал машину, и, справившись с ситуацией, исподлобья взглянул через зеркало на меня.

– В этом месте всегда скользко, – буркнул он, то ли извиняясь, то ли оправдываясь. – Под горку здесь!

Теперь уже я не сочла нужным отвечать ему. Испугавшись заноса машины, я мгновенно вернулась к реальности. На сердце у меня вдруг стало тревожно. Я ехала к Баширову, который впервые за много лет знакомства пригласил меня к себе домой – на завтрак. Со вчерашнего дня я с недоумением гадала, почему в этот раз домой, ведь я, как обычно, просто попросила о встрече. Вероятно, у него возникла какая-то личная просьба ко мне, – предположила я, – и это для моих целей скорее хорошо, чем плохо.

Баширов был думающим и осторожным человеком, а я чувствовала, что для обуздания собственных противоречивых мыслей и принятия серьёзного взвешенного решения мне сейчас необходимо авторитетное мнение именно такого человека.

После переворота Баширов, занимавший какой-то весьма серьёзный пост в обкоме партии, ушел в тень и занялся бизнесом. Он хорошо знал как старую номенклатуру, так и новую «элиту» и стал чрезвычайно влиятельным человеком не только в Миссурске, но и во всём округе. Этот человек с постоянным непоколебимым спокойствием, изумительной памятью, пронизательностью и закрытостью вызывал у меня ассоциации с «крестным отцом». Я была уверена в его расположении ко мне, но всегда робела перед ним.

В конце перестройки Баширов вовлек моего брата Сергея в компартию и помог ему стать сначала депутатом Законодательного собрания, а чуть позже – секретарем обкома. Так как я не испытывала симпатии к коммунистам и уже тогда предчувствовала крах партии, то была против такой карьеры брата. Но Сергей был полон энтузиазма и горел желанием принять участие в реформировании страны.

А когда Союз развалился и рухнула компартия, Сергей сразу укатил в Москву, в гущу событий, «исполнять свой долг перед товарищами и родиной» – защищать компартию в Конституционном суде. Мне это не понравилось.

– А ты не боишься гражданской войны? – спрашивал меня Сергей. – Вчера я сжег списки областной партноменклатуры. Но всё равно тысячам коммунистов грозит люстрация.

Что тут возразишь? Если бы произошел запрет компартии, то неизвестно как повели бы себя рабочие. В стране быстрыми темпами происходила деиндустриализация – массово банкротились и закрывались заводы, бывшие гордостью страны и составлявшие костяк её промышленности.

После отъезда Сергея финансовое положение нашей семьи очень быстро стало критическим. Мой муж – Матвей, как и многие инженеры, потерял работу, а я одна прокормить его и троих сыновей на ставшую вдруг нищенской зарплату преподавателя ВУЗа не могла.

Сергей изредка приезжал домой. Однажды, наблюдая как он отбирает в небольшой бумажный пакет самую мелкую сырую картошку из заготовленной нами на зиму, чтобы забрать её с собой в Москву, я не выдержала:

– Серж, неужели никто из твоих бывших «товарищей» не может нам помочь?!

– Я просить не буду! – брат спрятал глаза.

– И не проси! Вот тот, с которым ты ещё политический клуб создавал, помнишь?! Баширов, кажется. Дай мне его телефон или адрес! Я слышала, что у него сейчас несколько фирм. Возможно, он подскажет, чем я могла бы заработать на жизнь.

Скрепя сердце Сергей дал мне телефон своего «покровителя», и я позвонила Баширову. Вопреки опасениям, он с пониманием отнесся к моей просьбе и пригласил приехать в свой офис. Выслушав мой рассказ о том, что я успешно закончила питерский университет – один из лучших ВУЗов страны и защитила кандидатскую диссертацию, Баширов спросил:

– А торговать Вы умеете?

Пожав плечами, я лукаво улыбнулась.

– Мой дядя был умелым торговцем. В семье бытует предание о том, как сразу после войны он на рынке продал старые туфли моей мамы, а на вырученные деньги купил ей новые – для свадьбы. Может и у меня получится?!

Баширов одобряюще кивнул головой и тут же позвонил кому-то из своих знакомых. Обсудив с ним свои деловые вопросы, и уже завершая разговор, он сказал:

– Да, Юр, я сейчас пришлю к тебе Джули Кузнецову – сестру Сергея. Найди ей работу.

Положив трубку, Баширов обратился он ко мне:

– Вы не переживайте! Если что не так, звоните, приходите, – дорогу теперь знаете. Юры не бойтесь – он, как и Вы, из биотехнологов. Вам с ним проще будет договориться, чем с другими. Поезжайте к нему прямо сейчас.

С Юрием Трубниковым – молодым бородачом, мне ни о чём договариваться не пришлось. Прямо с порога, он объяснил мне «что к чему» и «как» надо делать, чтобы заниматься посреднической торговлей. Он указал где получать мелкооптовые партии сахара и водки – бывшие тогда весьма ходовым и доходным товаром. Дал небольшой список потенциальных покупателей, пожелал успеха и быстро распрощался.

Не без опаски взявшись за дело, я довольно быстро убедилась в том, что «не боги горшки обжигают», – всё оказалось очень просто. Однако, я чувствовала себя униженной и испытывала угрызения совести, от того что занимаюсь торговлей столь специфическим товаром как водка. Каждый раз, после одной-двух успешных сделок я сознательно «выпадала из процесса» на несколько недель и возвращалась к торговле только, когда заканчивались деньги. Но даже при таком подходе к делу, материальное положение моей семьи быстро и существенно улучшилось. Мы с Матвеем, наконец, позволили себе купить приличную корпусную мебель со светлым фанерным шпоном для гостиной и новый цветной телевизор. Несколько раз я давала денег Сергею на выпуск какой-то оппозиционной газеты.

Юрий, заметив эту особенность в характере моей деловой активности, однажды сказал строго:

– Послушайте, Джули Борисовна, я тоже предпочел бы по-прежнему выращивать безвирусные культуры томатов. Но теперь... Когда я уезжаю за рубеж делать закупки, мне надо быть уверенным, что Вы, и другие работающие на меня люди, справитесь с новыми большими объемами.

Слушая Юрия, я внимательно всматривалась в его умное лицо, невольно любовалась черными локонами его густой шевелюры, и размышляла над тем, как мне быть. Работалось с Юрием легко. Мне даже нравилось, что этот молодой мужчина, – а ему было чуть за тридцать, был жёстким деловым человеком. И вот теперь он ясно давал понять, что рассчитывать на «особые условия» мне не стоит.

После недолгих колебаний, я твердо ответила:

– Я не смогу. Не моё это.

Поблагодарив Юрия за оказанную помощь, я вернулась домой. Ответ на вопрос «что теперь делать?» неожиданно появился уже на следующий день, – мне позвонил сам Алексей Баширов.

– У меня для Вас есть предложение, – сказал он. – Мы создаём в Миссурске филиал не крупного, но очень богатого якутского банка. Там нужен заместитель управляющего.

Я сразу согласилась, вдохновившись открывшимися в моём воображении перспективами. Но через пару месяцев я сама отказалась и от этой работы.

– Управляющий всё настолько засекречивает, – объяснила я Баширову при личной встрече, – что мне непонятен смысл того, чем я занимаюсь. Работать «в тёмную» я не согласна.

– Тут ничего не поделаешь! Сфера деятельности такая, – согласился Баширов. – Я знаком с управляющим несколько лет. Вы правильно оцениваете ситуацию. Такой риск Вам ни к чему. Давайте подумаем вот о чём. У меня есть добрый приятель – Глеб Строев, который занимается вопросами организации совместных предприятий или, можно сказать, привлекает инвестиции. Здесь я могу гарантировать, что всё будет нормально.

Я с интересом взглянула на Баширова.

– А почему? – осторожно и очень тихо спросила я.

– Окончательное принятие решений по всем его проектам за мной. – Баширов улыбнулся мне, как улыбаются умненькому, но наивному ребенку.

– Спасибо! – с благодарностью произнесла я, но тут же с сомнением спросила, – Может, мне не дано заниматься бизнесом?!

– У Вас есть хватка, – серьезно ответил Баширов. – Все есть для этого. Вы были бы весьма успешным предпринимателем, – он широко улыбнулся чему-то, возникшему в его воображении, – на Западе.

Заметив, что я улыбаюсь отраженной улыбкой, а на сердце у меня беспокойно, Баширов сказал:

– Я просто хочу Вам помочь. Приходите завтра сюда. Я вызову Глеба часам к восьми утра. Хорошо?!

С тех пор прошло почти десять лет, в течение которых мы не виделись.

Такси подрулило к большому красивому особняку – памятнику архитектуры XIX века. Судя по адресу, данному Башировым, именно здесь он недавно поселился со своей семьей.

На улице сильно выюжило, но так как я выросла на Урале, никакая погода не пугала меня и не портила настроения. Выйдя из такси, я с удовольствием вдохнула морозный воздух. Однако, резкий порыв колючего ветра не дал мне расслабиться, и заставил, в поисках укрытия, пробежаться до парадного. К счастью, хозяева заранее отворили дверь. Мне было смешно от того, что ветер раздувает полы моей шубы и как на парусах быстро несёт по скользкой утоптанной тропе вперёд.

Укрывшись от ветра за входной дверью, я обнаружила, что оказалась в теплой, светлой, очень просторной прихожей, и принялась стряхивать снег с одежды прямо на пол, покрытый итальянской керамической плиткой.

На встречу ко мне тут же вышли хозяева. Радушно улыбаясь, Баширов представил супругу – Ирину. С первого взгляда оценив друг друга, мы почувствовали взаимное расположение. Ирина была несколько моложе и чуть полнее меня – очень милая, вся такая пухлая и округлая, совершенно домашняя женщина.

Глядя в её большие, чуть на выкате глаза, я протянула ей пакет и сказала:

– Это небольшой презент.

Голос мой прозвучал неожиданно звонко и громко. Хозяева заулыбались.

– Какая акустика! – смутилась я, и обвела взглядом округлые своды помещения.

– И акустика отличная, и звукоизоляция замечательная! – сказал довольный Баширов.

Он взял из моих рук пакет и вынул из него бутылку в картонной подарочной упаковке.

– Коньяк Camus Josephine?! – с довольной улыбкой спросил он.

– Да! Созданный специально для женщин. Надеюсь, он понравится вашей супруге.

Я повеселела, ободрённая реакцией Баширова.

Он благодарно поцеловал меня в щеку и передал подарок Ирине. Не имея возможности сразу поставить его в достойное место, Ирина с бутылкой в руках повела меня в гостиную, где уже был сервирован чайный столик для завтрака. По дороге Ирина успела поделиться со мной радостью от того, что её семья удачно устроилась на новом месте, а заодно и полюбопытствовала, откуда у меня такое необычное имя.

– Мой дядя во время войны познакомился где-то в Венгрии с девушкой, которая очень приглянулась ему. Её звали Джули. Так как дядя не мог иметь своих детей, то уговорил мою маму назвать её дочь именем той девушки. Обещал, что девочка будет умной, красивой и счастливой! А, вообще-то, имя Джули означает «молодая».

– Вы действительно очень молодо выглядите! – по кукольному хлопая длинными ресницами и мило растянув в улыбке пухлые губки, чуть нараспев произнесла хозяйка.

Пропустив меня и мужа вперед, вглубь гостиной, она сразу вышла из комнаты, осторожно притворив за собой двустворчатую дверь.

Я впервые видела Баширова в домашней обстановке. Было заметно, что он немного стесняется того, что принимает меня в мягком сером фланелевом костюме, поверх которого был накинут темно-синий атласный мужской халат. В таком наряде Баширов походил на стареющего китайца с лысиной и брюшком. Я невольно улыбнулась, но, чтобы не смущать хозяина, принялась с интересом рассматривать убранство комнаты. Везде – шелковые ковры и картины в роскошных рамах, дорогая мебель из натуральной древесины, несколько мягких комфортных кресел и пара диванов. Резной чайный стол был сервирован посудой из тонкого фарфора, украшенной изысканной кобальтовой росписью.

– Ваша мебель из красного дерева? – из вежливости поинтересовалась я.

– Нет, – охотно отозвался Баширов, польщенный вниманием, – массив мебели из бука. Он лучше других пород подходит для гнутой мебели.

– Я в этом не разбираюсь, – без смущения призналась я. – Просто вижу, что красновато-бурая... Но ведь и бук – очень дорогая древесина?!

– Не дешевая, – с горделивой скромностью согласился Баширов. – Но значительно дешевле эбена или бакаута.

– Об этом я даже и не слышала!

– Вот посмотрите! – Баширов взял с чайного столика один из десертных ножей и протянул мне. – Ручка как раз из бакаута – железного дерева. Это Ирочка мне с Кубы привезла. Поверните его немного: видите сияние?! Структура волокон такая, что при ярком освещении полированная поверхность дает такой эффект.

– Иризации, – подсказала я.

– А понюхайте! Чем пахнет?

Поднеся ручку ножа к носу, я и действительно почувствовала очень приятный запах.

– Ладаном?!

– Да! Одновременно напоминает и запах ладана, и какао.

Мне стало смешно.

– Что Вас так развеселило?! – Баширов заразился моей улыбкой.

– Я вспомнила, что в стадах человекообразных обезьян обладание любимым необычным предметом практически автоматически превращает собственника в вожака стаи. В экспериментах зоопсихологов было показано, что достаточно дать особи низкого ранга, например, пластмассовое ведерко или цветную тряпку, чтобы её иерархический статус в группе резко повысился.

– Похожи! Мы на них похожи, – сразу согласился Баширов, но на щеках его появился неровный румянец, выдавший задетое самолюбие.

– Естественно, мы же из узконосых обезьян! – по-доброму глядя на Баширова, я взглядом извинилась за собственное хулиганство. – Но это несколько не умаляет достоинств вашей прекрасной мебели!

– Это всё заслуги Ирины! – холодно отозвался уязвленный Баширов. – Она выбирала, заказывала...

– Видимо, этот стол, – я взглядом указала на закуски и восхитительно красивый ягодный торт, – тоже её заслуга! Я не ошибаюсь, – всё домашнего приготовления?!

– Да, присаживайтесь!

Устраиваясь поудобнее в небольшом кресле у стола, я с беспокойством думала о том, что не знаю, как выйти из положения: вся обстановка в гостиной располагала к отдыху или задушевной беседе, а никак не к обсуждению серьёзных вопросов. Сделав над собой усилие, я всё-таки решила начать разговор, ради которого приехала.

– Алексей Васильевич, я уже говорила Вам по телефону, что Сергей настаивает на том, чтобы я в этом году приняла участие в избирательной кампании Евгения Алфеева на пост губернатора.

Баширов добродушно посмотрел на меня, и в уголках его светлых глаз появилась догадливая улыбка, смутившая меня.

– Сергей говорит, – пояснила я, – что Алфеев уже дважды звонил ему. Он предложил брату возглавить один из его территориальных штабов. Но Сергей объяснил, что его собственную избирательную кампанию вела я, поэтому, если к кому обращаться за помощью, так это ко мне. Алфеев согласился подождать моего решения. Но я сразу, как только Сергей сообщил мне об этом, отказалась.

Баширов, разливая чай, молчал, тем самым побуждая меня к дальнейшему объяснению.

– У меня нет никакой необходимости и даже интереса участвовать в региональных выборах, – сказала я. – Во-первых, я уже договорилась с учредителями, что стану директором создаваемого в регионе нового медиа-холдинга. В него войдут деловая газета, несколько журналов и один из телеканалов. Правда, проект будет запущен только осенью.

Заметив вопрос, мелькнувший на лице Баширова, я пояснила:

– Из-за выборов! Если сейчас его запустить, он будет воспринят, да и использован как средство в предвыборной борьбе. Для меня такая отсрочка удобна. Мне пока необходимо сосредоточиться на подготовке младшего сына – Сашеньки к поступлению в институт. К тому же, я не знаю Алфеева, да и с регионом никак не связана. Но Сергей говорит: «Ты мол, всегда хотела поближе познакомиться с младореформаторами, так лучшей возможности и не придумаешь: Евгений сам приглашает, и времени у тебя предостаточно»!

Баширов по-прежнему молчал. Тогда я прямо спросила:

– На Ваш взгляд, стоит ли работать на Алфеева?

– Мне кажется, у него нет политического будущего, – с безразличием ответил Баширов.

– Почему? – изумилась я. – Сергей говорил, что в Госдуме считают Алфеева очень перспективным политиком, ведь он уже сейчас – заместитель руководителя фракции.

– Проблема в его чрезмерной амбициозности и психологической неустойчивости. Сейчас в округа, как Вам известно, назначены Полпреды Президента, в том числе и для контроля над выборами. Даже если Алфееву сейчас удастся договориться с нашим Полпредом – небезызвестным Вам Семеном Сухаренко, то позже он обязательно попытается выйти из-под его контроля. Алфеев из тех, кто «сам себя сделал», – он слишком самостоятелен. А как только попытается выйти из-под контроля, то команда Полпреда найдет способ сделать его абсолютно управляемым.

– Ну и ладно! Пусть окажется в команде Семена! – сказала я и озорно склонила голову набок.

– Что Вы, – с грустью возразил Баширов, – он им никакой не нужен!

– Вы полагаете? – снова удивилась я. – Думаете, Семен просчитывает такой вариант?!

– Конечно!

Я вся напряглась:

– Уж слишком технологично и цинично.

Размышляя об Алфееве и его шансах на предстоящих выборах, я ни разу не задумалась о том, что выборы – лишь этап в непрекращающейся борьбе за власть, и теперь была непри-

ятно поражена прогнозом Баширова. Я напряженно смотрела в его очень обычное, совершенно заурядное лицо, удивлялась этому и мысленно укоряла себя за недалёковидность.

– Вы сомневаетесь в Семёне? – с неприкрытой иронией спросил Баширов.

– Да нет... Только он ведь не Мефистофель! – неожиданно горячо возразила я. – У него самого могут со временем возникнуть проблемы. Тогда, может быть, ему станет полезен союз с Алфеевым?!

– Именно потому, что у него есть проблемы, Алфеев ему и не нужен. Нужны полностью контролируемые люди.

Похоже, это так, – подумала я. – Люди, занявшие сейчас, как прежде говорили «командные высоты», всеми силами пытаются упрочить или хотя бы стабилизировать свое положение, очищая свои команды от потенциальных конкурентов. И процесс этот затянется на годы.

– А что если Евгению хватит ума, а у Семена сил не хватит? – уже сдаваясь, больше из упрямства, возразила я.

– Вам известно, что группа влияния Алфеева, в которой совсем не много людей, в нашем маленьком регионе всего на 10-ом месте?

Я в подтверждение кивнула головой.

– Сухаренко сейчас выступит центром кристаллизации экономической и политической власти. У него для этого есть реальные ресурсы.

– Знаю! Настоящая сила на стороне государства. Стратегически всё действительно так. Но сейчас, это очевидно, ставка сделана на тактические средства, которые эффективнее влияют на иррационально-эмоциональную сферу. Алфеев принадлежит к элите СМИ, а роль и влияние информационной элиты возрастают... – возразила было я, но, осознав суть проблемы, опустила глаза и принялась рассеянно ковырять ложечкой край фруктового пирога. – Вы правы... Я слышала, что Корягин – представитель федералов в Межведомственной комиссии участвовал в перераспределении собственности и финансовых потоков предприятий крупнейшего города-спутника Миссурска. А формированием новых частных компаний рулил Телегов, хотя и под патронажем области. И действия обоих этих людей контролировал Сухаренко.

Немного помолчав, я робко сказала:

– У Алфеева ведь хороший потенциал. Сейчас он позиционирует себя как представитель Президента, значит, какие-то связи с другими пропрезидентскими группами есть.

– Всякое может случиться! Важно отдавать себе ясный отчет в том, зачем Вы будите с ним работать.

«Зачем» – я не была готова к такому повороту, – скорее, «почему». Мне казалось, что предложение работать на Алфеева не выходит у меня из головы потому, что у меня нет дела, которым я обязана заниматься.

– Мне кажется, что работать с Алфеевым будет интересно, – сказала я только для того, чтобы что-нибудь сказать.

– Угощайтесь запечёнными овощами, – заботливо предложил Баширов, воспользовавшись паузой в разговоре.

С помощью серебряной лопаточки он взял с подноса на сервировочном столике и положил на мою тарелочку порцию овощей.

– Это фирменный рецепт моей супруги!

Погружённая в свои мысли, я лишь кивнула в знак благодарности.

– Новую региональную «элиту» я знаю только теоретически, – сказала я. – Правда, и этого достаточно для того, чтобы однозначно отказаться от сотрудничества с любой из известных мне региональных групп! Эти люди перевернут небо и землю, чтобы добиться власти и денег. Но Алфеев как-то особняком, хотя он из той самой, всем известной, «кучи оболтусов». Мне кажется, он единственный, кто в силу своего пролетарского происхождения, имеет определенную социальную ангажированность.

Баширов с недоверием посмотрел на меня. Видимо, он думает, что я пытаюсь казаться наивной и простодушной.

– А Вы не помните, как он стал депутатом?!

– Да всё понятно! Прописанных законов о выборах не было, запрета на подкуп избирателей, ограничений на использование алкоголя в рекламе... Тогда региональное политическое движение, как я их называю, «младореформаторы» получили около 40% в Заксобрании и гордуме. Они и провели Алфеева в Госдуму. Их финансировал довольно крупный по тем временам банк.

– Позвольте спросить ...– Баширов слегка замялся, – а почему Вы сами не участвуете в публичной политике?! Прыгунов ведь Вам, а не Сергею предлагал стать депутатом Госдумы.

– Я не карьеристка! Моя мама была учительницей, и я с детства вращалась в среде, где без пиетета относились к должностям, и слышала немало критики в адрес партфункционеров.

Спохватившись, я бросила настороженный взгляд на Баширова, но он оставался невозмутимым и спокойно слушал меня.

Чтобы умерить себя, я решила попробовать предложенные мне запечённые овощи. Оказалось, что это не столько овощи, сколько семга, запечённая в овощах.

– Очень вкусно! – с искренним одобрением произнесла я. – Здесь, похоже, не только овощи и рыба, но и белые грибы.

– Из нашего леса! Помните, сколько их там?!

Глаза Баширова потеплели.

– Больше я только в Коми видела!

Баширов пододвинул ко мне ягодный пирог, и вернулся к прерванной беседе.

– Мне кажется, Джули, что дело не в том, что Вы «не карьеристка».

– Наверное. Во мне есть лидерские замашки. В детстве я была заводилой.

Отхлебнув чая, я продолжила:

– В 6-ом классе меня приняли в комсомол. Одновременно я была и председателем Совета пионерского отряда, и членом школьного комитета комсомола. Однажды я опоздала на заседание того самого комитета, потому что в это время играла за школу в волейбол. Мы тогда выиграли, и я просто летела на заседание с этой радостной вестью. Но комитетчики, важно восседавшие за большим столом, сразу принялись выговаривать мне за опоздание. И столько чванства и глупости было у этих молодых комсомольцев, что я зареклась оказаться в их рядах. А когда уже в универе училась, однажды, после летней практики, зашла заплатить комсомольские взносы. В комитете какой-то тупорылый парень принялся отчитывать меня за просрочку и угрожать тем, что за это могут и исключить из комсомола. Тогда я и положила ему свой билет на стол. Вот и всё.

– Понятно... понятно. Ну а теперь-то почему?

– Тогда был выбор, и я ушла в науку, – единственную сферу, где важна истина. К тому же я занималась сыновьями, мужем, братом – целой командой мужчин. Им ведь нужен не только тёплый домашний очаг, но и моя забота о благополучии каждого из них!

– Кстати, а что по поводу работы на Алфеева советует супруг?

– Матвей считает, что поработать на Алфеева будет полезно, потому что он с претензией на «чин повыше», у него есть избыток средств, жажда деятельности и вкус к политической карьере. Но, признаться, я думаю, что они с Сергеем просто хотят, чтобы я снова денежки зарабатывала, – отшутилась я.

– Как-то я сказал Вам, что Вы могли бы стать весьма успешным предпринимателем, но не в наших условиях. Нынешние бизнесмены и политики не имеют жёсткой привязки к интеллекту или морально-этическим качествам.– Баширов встал из-за стола. – Для Вас важное значение имеет скорее не материальная, а моральная, нравственная сторона любого вопроса. – Он остановился возле одной из картин, висевших в его гостиной. – Вы с упоением занимаетесь

любим, выбранным Вами, делом и не кичитесь успехами. Действительно, Ваша стезя – наука, искусство, образование. Вы способны вызвать восхищение своим интересным мышлением и принципиальностью.

Я почувствовала, что от досады щёки мои заливаются краской. Известно, что «яйцеголовых», к которым меня только что причислил Баширов, клеймят как неспособных к бизнесу, торговле и политике, то есть к «серьёзным играм».

– Я выиграла все три избирательные кампании, которые вела! И кампанию в Госдуму тоже, – твёрдо возразила я. – У меня так же есть вполне успешный опыт руководства производством. Я работала агрономом-семеноводом в огромном совхозе и начальником цеха озеленения на крупном заводе! Но я, кажется, понимаю, о чём Вы говорите. Смогу ли я работать с Алфеевым?! Если вопрос стоит так, то я пока не знаю. Сейчас я пытаюсь оценить, лишь насколько целесообразно ввязываться в избирательную кампанию на его стороне. Я наводила справки о нём и его окружении у знакомых по прежним избирательным кампаниям. Послушать их, так он и наркоман, и гомосексуалист, и заказчик убийств...

– Слышали, что наш первый Президент говорил?! – Баширов снисходительно улыбнулся. – Он сказал, что две трети бизнеса в нашей стране связано с организованной преступностью и что Россия – сверхдержава преступников.

– Полагаю, что это близко к реальности. Но, что касается Алфеева... Думаю, что в значительной мере это – чёрный пиар и «гасилово». И даже если это отчасти справедливо, то всё равно не стоит на это ориентироваться! Вот Рузвельт, например, будучи студентом, употреблял опиум, – это факт. Он имел привычку спать до полудня, а по вечерам выпивал по бутылке виски. Его дважды вышибали со службы, – и что?! Он – один из величайших людей Америки!

Я на мгновение замолчала, и тут же улыбнулась, пряча смущение от того, что рассуждаю слишком отвлечённо.

– Конечно, Алфеев – не Рузвельт, – сказала я. – Но для меня важно, что он не является «бывшим комсомольцем» и вообще – «сам по себе». Это важно и этим он мне интересен.

Баширов остановил меня несогласным покачиванием головой.

– Поймите, Джули, я не считаю, что Вы не сможете выиграть избирательную кампанию. Я о другом! Помните, почему Вы отказались от работы в Представительстве банка?! Вам не нравился директор.

Действительно, – насторожилась я, – то что мне известно об Алфееве, действительно может стать препятствием в нашем общении. Он малообразованный и плохо воспитанный человеком. Его родители – простые работяги, да к тому же, выпивающие. Его воспитала улица.

– Вы возглавляли региональный сетевой центр Юрия Прыгунова, – продолжал Баширов, – и он предложил Вам выдвигаться депутатом в Госдуму – так было?!

Я согласно кивнула головой, и, вздохнув, отвела глаза, уже догадываясь, к чему клонит Баширов.

– Вы же отказались в пользу брата, который чуть старше и хотел делать карьеру политика. Тогда Прыгунов перестал финансировать ваш Центр. И что?! Вы вывели избирательную кампанию Сергея, фактически не имея финансового ресурса. То есть, я хочу сказать, что уверен в Ваших организационных способностях и политическом чутье. Но, опять же повторюсь, если Вашу совесть или нравственное чувство что-то не устраивает ...

– Алексей Васильевич, именно поэтому, я думаю, что надо использовать появившийся шанс. Мне надо адаптироваться к новым условиям.

– Смотрю, Вы уже приняли решение, – с сожалением констатировал Баширов. – Реальность работы с «молодыми волками» может оказаться более горькой, чем Вы представляете.

– Да нет, я ещё не приняла решения! Я ещё посмотрю на Алфеева завтра. Он назначил встречу. Надо же познакомиться с кандидатом! Но, если я соглашусь работать на него, Вы не откажите в совете, в консультации?

Баширов помедлил с ответом.

– Помните, как мы с Наговицыным уговаривали Вас идти с нами на охоту на лося?! Вы тогда категорически отказались, хотя неплохо стреляете. А вечером, у костра, Вы рассказали как однажды, когда у Вас из-под ног выпорхнула стая перепелов, Вы сильно пожалели, что под рукой не оказалась ружья. – Глаза Баширова озорно блеснули. – У Вас всё-таки есть охотничий инстинкт! Хорошо, заходите в любое время! Чем могу! Только я ведь этих ребят не очень-то и знаю. И, честно говоря, не понимаю, зачем с ними связываться.

Приятное чувство удовлетворения, благодарности и доверия к Баширову возникло в моём сердце. Глубоко вздохнув, я сказала:

– Однажды Прыгунов, рассуждая о «новой элите» дал «этим ребятам» весьма нелестную характеристику. И я спросила его: «Если они действительно такие, то почему мы должны помогать им закрепляться в бизнесе и власти?» Прыгунов тогда с изумлением посмотрел на меня. И вот теперь я – в стороне, а они – у власти! И ведь они появились там, не только потому, что их продвигали некоторые крупные игроки, но и потому, что после переворота старый истеблишмент отказался управлять и добровольно освободил многие места. А как коряво «управляют» эти «новые собственники»! Прыгунов был прав: надо как-то корректировать их, в меру сил предостерегать от грубых ошибок, подталкивать к приемлемым для общества решениям. Мало того, что «молодая элита» ориентирована лишь на собственное обогащение, так ещё и управленческой культуры у неё практически нет.

– У наших соседей, в Кайногорской области, откуда, кстати, Сухаренко, – сказал Баширов, – у власти младореформаторы. Они ориентируются на внешний менеджмент, но, всё-таки, с инновационными включениями на опережающее развитие. Экономика у них хоть и упала, но, в основном, в государственном секторе – из-за потери оборонзаказа и рынков сбыта.

– Почему я и смотрю в их сторону.... А здесь, в Миссурске, у руля – уходящие группы советской и перестроечной элиты, которые возобновили раздаточную экономику. Вы сами знаете, что за последние пару лет в социально-экономическом развитии регион упал более чем в два раза, опустившись ниже среднего по стране. И эта ситуация ведь надолго! Что же, не иметь дела ни с кем из новой предпринимательской элиты?!

Я выжидающе смотрела на Баширова.

– Растущий рейтинг нашего "президента надежды", – медленно проговорил он, – гарантирует низкую активность массовых слоев населения. Значит, продолжится схватка за передел ресурсов, за расширение участия в принятии решений. И в Миссурске «молодые волки» будут расширять экономическую и политическую экспансию.

– Причем, не оглядываясь на общественную реакцию, – я об этом! Для остальных будет сохранена свобода выбора в рамках стратегии выживания. Я ищу способ избежать такой свободы лично для себя, и в меру сил – для остальных.

Заметив, что Баширов хочет задать мне вопрос, я замолчала.

– Почему Алфеев обратился именно к твоему Сергею?

– Думаю, – беспечно ответила я, полагая, что Баширов задал вопрос из чистого любопытства, – он надеется использовать имидж моего брата, чтобы подтянуть протестный электорат под себя.

– А я думаю, что те, кого Алфеев может собрать вокруг себя, хотя бы только «рулить», а реальную работу они делегируют таким как Вы.

– Возможно, – погрустнела я. – Завтра и посмотрим.

Мне сложно было признать правоту Баширова прямо сейчас, но и возразить было нечего.

– А Вы как поживаете? – вежливо поинтересовалась я. – Где Ваши дочки?

– Уехали с мужьями на заграничные курорты. А мы с Ириной – потихоньку. Вот побаливаю немножко.

– Извините.

Я смутилась, так как между мною и Башировым не было той простой человеческой близости, которая позволила бы мне – женщине, расспрашивать его о болезни или выражать сочувствие.

– Ещё раз извините! Я, пожалуй, откланяюсь, Алексей Васильевич. Спасибо Вам большое! И супруге отдельное спасибо за чай и угощение. Мне было приятно у Вас. Здесь очень уютно!

Баширов тяжело поднялся из-за стола.

– Джули, мой шофер отвезет Вас, куда скажите.

*Миссурск, 9 января*

Приехав к назначенному времени в офис Алфеева, я застала там только помощницу, – пожилую болезненного вида женщину, которая извинилась передо мной за опоздание шефа и попросила подождать его.

Небольшая комната, в которой располагался офис была необычайно сильно вытянута. В ней было темновато: то ли из-за того, что небольшое окно, расположенное на узкой стене, не могло осветить дальние углы, то ли потому, что день выдался пасмурным. Голые стены были выкрашены масляной краской цвета разбелённой охры. Какое-то депрессивное помещение! И обстановка в комнате была аскетической: платяной шкаф, два письменных стола и четыре стула – самая простая казённая мебель, оставшаяся здесь с советских времен. Здесь было чисто, но очень неуютно.

Сняв пуховик, я повесила его в небольшом шкафу для верхней одежды и села у свободного письменного стола.

Алфеев так непритязателен, – думала я, рассматривая помещение, – или ему дела нет до условий, в которых работают его сотрудники?! И почему это у него, – довольно молодого и успешного мужчины, помощница предпенсионного возраста?

– Простите, а как Вас зовут? – обратилась я к ней.

В этот момент дверь комнаты распахнулась, быстро вошел высокий, длинноногий, хорошо сложенный мужчина.

– А вот и Евгений Алексеевич! – обрадовалась женщина.

Скинув куртку и едва поздоровавшись, Алфеев сразу предупредил, что спешит. Он сел за стол рядом со мной, и, задав пару дежурных вопросов, ответы на которые и без того были ему известны, счёл это достаточным. То ли он не знает как вести собеседование, то ли вообще не считает нужным его вести, – недоумевала я. – Для чего же тогда назначил встречу, если ему так некогда и совершенно не важно, кто я такая?!

Думая так, я не сводила глаз и с интересом рассматривала хорошо вылепленное, но совершенно непривлекательное, даже несколько отталкивающее лицо своего потенциального работодателя. Стриженная налысо голова придавала его облику бандитскую брутальность. У Алфеева был слишком крупный рот и тонкие губы. Его сильно старили глубокие морщины на лбу и клочковатая борода. Но в нём чувствовалась энергия и живость, свойственные молодости. Говорили, что он везучий, и обладает хорошей интуицией.

– Вы будете руководить округом, по которому избирался Сергей, – легкомысленно улыбувшись, сказал Алфеев.

– Он говорил, что Вы предлагали ему работать в Центральном штабе...

– Хорошо. Вы ведь будете моим заместителем.

– Чем я должна буду заниматься?

– Всем, что связано с выборами, – сказал он.

Немного помолчав, Алфеев суетливо провел рукой по своей лысине, и вдруг спросил:

– Сколько вы хотите получать за работу?

Этот вопрос озадачил меня. Прежде, когда я руководила избирательными кампаниями, всегда сама определяла размер оплаты наемных работников исходя из их вклада в общее дело и бюджета кампании, поэтому ждала предложения от Алфеева.

– Не знаю Ваших возможностей, – я недоуменно пожала плечами. – Сколько Вы предлагаете?

– Предпочитаю, – Алфеев криво улыбнулся, – чтобы человек сам назвал себе цену.

Вот так да! – удивилась я. – Он мнит себя покупателем на рабовладельческом рынке?! Полудурок! Совсем не забавно! Я не стану участвовать в торжищах!

Моё разочарование в Алфееве было таким сильным, что я задумалась над тем, как уйти, чтобы и себя не уронить, ведь я уже дала согласие на работу, и его не задеть.

– Так сколько? – настаивал Алфеев, уверенный, что именно так должен вести себя деловой человек.

– Давайте договоримся на месяц, – стараясь интонацией смягчить отказ, сказала я. – Не уверена, что наше сотрудничество сложится. Путь пока будет тысяча долларов.

Нам обоим известно, что за такие небольшие деньги во время выборов работают только технические сотрудники штабов, но мне важно было оговорить условие, которое в любой момент позволит легко отказаться от взятых на себя обязательств.

– Полторы, – подвел черту Алфеев. – Работать будете со мной, а когда я в Москве, – с моими помощниками, – добавил он и встал из-за стола.

– Вот Любовь Петровна, – он рукой указал на пожилую женщину, которая в этот момент разбирала бумаги за соседним столом. – Она даст Вам телефон Артёма. Извините, спешу! Меня Сорокин ждет.

Разговор был закончен. Выходит, Баширов прав. Так как Алфеев пригласил меня только для того, чтобы определиться с «моей ценой», то я нужна ему лишь в качестве «работяги». Плохо и то, что новый работодатель даже в общих чертах не определил круг моих обязанностей и не наметил плана действий.

Расстроенная, я тоже встала из-за стола.

Алфеев задержался возле своей помощницы, и я первой подошла к шкафу, где оставила свою верхнюю одежду. Открыв дверцу, обнаружила, что меховая куртка Алфеева висит поверх моего пуховика. Ерунда, казалось бы, но неприятно: почему я должна перевешивать чужую мужскую куртку?! Неужели этот кандидат в губернаторы не знает элементарного, – что нельзя вешать свою верхнюю одежду на одежду постороннего человека?! Или он сознательно поступил так, ведь в шкафу много места и полно свободных вешалок?! Надо посмотреть, – решила я.

Ничем не выдав своего недовольства, я дождалась, когда Алфеев, наконец, подошёл к шкафу и снял свою куртку.

– Даже приятно, – улыбнулась я ему, давая понять, что прощаю его бестактность.

– Что?! – не понял Алфеев.

– Приятно, что Вы повесили свою куртку на мою, – с досадой пояснила я.

– Вам так мало надо?! – с издёвкой спросил Алфеев, превратно истолковав мои слова.

Зря я пощадила его самолюбие, – подумал я. – Надо же так извратить ситуацию! Он решил, что я счастлива уже от того, что нахожусь рядом с ним и наша верхняя одежда случайно соприкоснулась! Он – настоящий полудурок! Решил просто: если я «продаюсь» за полторы тысячи, значит, – «лохушка»!

Вздыхнув поглубже, я сказала себе: не стоит так огорчаться, ведь была предупреждена о том, с кем связываюсь.

И я промолчала.

Выйдя на улицу, я не спеша направилась в сторону автобусной остановки. Бредя по заснеженному тротуару, я вспоминала детали поведения, жесты и мимику Алфеева, размышляла над тем, почему, на ходу переговорив со мной, он поспешил на встречу с Сорокиным.

Сам по себе этот факт мало что значит, если не учитывать того, что Сорокин тоже выдвинул свою кандидатуру в губернаторы.

Я лично не знакома с этим «деятелем», но мне известно, что в начале 90-х в угоду младореформаторам он провел в регионе разрушительную «прихватизацию», пустив по миру сотни сельскохозяйственных кооперативов и принадлежащих им на правах собственности перерабатывающих предприятий. И до сих пор Сорокин беззастенчиво ворует везде, где только может.

Понятно, что в нынешних реалиях Алфеев ради победы на выборах будет взаимодействовать с кем угодно, в том числе и с мерзавцами, и со своими соперниками. Но то, что офис Алфеева находится в здании, принадлежащем Сорокину, – это уже слишком! Если бы Алфеев и Сорокин были реальными соперниками, то на такое соседство оба не пошли, хотя бы из соображений информационной безопасности. А раз это не важно, значит, у этих кандидатов совместные планы на будущее и даже общая стратегия ведения избирательной кампании. И то, что для Алфеева не принципиально, кто именно будет нанят в его штаб, лишней раз свидетельствует, что на предстоящих выборах он – не самостоятельный игрок, а лишь фигура прикрытия в игре Сорокина. Такой расклад меняет для меня всё. Похоже, я совершенно неверно представляла себе игру, в которую решила ввязаться.

*Миссурск, 10 января*

Необходимо было как можно скорее опровергнуть или подтвердить возникшие у меня догадки. Мне нужна была хотя бы ещё одна встреча с Алфеевым.

Позвонив Любове Петровне, я выяснила, что он уже уехал по делам в Москву, и она понятия не имеет о его планах.

Чувствуя, что тянуть неопределённую ситуацию не имеет смысла, я позвонила в Москву брату и сказала:

– Извини, Серёж, но работать на Алфеева я не буду.

– Что-то случилось?

– Да он не игрок, а фигура! Не берусь судить, как было раньше, но в этих выборах он – пешка, которой пообещали, что проведут в ферзи, зная, что она – жертва. Да и со мной он ведёт себя как пацан из подворотни!

– Странно! В Госдуме его считают весьма перспективным политиком.

– Кто так считает?! Да и что это за аргумент?! – вспыхнула я. – Мне точно известно, что во фракции многие называют его «выскачкой».

Меня возмутило то, что брат разговаривает со мной так, словно речь идёт о каком-то досадном недоразумении, а не о серьёзном деле, в которое он меня втягивает.

– Сам его статус руководителя комитета свидетельствует о его перспективности. Может ты ещё не разобралась в ситуации?!

– Поверь, он – очень проблемный кандидат! Я не об известных слухах и домыслах! Я не могу принять того, что он ориентируется на Сорокина, а не Сухаренко.

– Попробуй переубедить его.

– Поздно переубеждать. Поезд уже ушёл. Кампания началась.

– Согласен, задача не простая. Но мы же не ищем легких путей!

– Ну что ты придуряешься?! Все ищут легких путей! – снова вспыхнула я. – Ты требуешь от меня большего, чем я сама хотела бы сделать! Я позвонила потому, что считаю необходимым поставить тебя в известность о своем намерении, ведь ты рекомендовал меня Алфееву, – не более того!

– Я услышал тебя, – сразу отступил Сергей. – На месте, разумеется, виднее, – поступай, как знаешь! Но я советую хотя бы начать работать с Алфеевым. Ты же сама знаешь, что возможности являются как раз случаями неэффективности.

– Боюсь, моих ресурсов не хватит, чтобы воспользоваться «такой» возможностью, – устало вздохнула я. – Пока!

Разговор с братом не принес облегчения, и не внёс ясности в ситуацию. Удрученная этим, я ничем не могла заняться и решила, что для того, чтобы переключиться, надо просто поспать. Из проходной гостиной, где обычно спала, я ушла в комнату сына, легла поверх шерстяного пледа на его кровати и сразу уснула.

Проснулась от щелчков в замке входной двери. Быстро встала и, поправив постель, поспешила встречать сына.

– Привет, мамуля! – прокричал он из коридора.

– Привет, Санёк!

Подойдя к сыну, я поцеловала его в розовые от мороза щеки, и удивилась тому, что не могу сразу определить его настроение. Трудно сказать в кого, но Санёк был очень сдержанным. Его старшие братья-близнецы – Егор и Антон, напротив, были эмоциональными, добрыми и открытыми ребятами. Глаза их всегда искрились жизнерадостной энергией, и общение с ними доставляло удовольствие. Но они уже пару лет жили отдельно от нас с Матвеем, снимая квартиру в Москве. Так и не привыкнув к разлуке сыновьями, я сильно скучала по ним.

– Мне сегодня Егорка звонил, – сообщил, Саша, – сказал, что они приедут на мой день рождения. Ты хоть помнишь, что он через неделю?!

Сын с надеждой заглянул мне в лицо.

– Даже и не подлизывайся! Сходишь с ними в шоколадницу, – и всё! – сказала я и ногой пододвинула Саньку тапочки, которые он в рассеянности искал глазами. – Мы сюда не развлекаться приехали! Сначала – хороший аттестат, потом – всё остальное!

– И ужина не будет?!

– Мой руки, и приходи!

Ещё раз поцеловав сына, я отправилась на кухню накрывать стол. Разогрела в микроволновке вчерашний плов, нарезала к нему свежих помидор, и красиво разложила всё в две большие плоские керамические тарелки. Как раз в это время подоспел Санёк: он уже умылся и переоделся в домашнее.

– Кушать подано! – торжественно произнесла я, с удовлетворением оглядев результаты своего труда.

– А что ты сегодня такая злая? – спросил вдруг Санек, усаживаясь за стол.

– Злая?! – удивилась я.

– Ну, сосредоточенная какая-то...

– Да, сынок! – я с осуждением покачала головой. – Если ты так небрежно будешь излагать свои мысли, то мы в Миссурске надолго застрянем!

– Я просто тебя поддразнил, чтобы рассказала, как твоя встреча с Алфеевым прошла.

– Нормально прошла! Ешь. Приятного аппетита!

– Но я же вижу, что тебя что-то беспокоит! – продолжал любопытствовать Санёк.

– Сегодня я позвонила дяде Серёже и сообщила ему, что не хочу работать с Алфеевым.

А он говорит, что надо попробовать.

– Ну и что?!

– Да ничего! Я не вижу совершенно ничего, что позволило бы это сделать.

– Ты ведь сама не раз говорила, что хотела бы поработать именно с перспективным политиком, и Алфеев такой.

– И ты туда же! Это обще место: с перспективными все хотели бы работать! Но для меня такого шанса не будет, потому что я уже не молода и всё ещё бедна. Понятно?! А говорила я о другом. После президентских выборов политический рынок в стране не просто сузился, он практически уничтожен. Поэтому наиболее оптимальной мне представляется ставка на перспективного политика, которого другие не воспринимают таковым. Улавливаешь разницу?

– Кажется, да. Примерно так действуют на падающем рынке хедж-фонды, покупая недооцененные и продавая переоцененные финансовые инструменты.

– Читаешь мои материалы?! – строго спросила я, про себя умилившись любознательности сына.

– Да, – нерешительно признался Санёк в том, что без спроса залезал в мой в компьютер. – И про то, что Алфеева все считают «выскочкой», я тоже знаю. По-твоему ведь получается, что он – подходящий кандидат.

– Налей-ка мне чаю, умник! Теоретически так и есть. Но, познакомившись с ним, я поняла, что губернатором ему не стать.

– А я согласен с дядей Сергеем! Мы уверены, что ты способна обеспечить победу на выборах любому, а значит и Алфееву.

– Я тоже не уверена, что не смогу! – усмехнулась я и глубоко вздохнула. – Но... практика – критерий истины!

– Да ладно, до выборов ещё девять месяцев! Сто раз всё переменится! Мы в тебя верим!

– Да, да, – я иронично покачала головой, – я тоже вас люблю! Наверное, уйти сейчас, означает расписаться в своей недееспособности. Но, как говорится, «древо жизни, пышно зеленеет» и надо определиться каким путём идти. Так что спасибо за доверие, но сейчас покончим с ужином, и я пойду ещё подумаю.

– Мам, ты ведь говорила, что как только подумаешь о поражении, так оно и начинается!

– Забавно! Ты что, в адвокаты к Алфееву записался?! Я, между прочим, не сказала, что не попробую с ним работать. Мы сегодня договорились на месяц, – а там посмотрим. Давай, мой посуду, а я всё-таки поработаю.

– Погоди, можно ещё вопрос?!

– Давай!

– А чем он не понравился тебе?

– Маленький ты ещё, Санёк! – я ласково улыбнулась сыну и, прощально помахав рукой, направилась к выходу, но остановилась в дверях. – Не он мне не понравился, а я не пришлась ко двору. Для таких как он, человек есть то, чем он владеет. Мы бедны! Слышал, наверно, как они говорят: «Если ты такой умный, то почему же такой бедный»?!

Шагнув за порог кухни, я снова приостановилась.

– Кстати, Санёк, у меня к тебе просьба: ни с кем не разговаривай ни о выборах, ни об Алфееве. Учти, для всех я – только домохозяйка, занимающаяся подготовкой сына к ВУЗу. Это – одно из условий нашей с тобой безопасности, да и успеха дела. Ты помнишь, как ребята вели себя в прошлые избирательные кампании?!

Взглянув на сына, я заметила, что парень растерялся.

– Вряд ли, конечно помнишь! Да это и не важно! Всё у нас в порядке, правда?!

– Конечно, мамуль!

*Миссурск, 24 января*

Я напряжённо ждала случая привлечь к себе внимание Алфеева. Но, приезжая в Миссурск на выходные, он занимался разного рода переговорами и встречами с влиятельными людьми, которые сам же и планировал из Москвы.

Раз не получается переговорить, – решила я, – напишу ему записку по вопросам организации избирательной кампании, ведь её он сможет прочесть в любое удобное для себя время.

Купив в ближайшем магазине какое-то пособие, я выискивала в нём то, что можно хоть как-то приспособить к нашей избирательной ситуации. В итоге получилась довольно качественная имитация служебной записки. Но я впустую потратила время: получив записку, Алфеев даже не поинтересовался, а чего собственно, я добиваюсь.

И вот сегодня, дождавшись его появления в штабе, я подошла к нему и без обиняков сказала:

– Извините, я прошу Вас найти время для более обстоятельного разговора со мной, чем тот, что был при найме.

– Что ж, давайте хоть сейчас переговорим, – легко согласился он. – Здесь, на втором этаже должны быть пустые кабинеты. Пройдемте?!

Мы молча поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Первый же попавшийся кабинет, в который Алфеев заглянул, действительно оказался свободным. Жестом он пригласил меня пройти, и мы сели за стол напротив друг друга.

Не зная с чего начать, а ведь именно я просила о встрече, я принялась вынимать из своей сумочки бумаги с материалами о текущей избирательной кампании. Однако, заметив насмешку, мелькнувшую в лице Алфеева, я тотчас прекратила это занятие и отложила бумаги в сторону. Стараясь быть серьезной, спросила:

– Евгений Алексеевич, у Вас есть свой имиджмейкер или стилист?

– Я сам себе имиджмейкер! А что не так? – улыбаясь, он наклонил голову, и, игриво заглянул мне в глаза.

– А Вам известно, каким электорат хочет видеть своего будущего губернатора?! – старательно приглушив свет в своих глазах, я чуть заметно улыбнулась.

– Каким же? – кокетливо поинтересовался Алфеев. – Я очень молод и энергичен!

Я замерла от неожиданности. Трудно было поверить, что политик может так заблуждаться относительно впечатления, которое он производит. Алфеев выглядел много старше своего возраста: сединой отливали волосы, пробивавшиеся на его стриженной голове; глубокие морщины посреди его высокого лба были следами какого-то скрытого нездоровья, плюс окладистая борода и неровный цвет лица.

Вероятно, он опирается на свое самоощущение, – подумала я, – а в зеркало смотрится редко, и не видит себя со стороны.

– Социологи считают, – сказала я, – что на предстоящих выборах избиратели предпочтут седовласого, умудренного опытом кандидата в губернаторы. Что же касается Вашего облика, то, без сомнения, надо изменить форму бороды или вообще сбрить её, – она у Вас клочковатая!

Теперь уже у Алфеева от удивления взлетели брови. Наконец-то мне удалось задеть его за живое!

– Да и костюм надо сменить, – продолжила я закреплять свой незначительный успех, хотя догадывалась, что за скромностью своего повседневного костюма Алфеев пытается скрыть большие амбиции. – Вы ведь не разночинец! Вы – успешный деловой человек и одеты должны быть респектабельно. У Вас есть добротный костюм? Или Вы всегда ходите в джемперах и джинсах?!

Глаза Алфеева чуть сузились, во взгляде появилась осмысленность, свидетельствующая о напряжённой мыслительной работе.

– А что такое добротный костюм? – вдруг спросил он.

Я вновь на мгновение замерла: не уловила, спрашивает он серьезно или издевается в отместку за мою бесцеремонность.

– Добротный – значит хорошо сшитый! – со всей серьезно произнесла я, и ни один мускул не дрогнул на моём лице. – Из качественной, дорогой ткани. Важно так же, чтобы он хорошо сидел на фигуре.

– То есть, вы считаете, что «главное, чтобы костюмчик сидел»? – усмехнулся Алфеева и глаза его весело блеснули.

Со стороны наш разговор выглядел нелепым, и, едва сдерживаясь от смеха, я согласно кивнула.

– Черный подойдет? – простодушно спросил Алфеев. – У меня в Москве есть такой черный костюм.

– Подойдет! – с облегчением вздохнула я. – Но, если серьезно, то есть вопросы по избирательной кампании. Во-первых, по стратегии. Есть ли у Вас договоренности с Полпредом Сухаренко?

– Нет, и не может быть! – мгновенно среагировал Алфеев. – Мы с ним конкуренты.

– В чем конкуренты?! – поразила я.

– Ну, по прежним карьерным делам..., – замялся Алфеев.

У меня отлегло.

– Понимаете, – я прямо посмотрела в темно-серые глаза Алфеева, и твердо произнесла, – пока поезд не ушёл, для Вас важно верно сориентироваться и сделать правильную ставку. Уверена, что Сухаренко и его команда сейчас, и на ближайшую перспективу, будут контролировать региональные элиты округа. Без его поддержки Вам нигде не выиграть!

Алфеев ответил мне таким же прямым, долгим испытующим взглядом. Я спокойно выдержала этот взгляд. Похоже, я не промахнулась, обозначив проблему, несомненно, тревожащую и Алфеева. Но то, что я сказала, выходило за рамки моих полномочий. Лицо Алфеева посерьезнело и стало строгим.

После небольшой паузы он с деланным равнодушием спросил:

– Какие вопросы ещё?

Так как он закрылся и теперь сидел, подперев рукой подбородок, надо было говорить о менее принципиальных вещах.

– Нужен руководитель штаба, – сказала я и просительно взглянула на Алфеева. – Находясь в Москве, Вы не можете решать все организационные вопросы, которые неизбежно и в большом количестве возникают здесь. Я устала теребить Любовь Петровну и Артёма. Да у них и нет распорядительных полномочий!

– Пока я сам буду руководить, – отрезал Алфеев.

Он больше не хотел продолжать разговор.

– Хорошо, Евгений Алексеевич! – подчёркнуто вежливо сказала я. – Спасибо!

Мы оба одновременно встали из-за стола и молча направились на первый этаж в штаб, думая каждый о своем. Я была довольна собой, радовалась, что сделала первый успешный шаг на пути к нашей общей победе, и поэтому шла, легкомысленно улыбаясь, и с боку поглядывая на Алфеева. Признаться, меня возбуждала энергия, исходившая от шедшего рядом молодого волевого мужчины. На мгновение даже возникало приятное ощущение близости с ним. Мы вместе спускались по лестнице и движения наши были синхронны.

*Миссурск, 5 февраля*

Оптимизм, возникший у меня после разговора с Алфеевым, вскоре совершенно исчез. По мере того, как истекло время контракта, заключенного между нами, нарастало моё беспокойство и внутреннее напряжение.

Алфеев нанял для работы в штабе ещё несколько человек, и даже раздавал кое-какие мелкие поручения, но по сути ничего не менялось. Я написала ему ещё пару записок, остав-

шихся, как и прежние, без ответа. И хотя теперь Алфеев стал чаще появляться в штабе, но при случайных встречах со мной он отводил глаза в сторону.

Сегодня, проходя мимо тамбура, я увидела сквозь стекло двери, что там курит Алфеев. Он был один. Я вошла и решительно приблизилась к нему практически вплотную.

Опасаясь, что кто-то может случайно войти и услышать, я тихо, однако со всей серьезностью спросила:

– Если Вы не хотите «играть» с Полпредом, то какой смысл мне работать на Вас?! Я ухожу.

Алфеев молчал, опустив голову. Мне показалось, что он не понимает, почему я настаиваю. Но сейчас не было возможности объясниться. Надо было просто сказать то, что покажется ему убедительным, то есть обозначить мой «чисто шкурный» интерес, – иначе он не поверит.

– Я надеялась, – продолжила я, так тихо, чтобы мог слышать только Алфеев, – что, работая на Вас, получу шанс сблизиться с этой политической группой. Иначе, зачем мне тратить свое время?!

Отступив на шаг, я прислонилась спиной к тёплому радиатору и тоже закурила. Алфеев по-прежнему молчал.

– Вы серьезно полагаете, что ради нескольких тысяч долларов? – с горечью спросила я, не глядя на него. – Не смешите меня! Я уверена, и Вы должны понимать, что Сухаренко – лидер той группы, которая теперь контролирует регион и без её политического и административного ресурса выборы в новых условиях уже не выиграть! А Вы продолжаете возиться с аутсайдерами – с уходящими политическими группами. Жаль!!! У Вас самый высокий рейтинг поддержки населением! У Вас неплохой личностный ресурс. А Вы...

Не поднимая головы, Алфеев тихо произнес:

– Я прошу Вас сейчас не торопиться с решением.

Эти слова просто взбесили меня. Резко выпрямившись, я быстро вышла из курилки, даже не попрощавшись. Мало того, что Алфеев не понимает политического расклада, – негодовала я, так он ещё пытается манипулировать мною! Как можно, апеллируя к доброму отношению просить остаться, если он сам и не собирается учитывать мой интерес?! Какой смысл оставаться с таким человеком? Чего ещё ждать?!

Вернулась в штаб, я быстро затолкала свои вещи: бумаги, ручки, очки и прочие мелочи, – в сумку, и решительно направилась к выходу. На пороге обернулась и бросила помощнице Алфеева, с удивлением наблюдавшей за мной:

– Я больше не приду! Можете считать меня уволившейся!

Всё во мне клокотало от негодования на Алфеева, который оказался глупой марионеткой Сорокина. Заодно я сердилась и на себя, за то, что связалась с таким полудурком.

В самом конце коридора, ведущего к выходу из здания, меня догнала сильно запыхавшаяся Любовь Петровна. Даже в полумраке коридора на её бледном, болезненном лице были видны полные тревоги глаза.

– Джули Борисовна, подождите минутку!

Я остановилась.

– Вы вот сердитесь на Евгения Алексеевича, а ведь он с уважением относится к Вам. Только Вас и слушает!

Пронзительно взглянув на помощницу Алфеева, я горько усмехнулась про себя: эта льстивая лгунья пытается удержать меня, только потому, что в штабе не хватает простых исполнителей.

Боязливо оглянувшись, Любовь Петровна шёпотом сказала:

– Он уже две недели ходит к Полпреду, но Семён его всё не принимал. А сегодня утром принял! Вроде они договорились. Не горячитесь! Евгений Алексеевич сказал, что завтра на

собрании членов штаба сделает важное заявление и просил лично Вас об этом предупредить. Обязательно приходите завтра! Уж месяц терпели, так ещё чуть-чуть...

Я мгновенно остыла. Помощница Алфеева не могла сама придумать такое. Порывисто обняв пожилую женщину, я поцеловала её в щёку.

– Похоже, – воскликнула я, – есть смысл в том, чтобы «сейчас не торопиться с решением»!

– Конечно, конечно, – шептала Любовь Петровна и растроганно улыбалась, глядя на меня.

### *Миссурс, 6 февраля*

В приподнятом настроении, но всё же с опасением и внутренней готовностью выйти из игры, я пришла на собрание штаба. Все уже были на месте. Алфеева сидел за столом, и на лице его была непроницаемая маска. Ограничившись общим «здравствуйте», я села на ближайший к выходу стул.

Алфеев сразу же открыл собрание. Обращаясь ко всем присутствующим, и даже не взглянув на меня, он громко сказал:

– Вот, Джули Борисовна, Вы давно говорите о том, что нам нужен руководитель центрального штаба здесь, на месте, и я, наконец, подобрал подходящую кандидатуру – Жаров Сергей!

И форма обращения, и само известие неприятно кольнули меня. Я не стремилась стать руководителем штаба, и если бы мне предложили, – отказалась, потому что на таком посту должен быть человек с обширными региональными связями. Просто то, что Алфеев не обсудил со мной кандидатуру руководителя штаба, свидетельствовало о том, что я не вхожу в его ближний круг.

– Я давно знаю его и доверяю, – весь покраснев, продолжал громко говорить Алфеев. – Сейчас он руководит МУПом «КРУ». Он успешный предприниматель. Матвей Сергеевич участвовал во многих избирательных кампаниях. Предоставляю ему слово.

Если бы всё было так, как ты говоришь, – подумала я, – то не краснел бы.

Пока Алфеев представлял Жарова, тот широко улыбался, сияя от удовольствия, и суетливо поглядывал вокруг: мол, вот он я, прошу любить и жаловать! Теперь, когда он направился к центру комнаты, я шёпотом спросила у сидевшего рядом мужчины:

– А что такое КРУ?

– Комбинат ритуальных услуг – или похоронное бюро, – подсказали мне сразу двое соседей.

Услышав это, я прыснула от смеха: Жаров был одет в черный костюм, черную рубашку и того же цвета лакированные сапоги! Однако роль inferнального шефа похоронного бюро совершенно не вязалась с ним самим – пышущим здоровьем, низкорослым плотным крепышом, с тугими розовыми щёчками.

Занимаясь самопрезентацией, Жаров довольно долго и с упоением говорил о чем-то, драматично заламывая холеные белые ручки. В это время Алфеев, сидевший практически напротив меня, ни разу не поднял головы и не пересёкся со мной взглядом. Наблюдая за ними обоими, я пыталась понять, что так смущает Алфеева. Может быть дело в том, что он привел сюда ставленника Сорокина, как об этом только что сообщил собравшимся сам Жаров?! На данном этапе избирательной кампании это не критично. Важнее, что Алфеев всё-таки достиг определенных договоренностей с Полпредом. Почему он сам ничего не сообщил мне о результатах переговоров?! Не уверен во мне?! Нет, скорее в ситуации столько неопределенности и скрытых опасностей, что он не уверен, сможет ли, как говорится, проплыть между Сциллой и Харибдой, то есть прежними и новыми «союзниками»! А, может быть, его смущает то, что я потребую благодарности в виде денег? Эх, благодарность! Известно, что за мелкие услуги люди благодарят всегда, за значительные – изредка, а за серьезные – никогда.

В этот момент мой слух резанула последняя фраза Жарова:

– Вот и Женька может подтвердить мои слова!

В штабе так повелось, что вся, недавно нанятая в штаб молодёжь, называла Алфеева «Женькой», – мол, в Европе и Штатах все обращаются друг к другу по имени, а российское обращение по отчеству – вообще анахронизм! Но, чтобы новоиспеченный руководитель штаба, да ещё во время собственной презентации позволял себе такую наглую и глупую фамильярность – это уже перебор!

– Если мы работаем на кандидата в губернаторы, – с места сказала я, и в голосе моём был металл, – то он не может быть «Женькой». Никаких уничижительных обращений! Он – Евгений Алексеевич!

На мгновение в штабе воцарилась тишина.

– Разумеется! Извините. – сказал Жаров, и тут же поправил сам себя, – Евгений Алексеевич согласен с этим.

Я укоризненно посмотрела на Алфеева. Неужели он не понимает, что фамильярность – путь к презрению?! Неужели действительно согласен с ролью мальчика для битья, уготованную ему «партнерами» в предстоящей избирательной кампании?! Но Алфеев не видел этого моего взгляда. В этот момент он аккуратно складывал свои бумаги, готовясь закрыть заседание, и упорно делал вид, что происходящее его не волнует.

Сразу после заседания штаба я отправилась к Скриповой Светлане, рассчитывая побольше разузнать о Жарове. Мы со Светланой работали вместе на выборах брата. Она – настоящая кубанская казачка, яркая и бойкая женщина. Светлана любила посплетничать не меньше, чем громко попеть и вкусно поесть. Её не надо было тянуть за язык, чтобы узнать всё, что ей известно.

Её семья жила недалеко от центра в просторной квартире с высокими потолками. В их хлебосольном доме обычно бывало многолюдно. И в этот раз я застала там гостей. Светлана хлопотала на кухне, и я сразу вызвалась ей помочь. Улучив момент, когда никто не мог услышать нас, я спросила:

– Ты знаешь руководителя КРУ – Жарова Сергея?

– Так кто же его не знает!?! – оживилась Светлана.

Буквально за пять минут, не отрываясь от нарезки закуски к пиву, и приготовления котлет, она рассказала мне всё известное ей о Жарове и даже высказала свои соображения относительно его роли в начавшейся избирательной кампании.

– На самом деле, то, что в начале девяностых он был держателем гей-клуба, – очень важно, – втолковывала мне она. – Там тусовался весь молодняк, ставший нынешней элитой Миссурска. Связи формировались именно там. Но ещё важнее, что потом он стал вице-президентом холдинга «Ауро». А президентом его кто был?!

Света лукаво взглянула на меня.

– Косычев?

– Да! И представь, он тоже идёт на выборы губернатора Миссурской области! Так что получается, что Жаров зависит не только от Сорокина, но и от Косычева. Он лоялен им обоим! А работать, говоришь, будет на Алфеева?! Молодец, – слуга трёх господ! Значит, между ними всеми сговор! Ох и грязной будет кампания!

– Странный вывод ты сделала, – я пожалала плечами.

– Жаров – гениальный чёрный пиарщик! – чуть ли не с восхищением сказала Светлана. – Вспомни грязь, которую лили на твоего Сергея! Так вот, позже мы выяснили, что Жаров за этим стоял! Его у нас все боятся.

– Но мы же тогда справились!

– У нас была команда, – с ностальгией произнесла она, – сейчас таких и быть не может!

– Сговор, кстати, не обязателен, – высказала я своё предположение. – Может быть, приближая Жарова, Алфеев просто рассчитывает нейтрализовать его гений «черного пиарщика»?!

– Твой Алфеев родом из Кайногорска. Близко, конечно, – но не наш! И здесь он недостаточно влиятелен. Административный ресурс, без которого никуда, весь у Сорокина, деньги – у Косычева. Так что у Алфеева практически нет шансов. Никто ему Жарова за просто так не уступил бы. Кстати, Жаров и сам бы не пошел к аутсайдеру. Так что сговор очевиден.

Слушая Светлану, я в очередной раз поразились тому, насколько по разному выглядит одна и та же ситуация из Москвы и на месте. Здесь мало кто мог предсказать, да теперь сильно недооценивают, появление на политической сцене Миссурска новой группы влияния – Полпредства Президента. В таком случае мне остаётся надеяться только на политическую интуицию Алфеева.

*Миссурск, 11 февраля*

Получив задание от Жарова, я занялась формированием районных штабов в отведенном мне территориальном округе.

Вопреки опасениям, в районах работать на Алфеева было легко. Выяснилось, что задолго до начала избирательной кампании электронные СМИ, совладельцем которых он был, успели сформировать у населения, да и у местных элит тоже, его позитивный образ. К тому же, на местах многие помнили и меня, и Сергея, поэтому охотно соглашались работать со мной на предстоящих выборах. Ежедневно я успевала нанять руководителей не менее двух районных штабов и, несмотря на усталость, была вполне удовлетворена проделанной работой.

Поэтому поначалу я не обратила внимания на то, что Жаров особо подчёркивает именно мои успехи, и только сегодня, когда на заседании Штаба он стал преувеличивать мои заслуги, я насторожилась: откровенную лесть, обычно используют для усыпления бдительности. В ожидании какой-нибудь пакости от Жарова, я с особым вниманием наблюдала за поведением Алфеева.

Он сидел в дальнем углу длинного стола, подперев кулаком подбородок, рассеянно слушал выступавших, и откровенно томился от бездеятельности. Стало понятно, что за то время, пока я ездила по округу, ситуация в Штабе изменилась. Похоже, не сложилось у Алфеева с Сухаренко, и он решил действовать по своему первоначальному плану, доверившись Жарову и тем, кто за ним.

Получается, мне здесь нечего больше делать. Даже если я ошибаюсь с выводом, – подумала я, – то все равно надо уходить. Нет смысла участвовать в грязной возне ради интересов едва знакомого человека, который, к тому же, совершенно не заинтересован во мне. Не стоило и начинать! О таких ситуациях говорят: не было бабе хлопот, так купила порося!

*Миссурск, 12 февраля*

Мне не хотелось больше никого видеть, и ни с кем разговаривать в штабе Алфеева. Поэтому я приехала с утра пораньше, когда там дежурит только Любовь Петровна.

– Это мои материалы, собранные в поездке по округу. Я систематизировала их и снабдила необходимыми пояснениями, – сказала я, и выложила папки на стол. – Передайте их Жарову. Всё! Я больше не приду. И зарплата мне не нужна.

От неожиданности пожилая женщина не нашлась что сказать и лишь согласно кивала головой.

Так будет лучше, – твёрдо сказала я самой себе и вышла на улицу.

Солнце ударило в глаза. Прищурившись, я повернулась лицом к освежающему ветру. Всё ликовало во мне от чудесного ощущения легкости и свободы. Это хорошо, – что я вовремя ушла, – нечего не потеряла, и мне не о чем сожалеть! – думала я, ощущая как благо освобождение от забот и размышлений об Алфееве и его избирательной кампании!

Домой я возвращалась пешком. За время жизни в Москве я успела забыть Миссурск, который, честно говоря, толком и не знала. Мы с Матвеем приехали сюда сразу после университета, потому что здесь жил мой брат Сергей, а так же потому, что здесь нам сразу дали квартиру и предоставили садик близнецам.

То был очень напряженный период в нашей жизни. Я крутилась между домом, близнецами и работой, изредка выходя за пределы микрорайона, в котором проживала.

Да и желания знакомиться с этим глубоко провинциальным и очень бедным городом у меня не было. Узкие кривые улицы Миссурска были заставлены неказистыми, убогими домами, – не старина, а рухлядь. По разбитым дорогам, выдыхая гарь и копоть, сновали потрепаннные ПАЗики, перевоза вечно унылых горожан. Везде была грязь. Даже в местном театре стоял устойчивый запах гниющей древесины, пыли и общественного туалета.

С тех пор здесь мало что изменилось. Подлатали кое-где фасады, развесили пестрые вывески многочисленных лавок, да поставили несколько урн. А ведь когда-то здесь был центр государственной власти! Но потомки, принявшие правление, явно не любили ни этот город, ни его жителей.

### *Миссурск, 13 февраля*

Вчера вечером, когда я уже отдыхала от утомительной прогулки по городу, мне позвонила Любовь Петровна. Таинственным голосом, с придыханием от осознания важности момента, она сообщила, что Алфеев приглашает меня к себе в штаб завтра с утра.

Нельзя сказать, что я обрадовалась, но почувствовала удовлетворение, полагая, что он хочет вернуть меня.

Предвкушая начало нового, более конструктивного периода сотрудничества, я с утра отправилась в Штаб. Когда приехала, выяснилось, что как раз вчера Штаб, наконец, переехал, из здания Сорокина – и это было хорошо, то есть правильно. На прежнем месте осталась только Любовь Петровна с полномочиями помощницы депутата Госдумы. Остальные сотрудники перебрались в небольшой особнячок неподалёку.

Этот особнячок оказался настолько трухлявым снаружи, что с первого взгляда было понятно, – его надо сносить. Наверное, Алфеев арендовал его за копейки, – подумал я. – Хотя, благодаря связям с Сорокиным, Алфееву оно, скорее всего, досталось бесплатно. Действительно, прижимистый кандидат!

Внутри особнячка, вопреки моему ожиданию, было просторно и чистенько. Судя по оставшимся на стенах доскам объявлений и обилию офисной мебели, помещение совсем недавно освободили какие-то госслужащие. На ходу осматриваясь, я поднялась на второй этаж и сразу оказалась у кабинета Алфеева.

Меня ждали. За столом переговоров рядом с Алфеевым сидел Жаров. Возле стола не было свободного стула, и, войдя в кабинет, я села недалеко от двери. Такая диспозиция не к добру, – мелькнуло у меня в голове, но я сохраняла спокойствие, ощущая себя свободной от этих людей.

Уловив уклоняющийся взгляд Алфеева, я посмотрела на Жарова, – он вежливо улыбался только губами.

После взаимных приветствий именно Жаров начал разговор.

– Вот Вы, Джули Борисовна, наводите тут о нас справки, а мы тоже выяснили кое-что о Вас. Во-первых, Вы не сформировали штабы. На местах нет и половины людей, которых Вы указали в отчете.

Я вопросительно посмотрела на Алфеева. Было непонятно: кто вообще здесь хозяин, почему говорит Жаров, и какие претензии могут быть ко мне теперь, когда срок договора о

сотрудничестве истёк, а за проделанную работу я денег не прошу?! Сказали бы спасибо, что работала на них как волонтер!

Алфеев сидел с непроницаемым лицом, глядя в окно.

– Во-вторых, – продолжил Жаров, – своим ссорами с нашими людьми и скандальным поведением в районе Вы дискредитируете кандидата. В третьих, на последних выборах в Госдуму Вы специально приезжали в область, чтобы работать против своего брата. И, наконец, выяснилось, что, уже уйдя из ВУЗа, в котором работали, Вы приняли участие в интригах против ректора. Поэтому, думаю, мы с Вами не работаемся.

С изумлением слушая всё это, и глядя на торжествующего Жарова, который только что руки не потирал от удовольствия, я чувствовала, что меня поглощает какой-то сюрреалистичный мир. Всё сказанное абсолютно извращало реальность. Это я ушла от них, а они после этого делают вид, что изгоняют меня! – Вот так кульбит! Я замерла, пытаюсь привести в порядок мысли и понять, зачем им это понадобилось. Я ушла добровольно и без претензий... Чего испугались?! Или Жаров и иже с ним, увидев во мне угрозу их планам, решили вымазать меня грязью так, чтобы не отмылась?! Такие люди, когда не могут переплюнуть, стараются оплевать.

Страхнув оцепенение, я посмотрела прямо на Алфеева. Под действием моего глубокого, серьезного взгляда он встал из-за стола и принялся расхаживать по кабинету вдоль стены, свободной от мебели. Это его нервное движение, выдающее напряжение, подтолкнуло меня к решению принять гнусный вызов Жарова.

– Евгений Алексеевич, можно мне сказать несколько слов по поводу услышанного? – спокойно спросила я.

– Да, конечно! – с готовностью откликнулся Алфеев.

– Я никогда не утверждала, что сформировала все штабы, – обратилась я к Жарову. – Мне удалось полностью сформировать только 8 штабов из 14. Именно об этом я докладывала, кстати, в присутствии Евгения Алексеевича. Списки членов этих штабов со всеми их координатами я передала Грачевой, а копии у меня с собой. Хотя сейчас мы можем позвонить по любому из указанных там телефонов и убедиться, что работа проделана мною добросовестно.

– Вы конфликтуете с людьми, – перебил меня Жаров. – Вот, в Карачском районе мы предлагали Вам взять руководителем штаба ветерана – Шубина, а Вы отказали ему.

– Я встречалась с ним, – едва заметно усмехнулась я. Почувствовав, что Жаров дрогнул. – Это пожилой, очень проблемный, пьющий человек, находящийся в крайне стесненном материальном положении с тяжело больной женой на руках. Вместо него я предложила Пронина – независимого депутата Карачского райсовета. Он молод, амбициозен, и только что победил на выборах. Сергей Сергеевич, – улыбнувшись, я укоризненно покачала головой, – когда на прошлой неделе я докладывала Вам об этом, Вы ничего не имели против такой, совершенно целесообразной, замены, – разве не так?!

– А почему Вы разругались с Мельниковой? – вмешался Алфеев. – Это ценный для нас человек! Работая руководителем соцзащиты, она имеет необходимое влияние и связи.

В его интонации не было ни угрозы, ни обвинения, скорее недоумение. Похоже, он хотел быть на моей стороне, а не просто играл роль «доброего следователя».

– Это какое-то недоразумение, или Вас сознательно дезинформировали, – со всей искренностью сказала я. – Уже во время первой встречи Мельникова Елена дала согласие на сотрудничество и даже пригласила меня к себе домой в гости. А буквально дня три тому назад я помогла ей лечь в больницу в областном центре, и теперь мы ежедневно созваниваемся с нею. Пожалуйста, вот, на моём сотовом всё видно!

Быстро достав из кармана свой сотовый, я на ладони протянула его Жарову. Он не шелохнулся. Я убрала телефон на место.

– А сегодня ещё и её муж звонил, – продолжила я. – Он просил навестить Елену, потому что из района сложно каждый день ездить в больницу, тем более, что он работает. Все нор-

мально с Мельниковой и моими с ней отношениями! Она подлечится, и будет возглавлять районный штаб. – Что же касается моего брата, – я недоумённо пожала плечами, – то ситуация была такая. Во время прошлых выборов в Госдуму, я работала в Москве, в Торгово-Промышленной Палате, и была очень занята. Мне удалось выбраться в регион всего дважды, чтобы помочь Сергею. В первый приезд все три дня я провела на телевидении, снимая рекламные ролики для него. Хотя я работала на другом канале, но, думаю, ваша сотрудница – журналистка Ткачёва может подтвердить мои слова, так как в это время я общалась с нею в телестудии. Ситуация тогда сложилась так, что проигрыш Сергея был предопределён. Но он решил пройти путь до конца, и я не могла отказать ему в посильной помощи. Второй раз я приехала в Миссурск наблюдателем, но только на день выборов. Тогда довольно быстро выяснилось, что сотрудники районной избирательной комиссии, в которую я была направлена Сергеем, подготовились к фальсификации результатов в пользу Главы района. Я лично знала этого Главу как абсолютно бессовестного взяточника. Но самостоятельно с ним и его пособниками я бы не справилась, потому что у нас не было для этого средств – телекамер, журналистов, наблюдателей, автомобиля – в общем, ничего! Поэтому я пришла в штаб его соперника – Косычева, который был лидером на тех выборах. Объяснила его людям, что возможности для фальсификации у Главы района есть, но если они мне помогут своими ресурсами, то мы сможем их предотвратить. На том и договорились. Так что результаты по тому району получились вполне объективными. Это что ли вы назвали «работой против брата»?

Слушая меня, Алфеев время от времени понимающе кивал головой, а с лица Жарова не сходила ироничная усмешка, но его колючие глаза смотрели внимательно и серьезно.

– По поводу интриг вокруг проректора ничего вообще сказать не могу. Я перестала работать в ВУЗе почти десять лет тому назад и делами института вообще не интересуюсь, тем более, что последние годы проживаю в Москве... А, да! – вспомнила я. – Приезжали как-то миссурские предприниматели к Сергею, когда он ещё был депутатом. Они жаловались на то, что мой бывший ректор не помогает продвигать научные разработки в Москве. Тогда я и брякнула: «Бесполезно его стимулировать. Он и не знает, как собственно вам помочь. Этому ВУЗу вообще другой ректор нужен». Вот и всё! Не думаю, что это мое мнение можно назвать «интригами». А больше, – ни слухом, ни духом!

Алфеев, наконец, перестал расхаживать вдоль стены и сел за стол.

– Джули Борисовна, – как ни в чём не бывало, сказал он, – у меня к Вам одна просьба: пожалуйста, ни о чём не разговаривайте ни с кем из членов штаба. Народ у нас своеобразный. Вы просто их не знаете! Предлагаю сейчас закончить разговор. Встретимся завтра вечером на заседании штаба. Хорошо, Джули Борисовна?!

Я неопределенно повела плечом. Произошедшее объяснение опустошило меня, все чувства во мне притупились.

Вернувшись домой, я бросилась на диван в надежде забыться и уснуть. Но размышления ни на минуту не дали мне задремать. Так, ворочаясь с боку на бок, не находя покоя, я пролежала до вечера, когда из школы вернулся сын. Мы вместе занялись обычными бытовыми делами, но скрыть от Санька свое угнетённое состояние мне не удалось.

– Да я вижу, что что-то случилось! – беспокоился он.

Рассказать мальчику о случившемся было бы слишком опрометчиво, но и совершенно изолировать его от информации об обстоятельствах своей жизни и работы, – ошибочно.

– Сегодня встречалась с Жаровым и Алфеевым. Боюсь, мне не хватит сил для работы с ними. Я имею в виду, что для конкурентной борьбы внутри штаба нужна особая психологическая устойчивость.

– Да ладно! – не поверил в мою слабость Санёк.

Взглянув на него, я улыбнулась. Я люблю этого красивого, кучерявого подростка и всякий раз испытываю радость, заметив в нём ответную привязанность.

– Поясню. Мое положение можно сравнить, например, с положением путешественника, который, попав на африканское плоскогорье, покрытое деревьями и зелеными лужайками, воображает, что находится в английском парке, тогда как:

«В Африке акулы,  
В Африке гориллы,  
В Африке большие крокодилы.  
Будут вас кусать! Бить и обижать!»

– А... – неопределенно протянул Санек.

– Английский парк, – это условия, в которых мы работали с Сергеем. Подбирая людей, я всегда формировала из них команду единомышленников, в которой «один – за всех и все – за одного». Благодаря этому мы и побеждали, хотя денег катастрофически не хватало. А у этих молодых предпринимателей ситуация другая. У них с деньгами всё в порядке, поэтому они просто нанимают тех, кто согласится на них работать. Как результат, – получается не штаб, а настоящий гадюшник! Что улыбаешься?! Вот я и решила уйти от них.

– Я вообще-то был уверен, что ты уже ушла!

– Я тоже. А они – Жаров и Алфеев, уже после того как я, заявив об уходе, фактически ушла, пригласили меня к себе для беседы!

– Зачем?

– Чтобы с позором выгнать, обвинив в профнепригодности. Жаров хотел избавиться от меня, потому что я мешаю реализации его планов, своим «дурным» влиянием на кандидата. Ну а Алфеев, которому он на мозги накапал, как мне показалось, надеялся прояснить ситуацию, прежде чем позволить Жарову «расправиться» со мной. Пришлось прояснять.

– И ты не смогла?! – огорчился Санёк.

– Да нет! Мы всё-таки разобрались. Алфеев даже предложил продолжить совместную работу. Но мне не хватило профессионализма, дорогой мой, для того, чтобы не попасть в эту унижительную ситуацию!

– Но ведь всё в порядке?! – спросил Санек в надежде вернуть себе уверенность в нерушимости нашего общего благополучного мира.

– Да, конечно, всё в порядке, – подтвердила я. – Мы ещё поиграем! Они, конечно, ушлые ребята, но ведь и я не лыком шита!

– Не понял! – заинтересовался Санёк. – Ты же уйти решила?!

– Не совсем так! Но пока я и сама не очень представляю, как справлюсь с ситуацией.

– А ты знаешь их слабые места?

– Конечно, – я обрадовалась возможности увести разговор в другое русло. – Недавно я попросила пресс-секретаря Алфеева дать мне биографию кандидата. А этот пресс-секретарь – совсем мальчишечка, чуть старше тебя. Так вот, в биографии, которую он напечатал на одной странице, я обнаружила 42 ошибки! Когда я отдала ему правленный листочек, он нисколько не смутился. «Я же телевизионщик, – говорит, – я тексты не пишу». Не только он, но и большинство в команде Алфеева, – плохо образованные люди.

– А он?

– Понимаешь, когда человек занимает высокий пост, считается, что он очень образованный и одарённый.

– Я серьёзно...

– Говорят, когда Алфеев «выбился в люди», кто-то из приятелей даже репетитора ему нанял, чтобы его необразованность была не так заметна. Он из «троешников – заводил». Ребят весёлых, находчивых, смелых, но педагогически запущенных. Они склонны к правонарушениям и самооправданию, поверхностны и безответственны. Но в сложных ситуациях довольно

успешно выкручиваются. Алфеев соображает быстро, но сознание у него клишированное. На большинство вопросов у него есть мгновенный ответ – наиболее распространенное или предпочтительное мнение.

– Правильно! Большинство должно понимать его!

– Но политик информированнее большинства, и должен мыслить как профессионал! Понимаешь, у него должна быть не просто хорошая память, а особые мыслительные навыки. Хотя... Я даже как-то сказала Алфееву, что по результатам исследований, те политики, чей IQ только чуть выше среднестатистического, имеют больше шансов быть избранными, чем интеллектуалы. Кстати, именно потому, что по уровню образования и ценностям нынешние политики и предприниматели не отличаются от среднестатистического россиянина, – они не элита, то есть не лучшие.

Но мне с Алфеевым трудно общаться по другой причине, – он плохо воспитан. В штабе он ведет себя высокомерно, позволяет вспышки раздражения, грубые замечания помощникам. Те терпят. Кажется, мое присутствие несколько сдерживает Алфеева, а то он вёл бы себя ещё разнузданнее. К примеру, как-то он со злостью швырнул записную книжку в Лыкова. Когда заседание закончилось, я так тихонько Алфееву говорю: «Нехорошо получилось с Артёмом, ведь это подрывает его авторитет, а он, после Вас, – главный в штабе». Сань, не передать, с каким удивлением Алфеев посмотрел на меня!

– Ты, правда, хочешь, чтобы он стал губернатором?

– Зайка, – вздохнула я, – выбираем из тех, кто желает избираться. Большинство из них – известные негодяи или ставленники той власти, которая ни меня, ни большинство не устраивает. Алфеев – самостоятельный и здравомыслящий человек.

Сказав это, я погрустнела. Санёк выжидающе смотрел на меня.

– Сейчас уже понятно, что он – не лидер в прямом смысле слова. Его обычно относят к правым. Однако, сам Алфеев никогда не вынашивал никаких взглядов или убеждений, но успешно пользовался чужими. Ты замечал, как мужчины выбирают одежду?!

– По разному....

– Покупают ту, которую в данный момент принято носить, то, что носят другие. Алфеев также выбирает свои взгляды.

– Но он, вообще-то разные идеи озвучивает по борьбе с криминалом, произволом чиновников, коррупцией...

– Это не убеждения! Просто Алфеев выбрал для себя наиболее подходящий имидж – борца со всеми бедами сразу. Ему он подходит, потому что он свой в пролетарской среде, где принято бранить власть.

– Но не все же политики осмеливаются бранить...

– Зайка, они – не политики! Я тебе про это говорю. Алфеев удачно избрал наиболее безопасный путь критики. Он критикует не власть, а частные решения некоторых зарвавшихся представителей власти, которые вызывают негодование или протест отдельных граждан. Обрати внимание, – отдельных граждан! Кстати, в период политических пертурбаций лёгкий намёк на оппозиционность востребован не только электоратом, но и позволяет примкнуть к любой вновь создаваемой партии власти. Алфеев побывал уже в трёх движениях и двух партиях! Правда, по мере взросления он перемещается все ближе к политическому центру.

– Но для людей-то это хорошо!

– Это не простой вопрос. Алфеев совсем не глуп, даже по-своему умен. Только понять закономерности и связи, существующие в обществе очень не просто! Помнишь, я советовала ему примкнуть к группе Полпреда?! Разве понимание того, что так следует поступить, снизошло на меня?! Нет! Чтобы прийти к этому, надо было пройти долгий путь. Как ты думаешь, дав такой совет, – мой голос дрогнул от обиды, – могла я рассчитывать на признательность?! Но вместо уважения – оскорбление.

– Да ты не расстраивайся! Он, сама знаешь, просто плохо воспитан!

– При чём здесь воспитанность?! В наше время цинизм торжествует над умом. Алфеев циник. Сейчас он оказался между соперничающими группами влияния и, чтобы упростить ситуацию, решил меня «за борт вышвырнуть».

– А как ты думаешь, – Санёк испытующе посмотрел на меня, – Алфеев сам мог бы догадаться, что надо сблизиться с Полпредом?

– Я не думаю, а знаю, что он не догадался, – это факт! На этих выборах он взял на себя вспомогательную роль в продвижении группы Косычева – Сорокина.

– А почему он сам не догадался, ведь даже мне понятно...

– Когда тебе подскажут, всегда кажется, что ты и сам бы догадался, правда?! – я с мягкой иронией взглянула на сына. – А причин несколько. Когда я анкетировала его, то выяснилось, что он читает, как сам выразился, «всё» – от жёлтой прессы до газет, называющихся политическими. Он быстро соображает и из разных финансовых и экономических статей может извлечь понимание того на кого и почему направлена критика. Это позволяет ему держать нос по ветру. Но... В современной прессе, только вторичная информация. Кроме того, Алфеев больше ориентирован на регионалов, а уровень информированности и понимания проблем у них заведомо ограничен. Знаешь притчу «про слепцов и слона»?

– Да! Это про истину и заблуждение.

– Эту притчу по-разному трактуют и используют. Однако, мораль очевидна: мудрецы – слепцы делали неверные умозаключения потому, что владели только частью информации. Вообще, использование рассеянной информации – мощный манипуляторный инструмент.

Я вдруг повеселела. Для меня самой такая резкая смена настроения была верным сигналом того, что, хотя я ещё и не осознаю, как именно следует вести себя дальше, но мой мозг уже нашел выход из затруднительной ситуации.

В сложных ситуациях я всегда испытываю потребность поговорить о случившемся, – неважно с кем, и даже не всегда по существу. Само-по себе проговаривание каким-то волшебным образом способствует приведению в порядок мыслей и избавлению от ненужных переживаний. В какой-то из моментов таких проговариваний словно тумблер переключается у меня внутри, и ко мне возвращаются обычная уверенность в себе и оптимизм.

Но я знаю, что это – не универсальный механизм для снятия стресса и выработки решения. Бывало, когда Матвей находился под воздействием стресса, я пробовала разговорить его. Ничего, кроме раздражения у него это не вызывало, и я вынуждена была оставить его в покое. Со временем я поняла, что в случае, когда Матвей испытывает стресс, ему помогает только ненавязчивая забота о нем.

– Ты особо не заморачивайся! – сказала я сыну. – У Алфеева, несомненно, есть лидерские задатки. Он доминантен. Как думаешь, почему он позволяет себе шпынять Артёма и других приближенных?! Потому что в животном мире, а мы родом оттуда, агрессия необходима в иерархической борьбе. Алфеев обладает необходимой агрессивностью и страстностью.

– Ты-то откуда знаешь? – Саша с подозрением взглянул на меня.

Слово «страстность» зацепило его. Хотя ревность сына и показалась мне забавной, но я поспешила развеять малейшие подозрения.

– Дней десять назад в штаб к Алфееву приезжала заместитель Полпреда – Карасёва Инна. Она, видимо, определил ему вспомогательную роль в предстоящих выборах. Когда Карасёва уехала, Алфеев пришёл в курительную комнату. По его потемневшим глазам и покрасневшему лицу было видно, что внутри у него клокочат эмоции! Он курил, а я молча стояла рядом. И вдруг Алфеев, со всей силой ударил в стену кулаком, рыкнув при этом: «Всё равно я выиграю!» Знаешь, я испугалась этой вспышки ярости, но одновременно пришла в восторг, какой вызывают раскаты грома во время мощной грозы. Здорово!

– Да это он просто перед тобой рисовался! – Санёк снисходительно улыбнулся, и встал из-за стола, загремев стулом.

– May be! – улыбнулась я. – Но выглядело это очень убедительно! И ты прав, он хотел убедить меня в серьезности своих намерений, – актер! А теперь, дорогой, расскажи-ка ты о своих делах.

Моя просьба не смутила сына. Вытряхнув содержимое ранца на диван, он ловко извлек из горы книг, тетрадей, ручек и прочих школьных принадлежностей, свой дневник, и не без гордости предъявил его. В последние недели наши общие усилия по наверстыванию школьной программы, наконец, начали приносить плоды в виде хороших оценок. Вот и сегодня всё было в порядке. Санёк увлеченно рассказывал об учёбе, и событиях школьной жизни, а я думала о том, что теперь могу быть спокойной за него.

Можно будет даже оставить его на несколько дней одного, чтобы самой съездить в Москву к Матвею, – мне так плохо без него!

*Миссурск, 14 февраля*

Решив воспользоваться приглашением, вечером я пришла на заседание Штаба. В небольшой комнате собралось довольно много народа – члены штаба и сотрудники издательства, готовящего женщинам региона поздравительные открытки с 8 Марта от имени Алфеева.

Даже не извинившись перед членами Штаба, которые по его просьбе собрались к назначенному времени, Алфеев первым делом занялся макетом открытки. Штабным оставалось только надеяться, что обсуждение макета не затянется.

Но дело двигалось со скрипом. Сначала Алфеев всё не мог определиться, где и как ставить свою подпись. Потом в нерешительности рассматривал раскладки, которые привезли художники, чтобы выбрать наиболее подходящий цвет для фона. Терпение моё кончилось, когда дело дошло до выбора шрифтов. Так как некоторое время я занималась издательским делом, то хорошо знала, что в этом вопросе следует полагаться на профессионалов. Опасаясь, что не удержусь от замечаний, или чего лишнего сболтну раньше времени, я вышла в коридор, и вернулась в комнату заседаний только, когда меня позвали.

В конце совещания, после обсуждения мелких оргвопросов, я попросила Алфеева о встрече наедине. Как я и рассчитывала, он легко согласился. Дождавшись, когда штабные разошлись, я села за стол прямо напротив Алфеева.

– Евгений Алексеевич, – произнесла я с притворным волнением, – когда я ездила по районам, люди мне сказали, что всем известна Ваша причастность к убийству Белова – одного из местных предпринимателей. О подобных вещах, наверное, стоило бы меня предупредить. Как теперь будем с этим работать?!

Тень досады скользнула по лицу Алфеева, но он даже не шелохнулся. Как сидел молча, подперев кулаком подбородок, и откровенно рассматривая меня, так и продолжал сидеть. Он, видимо, считал, что я, да и все остальные, должны просто верить в его абсолютную непогрешимость.

– Да у Вас, Евгений Алексеевич, на лице написано, что Вы человек жестокий и лживый, – сказала я, скривив в ухмылке губы, и с вызовом посмотрела ему в глаза.

– Это как? – удивился и даже несколько растерялся Алфеев.

– У Вас большой прямой рот с тонкими губами. Это – признак жестокости.

Мне с трудом удалось не прыснуть со смеху. Имея смутное представление о физиогномике, я сказала, что вздумалось, и теперь наслаждалась собственной дерзостью и смятением Алфеева.

– Нормальные губы, – сказал он и дотронулся рукой до верхней губы. – Это усы и борода прикрывают их.

Я лишь плутовато улыбнулась.

– Ну а о лживости что свидетельствует? Тоже губы? – попытался отшутиться Алфеев.

– Нет! – Я просто сияла от удовольствия. – У Вас большие уши неправильной формы!

Возможно, я договорилась бы и ещё до чего, провоцируя Алфеева на реакцию, которая обнаружила бы его истинную сущность и отношение ко мне, но в этот момент в комнату, как хозяин, без стука вошёл Жаров.

– Она тут наговорила мне столько гадостей, – обратился к нему Алфеев.

Жаров злорадно ухмыльнулся. Я тут же встала из-за стола, и, пожелав «господам» всего доброго, покинула кабинет.

*Миссурск, 15 февраля*

Утром мне позвонила Грачёва.

– Не знаю что произошло, Джули Борисовна... Я очень расстроена, – чуть не плача сказала она. – Евгений Алексеевич просил передать, что он Вас уволил.

– Спасибо, что сообщили. Не расстраивайтесь, Любовь Петровна! Можно я к Вам сегодня заеду?

– Конечно, конечно, приезжайте!

Чтобы днём случайно не пересечься с Алфеевым, я приехала к Грачёвой в депутатскую Приёмную под вечер. Поздоровавшись и выложив на стол коробку конфет, я сразу перешла к делу:

– Любовь Петровна, хотите знать, что вчера произошло?!

– Что-то ужасное, – с преувеличенным сочувствием отозвалась помощница Алфеева и принялась накрывать стол для чая.

– Почему Вы так решили? – удивилась я.

– После встречи с Вами, я же знаю, что он Вас приглашал, Евгений Алексеевич приехал сюда. На нём лица не было! Он тут сидел часа полтора и ничего не делал. Просто сидел и молчал. А потом сказал, чтобы я Вам позвонила, и ушёл.

Моё сердце радостно ёкнуло от этого известия.

– Да мало ли о чём он тут думал! – с лицемерной скромностью сказала я.

– Нет, – не согласилась Любовь Петровна, – я же знаю, как он Вас ценит!

– Надо сказать, – призналась я, – вчера я наговорила ему всяких гадостей, а теперь сожалею об этом. Очень сожалею! Вы же знаете, как он мне нравится! Я испытываю к нему большую симпатию.

В моих глазах появились слезы, и я внутренне похвалила саму себя за актерское мастерство.

– Понимаете, Любовь Петровна, – доверитель сказала я, – в молодости я была влюблена в мужчину как две капли воды похожего на Евгения Алексеевича. Но он оказался наркоманом. Мы с ним расстались, а позже я узнала, что он погиб от наркотиков. – Я тяжело вздохнула. – Он тоже любил меня. Получается, я его предала. А теперь вот Евгений Алексеевич...

– Не расстраивайтесь!

– Любовь Петровна, я знаю, что Евгений Алексеевич доверяет Вам больше всех.

Польщенная пожилая женщина зарделась как юная девушка.

– Передайте ему, пожалуйста, – я продолжала гнуть свою линию, – что я сожалею о случившемся. Я готова принести извинения, если он согласится со мной встретиться в любое время, в любом месте!

Взяв в руки бумажную салфетку, я принялась нарочито тереть её пальцами.

– Попробую с ним переговорить, – Грачёва тоже занервничала, сообразив, что попала в щекотливое положение. – Но только когда он сам сюда придёт. Не сегодня!

– Я многое готова сделать для Евгения Алексеевича, – добавила я. – Он мне нравится – решительный, сильный, симпатичный мужчина. Такие редко в политику приходят! Да что мне Вам объяснять! Но Жаров, Косычев, Сорокин – эти люди подставят его.

– Я тоже ему об этом говорила! У меня большой опыт участия в выборах. Но он им обязан, – я знаю. Вообще, зря он в эти выборы ввязался!

– Ввязался, значит надо выигрывать, – изрекла я уверенно, без тени сомнения или иронии. – А Вас я всё-таки прошу, поговорите с ним обо мне! Он мне действительно очень нравится. Я отношусь к нему так же хорошо, как и Вы.

*Миссурск, 18 февраля*

Так как известий от Любови Петровны не было, меня терзали сомнения: стоило ли делать ставку на эту женщину, сумела ли я хотя бы на время превратить её в свою союзницу?! Не было уверенности и в том, что я верно придумала, как выманить Алфеева для разговора, одновременно избавившись от контроля Жарова.

Одно я знала твёрдо: когда в ситуации так много неопределённости, нельзя позволять себе слишком много думать о происходящем, – этим можно погубить начатое дело. Я пыталась отвлечься чтением и домашними делами, но когда Грачёва всё же позвонила, и сообщила, что завтра вечером Евгений Алексеевич ждёт меня в ресторане, я пришла в такое возбуждение, что тут же позвонила своим близким – брату, мужу, и Аннушке, и сообщила каждому эту радостную новость.

Оба мужчины, каждый на свой лад, попытались остудить мой пыл, указывая на то, что теперь передо мной стоят более сложные задачи и эйфория в таких случаях опасна. Аннушка же, узнав, что мне всё же удалось добиться особого внимания со стороны Алфеева, сразу посоветовала при встрече с ним проявлять больше женственности.

– Нет, Аня, время, когда я с удовольствием очаровывала мужчин, прошло, да и случай не тот!

– Я же не флиртовать тебе советую! Но, Джулечка Борисовна, хорошие духи и украшения при походе в ресторан обязательны!

*М..., 19 февраля*

Собираясь на встречу с Алфеевым я, надела свой самый нарядный деловой костюм в мелкую чёрно-желтую клетку, и, покрутившись перед зеркалом, одобрила собственный выбор. Немного поколебавшись, пристегнула на лацкан золотой «тюльпанчик» от Сваровски. Затем нанесла за уши и на локтевые сгибы каплю духов «Orium» со стойким восточно-древесным ароматом, в котором солируют специи, табак и жасмин. Принюхалась: богатый, загадочный, дурманящий аромат, создающий ощущение тепла и защищённости, – я обожаю его!

Выбранный Алфеевым ресторан, располагался в укромном месте, чуть в стороне от здания областной администрации. Я специально приехала пораньше. Сняв в гардеробе верхнюю одежду, прошла в полупустой зал и села за один из свободных столиков. В зале царил полумрак, но было прохладно и неуютно, – чувствовалось, что заведение находится в полуподвале.

Не успела я толком осмотреться, как появился Алфеев.

– Извините, я сразу после тренировки, – сказал он и пристроил возле столика свою кожаную спортивную сумку.

Приветливо улыбнувшись, я взглянула на него и с удовлетворением отметила, что голубой джемпер из великолепной тонкой шерсти, красиво облегает его торс; глубокого темно-синего цвета джинсы и модные узконосые сапоги из мягкой кожи были надеты явно по особому случаю.

Алфеев сел напротив меня, и тут же к нашему столику вальяжно подошел моложавый мужчина.

– Это мой друг, – Виктор, – уважительно представил его Алфеев. – Он владелец этого ресторана.

Виктор слегка поклонился и предложил мне сделать заказ. Я не заставила себя ждать и сразу попросила чашечку черного кофе и чизкейк.

– Мне – морковный салат и зеленый чай, – сказал Алфеев. – Я на диете.

– А Вы не опасаетесь, – спросила я, как только Виктор отошёл, – что диета подорвёт Ваше здоровье?! У Вас ведь сейчас колоссальные физические и психологические нагрузки!

– Нет! – Алфеев для убедительности тряхнул головой и, достав из кармашка свой спортивной сумки небольшую пригоршню разноцветных капсул, протянул их мне. – Угощайтесь! Я отрицательно покачала головой.

– Это витаминки! – пояснил Алфеев, уловив возникшее в моём лице напряжение.

– Что бы это ни было, не стоит принимать!

Алфеев тут же убрал капсулы на место и, наклонился ко мне через столик.

– Ну что, сыграем? – спросил он и криво улыбнулся.

От неожиданности я замерла. Игривая интонация, нервозность Алфеева и сам вопрос показались мне совершенно неуместными. Пытаясь понять, о чём это он, я внимательно посмотрела на него, но тут же смутилась собственной прямолинейности и перевела взгляд на тёмный квадрат окна, за которым ничего кроме бушующей снежной пурги не было видно.

Если под «игрой», Алфеев имеет в виду «игру в любовь», – думала я, – то это исключено. Для меня любовь – естественное человеческое качество, и в ней никогда не было старания, преодоления, напряжения, поэтому она не была и не может стать игрой.

Ну а если он имеет в виду наш союз в борьбе за губернаторский пост, – то говорить об этом следовало бы несколько иначе. Однако, чему тут удивляться, – говорит, как может!

И тут до меня дошёл смысл манипуляции Алфеева, а разговор «об игре» – несомненно, манипуляция. Он делает попытку «соблазнить» меня для того, чтобы контролировать, и, одновременно, повысить мою мотивацию в борьбе за его интересы. Как это пошло!

Взглянув на Алфеева, я почувствовала, что он взволнован и его напряжение тут же передалось мне. Похоже, – мелькнуло у меня в голове, – что игра уже началась, и судьба сделала ставку на нас двоих.

В январе, соглашаясь на работу с Алфеевым, я полагала, что вступаю в игру, которая для меня является важной, но всего лишь очередной попыткой в постоянном стремлении перейти от возможного к реальному. Но у Алфеева – своя игра!

По жизни каждый из нас много раз рисковал и выигрывал, – думала я, – и вот, выходит, что после этих счастливых результатов, уже не мы судьбу, а она испытывает нас ради неведомой нам цели.

Волнуемая чувством, для меня совершенно новым, я продолжала молчать, размышляя о том, что в этой ставке на двоих много двусмысленности. И не только из-за гендерных различий. До сих пор, только сознательная установка на сотрудничество, позволяла мне преодолевать отталкивание по отношению к Алфееву.

Сейчас я настроенно, с недоверием поглядывала на сидящего напротив меня мужчину. Он то придвигался ко мне через стол, то отодвигался; чему-то улыбался, и жестулировал руками, держа в них вилку. Когда принесли салат, он принялся с аппетитом есть, украдкой стряхивая крошки с бороды.

И вдруг Алфеев отвлекся от еды. Он откинулся на спинку стула и вытянул ноги.

– А хотите, я открою Вам большую тайну? – спросил он и улыбнулся так, что я вновь почувствовала подвох.

– Конечно! – сделав над собой усилие, я улыбнулась ему в ответ.

– Я знаю, – медленно, словно собираясь с мыслями, начал он, и замолчал.

Я ободряюще кивнула головой.

– Когда бы я ни позвал Вас, Вы придёте! – выпалил он, и, застенчиво улыбнувшись, посмотрел мне прямо в лицо.

– Нет! – резко, словно отрубив, возразила я.

Меня испугало то, что интерес, проявленный мною к его карьере, мог быть ошибочно принят им за особое чувство или влечение к нему.

В тот же миг я заметила огорчение Алфеева, разочарованного моей реакцией.

– Не всегда! – пояснила я. – Я хочу работать на Вас, но долго ждать не смогу, это – не по мне! Я не могу сидеть без дела. А если займусь чем-то другим, то уже не смогу откликнуться на Ваше предложение. Поэтому у нас с Вами не так много времени для налаживания сотрудничества.

Алфеев посерьезнел, и понимающе кивнул головой. Но взгляд его потух и я поняла, что он утратил интерес к дальнейшему общению со мной. Представив себе, что вот сейчас мы оба встанем, попрощаемся и больше никогда не встретимся, я встрепенулась, – этого нельзя было допустить, – выборы надо было выигрывать!

– Знаете, ... – я открыла было рот, и снова закрыла.

Мне хотелось, чтобы Алфеев думал, что я сильно волнуюсь, пока я лихорадочно соображала, как вернуть его внимание.

– В молодости я была влюблена в молодого человека, – сказала я и, чуть помедлив, острым взглядом посмотрела на Алфеева, в надежде уловить движения, которые выдали бы его реальный интерес.

Но он сидел не шелохнувшись. Только глаза его потемнели, и от этого взгляд стал казаться глубже. Сердце моё дрогнуло, – это был верный признак сексуальной заинтересованности, ведь не может же он, в самом деле, произвольно расширять зрачки!

– Этот молодой человек, – продолжила я, – как две капли воды был похож на Вас, только звали его – Илья. Мы оба учились в московском университете, но на разных факультетах. Он уже отслужил в армии. Фарцевал, увлекался западной музыкой. Я тоже нравилась ему. Но... даже когда он шёл ко мне, его сопровождали «девушки», с которыми он расставался только на пороге моего общежития. Причем, всегда разные! Я понимала, что наши отношения бесперспективны, и пыталась избегать их. Но, помимо воли, мы с ним случайно встречались по нескольку раз на день: то в очереди в столовой оказывались соседями, то ехали рядом в троллейбусе, пересекались в учебных аудиториях, в кинотеатрах, в общем – везде!

Алфеев стал нетерпеливо поглядывать по сторонам и кивать головой: мол в молодости у всех были романтические отношения!

– А однажды ночью, – словно не замечая того, что Алфеев утратил интерес, продолжала я, – мы с ним загулялись и опоздали в общежитие. Как быть? Илья повез меня на квартиру к своим знакомым. Там было много молодежи. Они принимали легкие наркотики и занимались свободной «любовью». Мой друг присоединился к ним. Я же устроилась в самом углу большой комнаты на каком-то пуфике среди сваленных в кучу курток.

Алфеев перестал суетливо двигаться. Теперь он внимательно слушал меня.

– Я не могла уйти, потому что была юна, и боялась оказаться ночью на улице одна. Вот и сидела, поневоле наблюдая за происходящим. Но, как только начало светать, и все уснули, я осторожно вышла из квартиры. После этого случая я решила любой ценой порвать отношения с Ильей. Бросила Московский университет и уехала в Питер.

Алфеев вновь понимающе кивнул, решив, что моя исповедь закончена. Однако, глубоко вздохнув, я продолжила:

– Через некоторое время мне приснился сон. Я вхожу в большое, солидное здание по мраморным ступеням с бронзовыми перилами. И только собралась открыть массивную дверь, как услышала тихий голос с улицы: «Помогите!» Оглянулась, и оцепенела: у крыльца, прямо на асфальте, сидел Илья – нищий и больной. Он просительно смотрел на меня, а я не решалась ни отвернуться и войти в здание, ни подойти к нему. На этом и проснулась. В реальной жизни, примерно через четыре года, мы случайно встретились с Ильей в небольшом провинциальном городке. Заметив меня в автобусе, он подошел, и предложил помочь вынести из автобуса коляску с моими близнецами, уснувшими по дороге с пляжа. Его помощь была кстати, но, только передавая коляску мужчине, я узнала в нём Илью. Он жил в этом городке со своей женой. В тот же день Илья познакомил нас, и мы с ней даже подружились. Через несколько лет я узнала от неё, что Илья стал наркоманом, ушел из семьи и погиб. Она также сказала, что Илья всегда любил и часто вспоминал меня. А тот сон, в котором я остановилась в нерешительности на ступенях, как кошмар несколько лет преследовал меня. Наверное, потому, что в глубине души я чувствую, что уехав тогда в Питер, избавившись таким образом от проблем, связанных с Ильей, я тем самым предала его. А теперь вот встреча с Вами ...

– Так поэтому Вы решили помочь мне? – сдавленным от волнения голосом спросил Алфеев и покраснел.

– Да! – ответила я, отметив про себя, что Алфеев очень умело смущается.

И вдруг он закрыл свое лицо обеими плотно сомкнутыми ладонями.

Этот жест показался мне слишком нарочитым для того, чтобы можно было поверить в его искренность. Только дети так закрывают лицо! Но передо мной сидел не ребёнок, и даже не просто взрослый мужчина, а кандидат в губернаторы. Быть естественным – поза! Что он хотел сказать таким жестом?! Что испытывает затруднение?! Что он предполагал иные мотивы и теперь стыдится этого?!

Я не стала реагировать на этот театральный жест. Буквально через несколько мгновений Алфеев убрал руки от лица и решительно встал из-за стола.

– Нам пора уходить! – командным голосом сказал он.

Мы молча прошли в гардероб, оделись и вышли из ресторана.

Ветер, швыряя снопы снега, тут же налетел на нас. Я остановилась на крыльце.

– Евгений Алексеевич, так мы будем вместе работать?

Даже отрицательный ответ не сильно повлиял бы на моё настроение, – настолько я была разочарована встречей. Алфеев молчал. Две мысли одна за другой возникли в моей голове: первая – он разочарован не менее моего; вторая – надо просто разойтись насовсем.

– Всего доброго, Евгений Алексеевич! – с притворным дружелюбием произнесла я и на прощанье протянула руку Алфееву.

Он повернулся ко мне. Большие глаза его странно блестели, и в лице было что-то такое, чего я понять не могла, но что сильно взволновало меня.

– Мне надо подумать, – сказал Алфеев. – Я Вам позвоню.

Он почтительно наклонился ко мне, осторожно взял своими небольшими, но широкими ладонями протянутую мною руку, и поцеловал.

– Ну почему?! – ещё больше огорчившись, сказала я. – Не надо так! Если хотите показать свое расположение и покровительство, достаточно просто взять мою ладонь двумя своими.

Алфеев с недоверием смотрел на меня. Я сердито отвернулась, и спрятала лицо от колючих снежинок в пушистый меховой воротник своего пальто. Пауза затягивалась.

– Вас подвезти?! – спросила, так как мне стало жалко Алфеева, одетого в лёгкую межсезонную куртку. – Я своего водителя не отпустила.

Алфеев с недоумением и обидой посмотрел на меня.

– Нет! Я пройду. Мне здесь недалеко!

Он чмокнул меня в щеку и быстро зашагал прочь. Я осталась стоять на крыльце ресторана, взглядом провожая Алфеева до тех пор, пока он не скрылся за пеленой снега.

*Миссури – Москва, 20 февраля*

Едва проснувшись, я осознала, что прямо сейчас мне надо ехать в Москву к Матвею, – он один умел успокоить, поддержать, и смехом разогнать все мои сомнения и страхи. Сейчас я как никогда нуждалась в нём и тосковала по нему.

Матвей был человеком, которого любили все, знавшие его, – за весёлый нрав, ум, и доброту. В самой его внешности: правильном овальном лице, приветливом открытом взгляде серых глаз, русых вьющихся волосах и стройной молодежливой фигуре было что-то притягательное, вызывавшее симпатию практически у всех. Поговаривали, что он похож на кого-то из известных киноактёров. Для меня это ровным счетом ничего не значило, но мне было приятно, и я привыкла к тому, что, встречаясь с Матвеем, люди сразу радостно улыбаются, приветливо здоровались. Мужчины своё расположение к нему распространяли и на меня – его жену, а женщины, наоборот, относились ко мне со скрытой неприязнью, полагая, что мне несправедливо достался такой мужчина.

Мы с Матвеем познакомилась в Питере ещё в студенческие годы, и уже более двадцати лет жили в браке. Наши отношения с самого начала были и остались свободными от условностей, враждебности, предрассудков. Мы любили и безгранично доверяли друг другу. Матвей был главным человеком в моей жизни.

Добравшись до своей московской квартиры, я сразу легла спать, – это было единственное средство для того, чтобы избавиться от напряжённого ожидания возвращения Матвея с работы.

Наконец, встретившись, мы целый вечер только и говорили о том, что произошла в штабе Алфеева и в ресторане. Матвея это несколько не раздражало, наоборот, его развлекал разговор со мной. Он привык к тому, что если я занимаюсь какой-либо проблемой, то, сосредотачиваясь на ней, отдаю ей все силы и энергию. Но в этот раз он был неприятно удивлён тем, что я открылась Алфееву и рассказала ему историю своих личных отношений с Ильёй. Не в силах скрыть, но и не желая признаться в этом, Матвей укорил меня совсем другим.

– А ничего, что ты сама против такого рода манипуляций людьми?

– Я не сразу решилась! Почти всё, что я рассказала об Илье, – правда. Да, внешне они совсем не похожи, но я ведь ничего плохого не имела в виду. Напротив. Знаешь, правда обычно начинается со лжи. Так ты что, не понял?!

– Куда уж мне!

Приподнявшись с подушек широкой семейной постели, лежа в которой мы потягивали венгерский вермут, я села, поставила свой фужер на прикроватный столик, и повернулась к мужу.

– Матюш, я просто не нашла другого способа, сказать ему, – призналась я, заглядывая в глаза мужу, – что не отторгаю его, хотя и осознаю, что для меня ставка на него – это риск.

Произнося это, я вспомнила о том странном ощущении общности цели и действий, необычной связи между мною и Алфеевым, возникшей во время встречи в ресторане.

– А Алфеев не употребляет наркотики? – вдруг спросил Матвей.

– Говорят, раньше употреблял. Он, кстати, в ресторане показал мне горсть каких-то цветных капсул и сказал, что это – «витаминки», которые он пьёт, чтобы сохранять работоспособность. Допускаю, что это были ноотропы, а не безобидные «витаминки», как он сказал.

– Он что, тебе предлагал?! – возмутился Матвей. – От таких препаратов возникает психологическая зависимость!

– Нет, конечно! Просто объяснил, что они позволяют ему выдерживать любые нагрузки. Не это меня беспокоит! Удручает то, что, не смотря на мои априори хорошие намерения и доброе отношение к Алфееву, когда мы с ним встречаемся лицом к лицу – одни разочарования, причем взаимные.

– Это же естественно! Он по социальному статусу выше, он лучше адаптирован к новой системе и её ценностям, а по образованию и воспитанию, или, как раньше говорили, по происхождению, ниже тебя.

– Сначала я и не предполагала, что именно это станет серьезным препятствием во взаимоотношениях с ним. Очень жаль!

– Ты так сокрушаешься, что можно подумать, он глубоко волнует тебя?!

– Не он! А то, что если не сложится работать с ним, то я даже до осени не выдержу и умру от скуки в этом захолустном Миссурске!

– То есть от скуки ты ищешь приключений с Алфеевым?!

– Ты прямо как Егорка! – я с осуждением посмотрела на мужа. – Когда я объясняю ему, что к тем или иным решениям и действиям приводит стечение разноплановых причин, он всегда возражает. Понятно, можно сделать скидку на его молодость, но ты...

Матвей тоже сел, спустив босые ноги с кровати.

– На днях Сергей заезжал, – медленно произнёс он. – Сказал, что ты тяжело переживаешь одиночество в Миссурске. Тебе лучше вернуться в Москву, ведь у Санька с учёбой уже наладилось.

– Ты, Матюш, даже не представляешь, в каком положении я оказалась! Сколько себя помню, я всегда жила в условиях дефицита времени. И в детстве, и после. Но только сейчас осознала, что хотя всегда была перегружена и жили трудно, но зато интересно и осмысленно! И вдруг, – практически полная бездеятельность и изолированность от общения! Я свободна, но ощущаю себя как в тюрьме! Прошлой осенью, когда пришлось обустроить быт и выполнять роль репетитора для Санька, мне ещё как-то удавалось сохранять оптимизм и внутреннее равновесие...

Опустив глаза и закусив нижнюю губу, я печально покачала головой. После недолгой паузы твёрдо сказала:

– Рано ещё оставлять Санька одного! И я пока не готова отказаться от работы, которую нашла в Миссурске. Я сейчас не про Алфеева, а про медиахолдинг. Если останемся в Миссурске, то найденная работа – лучший вариант.

– Странная штука свобода! – сказал Матвей, продолжая размышлять над моим положением. – Вот, казалось бы, в открытом космосе движения космонавта не ограничены земным притяжением, но он практически не может двигаться из-за того, что не на что опереться...

Наклонив голову, я посмотрела на мужа долгим взглядом, снисходительно улыбнулась, и ласково произнесла:

– Технар, ты мой...

– Кстати, а как там наши старые знакомые?! Ты общаешься с ним?

– Пыталась. Их, кстати, совсем немного осталось, и сейчас мы с ними живем разными интересами. Большинство занято поиском возможностей в рамках своих профессий. Всё, что стало важно и интересно для меня – политика, лоббизм, законотворчество, – воспринимается ими исключительно как механизмы карьерного роста для немногих. Ну а меня угнетает общение на бытовом уровне, я от него быстро устаю. А для сближения с людьми другого круга у меня нет финансовых ресурсов.

– Общение с Алфеевым, получается, вдохновляет?!

– Да! Было бы странно, если бы не вдохновляло! Как у нормальной женщины у меня возникает влечения к молодым и здоровым мужчинам! Но это ведь не значит, что я иду на поводу у такого рода влечений! Правда?!

– Правда!

Матвей вдруг прыснул от смеха.

– Ты что?

– «Квакают, квакают лягушки в январе!» – дурашливо пропел он.

– Нашел время!

Я тоже улыбнулась, вспомнив прошлогоднюю историю, когда зимой мы с Галкиными гуляли в парке. Тогда Ольга, шедшая впереди компании, вдруг жестом остановила всех, заставив замереть и прислушаться. «Слышите, лягушки квакают?!» Мягкую вечернюю тишину не нарушал ни один звук. «Тебе показалось!» – пророкотал её муж – Леонид. Компания двинулась дальше, но минуты через две-три Ольга опять остановилась. «Неужели не слышите? Они так громко квакают?!» Все опять замерли. Прислушались – тишина. «Подумай, Олечка, – Леонид обнял жену. – Какие лягушки в снежном и морозном январе?! Этого быть не может! У тебя просто глюки какие-то!» Ольга с раздражением сняла руку мужа с плеча. «Джули, ты тоже ничего не слышишь?» – она обратилась за поддержкой ко мне. Почувствовав, что Ольга на самом деле обиделась, я подошла к ней и увлекла за собой вперед. Не успели мы отойти, как явно услышали кваканье. Я вся обратилась в слух. И тут заметила, что кваканье совпадает с ритмом шагов Ольги. «Слушай, так этот звук твоя куртка издает! Ты при ходьбе задеваешь рукавом полы куртки, и появляется этот звук!» Ольга с недоверием посмотрела на меня и шаркнула рукой по куртке. Раздалось громкое «Ква!» Мы обе рассмеялись. Наши мужья, видевшие и слышавшие все это, тоже развеселились. «Как же ты раньше не замечала, что у тебя куртка квакающая?» – удивился Лёня. «Да я первый раз её одела! – смущенно оправдалась Ольга. – Новая она.»

– А ты Матюш, почему сейчас вспомнил об этом? – озадачилась я.

– Да ты тогда сказала, что мы, мужики слишком прямолинейны: раз январь, так и кваканья быть не может. Ан, нет!

– И что? – я пощекотала бока мужа, затевая возню под одеялом.

– С моей мужской точки зрения, – уворачиваясь от моих бойких пальцев, Матвей пытался договорить, – раз между тобой и Алфеевым изначально нет доверия и взаимного уважения, так ничего и не получится. Но...

– Но ты веришь, что я...

Матвей, поймав, наконец, мои руки, придавил их ногами так, чтобы я больше не могла его щекотать, прикрыл мне рот своей ладонью, и шутливо скомандовал:

– Не дергайся и помолчи! Дай мысль закончить!

Он тут же отпустил меня, и приник к моим губам. От этого долгого, горячего поцелуя я притихла. Оторвавшись от моих губ, Матвей отодвинулся и, убедившись, что я успокоилась, сказал:

– Я хорошо знаю, что хоть ты и индивидуалистка, но крайне социальный человек! Поэтому мне очень хочется, чтобы ты смогла проявить себя и в случае с Алфеевым. Это было бы правильно! К тому же, ты ещё и альтруистичный человек. Но, боюсь, альтруизм твой не будет ни понят, ни оценен. Только если относится к работе с Алфеевым как к некоему эксперименту, тогда, по определению, ничего плохого с тобой не случится.

–То есть, «не оценён» – это, по-твоему, ничего плохого?!

– Когда человек изучает что-либо, он не думает, что это важно для того как мы живём. Он просто изучает это что-то и пытается понять, как оно устроено, потому что это чрезвычайно любопытно. Так же любопытен мир людей, политиков, мир каждого человека. Вообще, наукой движет любопытство. В этом смысле я говорю, что к работе с Алфеевым можно относиться как к некоему эксперименту. Когда любопытно, то вопрос о целесообразности не ставится.

– А я, собственно так и отношусь! Хотя, думаю, что это противоестественно для взаимоотношений между людьми. Взаимоотношения – это взаимодействие, то есть обмен.

– Не бери в голову! Пока между вами слабое взаимодействие и в сложившейся ситуации это нормально.

– А что, если я претендую на сильное?!

– Он сейчас не пойдёт на это, ведь риск велик! Алфеев в очень сложной ситуации, поэтому...

– А я в простой?! – я игриво улыбнулась и слегка толкнула мужа бедром. – Нет, мужской шовинизм неистребим!

– Он в несопоставимо более сложной ситуации!

– Ну, хорошо, хорошо! – радостно согласилась я. – Давай, будем считать, что тема исчерпана!

Выскользнув из-под одеяла, я встала с постели, выключила свет, а вернувшись, совершенно счастливая, упала в объятия мужа.

*Миссурск, 21 апреля*

Миновали сначала две, а потом три, четыре недели с мокрым снегом, холодным ветром и все растущим унынием в моём сердце. От Алфеева не было никаких известий.

Со стороны я продолжала следить за ходом выборов. В СМИ, естественно не попадало никакой информации о работе штабов кандидатов, зато в Миссурске развернулась широкая кампания чёрного пиара против Алфеева.

– Ты знаешь, – пожаловалась я Сергею, позвонившему мне по семейным делам, – я очень устала ждать. От Алфеева нет никаких сигналов, и я теряюсь в догадках: участвую в выборах или нет?!

– А ты живи спокойно, так, как будто уже получила отказ.

– Я о том и говорю, что так не получается! Я впервые в жизни оказалась в ситуации, когда «хуже нет, чем неизвестность»! Как я теперь понимаю чиновников, которые ждут назначения!

– Это неизбежные издержки! Приспосабливайся...

– О том и говорю, что не могу приспособиться! И музыка не помогает... То депрессирую, то сержусь! Непонятно почему сержусь на Алфеева, словно он виноват во всех бедах и унынии Миссурска.

– Джули, уж если неизвестность так гнетёт тебя, то, наверное, проще позвонить Алфееву и прояснить вопрос.

– Я уже один раз напрашивалась!

– Сама выбирай, от чего предпочитаешь мучиться! – прервал мои жалобы Сергей.

Я улыбнулась: пожалуй, брат прав. Даже через сотни километров мне передалось его лёгкое отношение к жизни.

Сергей – настоящий шалопай, и я с детства очень привязана к нему. Как старший, он всегда присматривал за мной, даже косы мне заплетал. И первые уроки социальных отношений я получила от него.

Когда мне было чуть больше четырёх лет, родители дали Сергею денег, чтобы он сводил меня в кино: 20 копеек – на билеты и 15 – на мороженое. Мама принарядила нас и мы с Сергеем, взявшись за руки, отправились в кинотеатр. В холле брата уже поджидали друзья мальчишки.

– Джулька, – наклонившись ко мне, шёпотом сказал брат, – давай, я пойду с пацанами на взрослое кино, тебе-то оно всё равно не интересно, а ты сходишь на детское!

– Одна?! – обрадовалась я. – Ты мне денег дашь?!

– Конечно! Всё по-честному! Вот, видишь, – разжав ладонь, он показал мне деньги, – тут три маленькие монетки, а тут одна большая. Ты что возьмёшь?!

– Не знаю, – растерялась я, так как ещё ничего не знала о деньгах.

– Бери большую денежку, – милостиво предложил брат, – ну а мне – маленькие.

Мы встали в кассу. Сергей первым купил себе билет и вместе с мальчишками прошёл в кинозал, на прощанье строго наказав, чтобы я после кино дождалась его во дворе.

Едва дотянувшись до окошка кассы, я подала свой пятак и попросила билет на ближайший детский сеанс.

– Девочка, – кассирша приподнялась, чтобы увидеть меня, – у тебя есть ещё один пятак?

– Нет.

– Билетов за пять копеек не бывает. Надо десять. Потеряла ещё одну денежку?!

Тут-то я и сообразила, что брат обманул меня, ведь родители давали денег на двоих. Забрав свой пятак, я отправилась во двор, дожидаться Сергея: у меня и мысли никогда не было жаловаться на брата родителям.

Вернувшись из кино, Сергей ещё и подразнил меня, – мол, «обманули дурака», – но в тот же день научил меня различать монеты по их достоинству.

Мы с Сергеем расстались, когда он закончил школу. Брат хотел получить высшее образование, и выбрал военное училище, главным образом потому, что там был полный пансион. Он уехал из дома, потому что хотел облегчить жизнь маме, которая рано овдовела, и одна «тянула» двоих детей.

По окончании училища Сергей превратился в бравого русского офицера: небогатого, веселого и часто пьяного. Его любили и товарищи, и начальство, но он часто попадал в разные нелюбимые истории и получал взыскания. Однако, когда, отслужив несколько лет в Монголии, он решил уйти со службы, его не отпустили, – такие были порядки в те времена. Всё же он нашёл выход: избил одного из старших офицеров, уличенных в воровстве казенного имущества, после чего Сергея сразу, без лишнего шума, уволили из Армии.

Оказавшись на гражданке, брат организовал военно-спортивный клуб для трудных подростков. Однако, его беспокойной натуре этого было мало. Вскоре он стал участником модных в то время телевизионных дискуссий на общественно-политические темы, а затем и выборов разного уровня.

Однажды, наблюдая за тем, как на заседании избирательного штаба Сергея, больше похожего на веселый пикничок, решались организационные и финансовые вопросы, я не стерпела и вмешалась. Меня возмутило, что небольшие деньги, которыми располагал брат, разбазаривались с такой лёгкостью, словно они сыпались из рога изобилия. После этого случая Сергей с готовностью переложил на меня все организационные и финансовые вопросы своих избирательных кампаний. Так мы вновь оказались тесно связанными по жизни.

Ободрённая телефонным разговором с братом, я сразу позвонила Грачевой и попросила её выяснить, намерен ли Алфеев работать со мной. К моему удивлению, Любовь Петровна отзвонилась мне буквально через пару минут.

– Евгений Алексеевич, – буднично сказала она, – просит Вас минут через десять позвонить ему на домашний телефон. Запишите номер.

Поздновато для деловых звонков на домашний номер, – засомневалась я. Смущало и то, что Алфеев был готов к разговору, но попросил паузы.

Минут через двадцать я всё же набрала его номер.

Поздоровавшись, услышала в трубке его хрипловатый голос и тяжелое дыхание. Мне стало не по себе: от чего он так возбуждён?!

– Вы знаете, – сказала я, не решаясь сразу задать интересующий меня вопрос, – что решение Сорокина идти на выборы не окончательное, и всё прояснится только после 20 мая?!

– Я уже в курсе!

Глупость сказала, – огорчилась я, – он ведь связан с Сорокиным, и, естественно, в курсе. Да и вообще, зря я позвонила! Не хочет он работать со мной, так и не надо! Готовность получить отказ придала мне решимости.

– Евгений Алексеевич, прошло немало времени, чего я жду?! Есть ли у меня надежда на то, что мы снова будем работать вместе?

– Надежда?! – с удивлением воскликнул он. – У меня для Вас отличное предложение!!

– А что я должна буду делать? – вновь насторожилась я.

– Вы будете заниматься тем же, чем занимаетесь сейчас!

Ответ Алфеева поразил меня. Я веду совершенно обывательский образ жизни, – что за фантазии у него в голове?!

– А что Вы имеете в виду? – осторожно спросила я.

После секундного замешательства Алфеев вдруг сказал:

– Я не буду сейчас спешить... Позвоните в конце недели!

И не попрощавшись, не дождавшись ответа, он положил трубку.

Нехорошее чувство шевельнулось во мне. Прежде мне не приходилось сталкиваться со столь непоследовательным поведением руководителей. Может, дело в том, что Алфеева задёржали?! В ежедневных телерепортажах сообщалось, что он много ездит по районам, и, судя потому, каким усталым выглядит на телеэкране, эти поездки вкупе с голоданием, сильно выматывают его. Конечно, могли быть и другие, неизвестные мне причины. Сергей прав, – если уж я решила работать с Алфеевым, то необходимо считаться с тем, что он – лидер, и находится в сложной ситуации.

*Миссурск, 24 апреля*

Преодолев страх снова столкнуться с чем-то непредсказуемым и неблагоприятным, в назначенное время я набрала домашний номер Алфеева..

– Добрый день, Евгений Алексеевич! – приветливо произнесла я, как только услышала звук соединения.

– Добрый! – недовольно произнёс Алфеев. Но, узнав меня по голосу, уже гораздо мягче сказал заготовленное. – Встретимся в воскресенье, в 11.00, в кафе «Чика – пон» на центральной улице. Знаете его?

– Найду!

Алфеев выключил телефон. Как и в прошлый раз, он оборвал разговор. Видимо, – с обидой подумала я, – происходит что-то сильно огорчающее его. Но я-то здесь при чём?! А, может, в его понимании, это и есть – доверительный стиль общения?!

*Миссурск, 26 апреля*

Воскресное утро выдалось по-весеннему ярким и солнечным. По дороге в кафе я любовалась сияющим голубым светом небом и каждым белым облачком на нём. Какое счастье, – радовалась я, – что наступила весна!

И тут я заметила Алфеева. Пружинистым шагом он шёл чуть впереди меня и, несмотря на то, что на улице было ещё холодно, – чуть больше нуля, куртка на нём была распахнута. Я невольно залюбовалась этим крупным, энергичным, подтянутым мужчиной.

– Евгений Алексеевич! – окликнула я его.

Он обернулся, и, узнав меня, остановился, поджидая пока подойду. Лицо его было сумрачно. Ускорив шаг, я легко догнала его.

– Правда, чудесный день?! – бодро произнесла я и приветливо улыбнулась Алфееву. – Может, не будем заходить в кафе? Приятно же погреться на солнышке!

–

Нет, – Алфеев хмуро взглянул на меня, – я хочу выпить кофе.

И он пошёл внутрь кафе. От галантности, которую Алфеев проявлял при встрече со мной в ресторане, не было и следа. Подавив внутреннее недовольство, я молча прошла вслед за ним. Кафе оказалось обычной городской забегаловкой, набитой людьми.

По дороге к барной стойке, вполоборота повернувшись ко мне, Алфеев сказал:

– Мою банковскую карточку заблокировали. Банкротят банк «VT», в котором у меня счет. А узнал я это только что, когда попытался купить подарок Патриарху. Я сейчас пойду к нему на приём.

Трудно было поверить, что Алфеев мог попасть в такую ситуацию. Даже мне, человеку, не имеющему личного интереса к информации о банковских вкладах, было известно, что «VT» – проблемный банк, и его собирается купить Внешторгбанк. Алфеев что, таким образом хвастается тем, что пойдёт к Патриарху?!

– А сколько стоит подарок? – спросила я, намереваясь предложить Алфееву 500 долларов, которые были у меня с собой.

Он проигнорировал мой вопрос и, обратившись к девушке за барной стойкой, сказал:

– Две чашки капучино.

Сделав заказ, Алфеев быстро, даже не взглянув на меня, ушёл в зал. Он оставил меня одну стоять возле барной стойки. Пытаясь понять причину по сути хамского поведения Алфеева, я тяжёлым взглядом сопровождала его. Вот он, подошёл к свободному столику, легко сбросил с плеч куртку и привычным движением повесил её на стоявшую рядом вешалку. Фиксируя малейшие детали, я словно просматривала на плёнке, прокручиваемой в замедленном темпе, его движения. Все мои внутренние силы были брошены на подавление гнева, вызванного чувством оскорблённого достоинства, и желания немедленно покинуть эту забегаловку. «Будь терпеливой! – как мантры повторяла я про себя. – Будь сдержанной! Постарайся выслушать его до конца»!

Алфеев тем временем вернулся к стойке, взял свою чашку кофе и отнес на выбранный им столик. Снова вернулся к стойке, и, наконец, обратился ко мне:

– Вы проходите, садитесь! Я принесу.

Подойдя к указанному им столику, я сняла куртку, повесила её на вешалку и села напротив того места, где Алфеев поставил чашку кофе для себя.

Вскоре он вернулся уже в гораздо более дружелюбном настроении, улыбнулся и поставил передо мной чашку свежесваренного кофе.

– Спасибо! – поблагодарила я, чувствуя удовлетворение от того, что смогла сдержаться.

Отхлебнув кофе, Алфеев вдруг суетливо задвигался, поставил локти на стол, и лицо его приобрело дурашливое выражение.

– Мне нужен Кремль! – заявил он.

Совсем сбрендил! – подумала я, но тут же сообразила, что словом «Кремль» он обозначил губернаторский пост. Это было смешно.

– Понимаю, – стараясь сохранить серьёзность, отозвалась я.

Чтобы не начать задавать множество вопросов, мгновенно возникших в моей голове, я отвела от Алфеева взгляд, взяла свою чашку и сделала глоток кофе. Успокоившись, подумала: может он и вправду решился на реальную борьбу за губернаторское кресло?! Это интересно.

– Я предлагаю Вам заниматься сразу несколькими вещами, – перешел к делу Алфеев. – Вы должны будете самостоятельно проверять работу всех районных штабов, вносить предложения о том, что необходимо делать в каждом из них, сбрасывать мне ту информацию, каса-

ющуюся выборов, которой Вы располагаете из своих источников. Работать будете только со мной, – подчеркнул он. – Жаров не должен знать, чем Вы будете заниматься.

Как минимум, его предложение странно, – думал я. Надеясь меня серьезными полномочиями, Алфеев при этом изолирует от работы центрального штаба, оставляя в информационном вакууме. Он что, дурак?! Или меня за дуру держит?! Что стоит за таким предложением?! И его ли он намеревался делать прошлый раз?! Может, у него вообще нет никакого предложения для меня или оно состоит совсем в другом?! Говорят же, что Алфеев – «крученный верченый»?! Одно понятно – он не искренен со мною.

Заметив мои колебания, Алфеев ободряюще улыбнулся:

– С работой Вы справитесь, так как у Вас энергетика почти такая же, как у меня. Да и про выборы Вы всё знаете!

Сказанное им ничего не прояснило. Если я «про выборы всё знаю», то зачем же меня в ссылку отправлять?! И при чём здесь моя энергетика?! Но я продолжала воздерживаться от каких либо высказываний.

Алфеев, наконец, успокоился, движения его стали более плавными и естественными.

– Извините, – сказал он, встал из-за стола, отошел в сторону и с кем-то созвонился. Разговор был очень коротким. Вернувшись за стол, Алфеев сообщил:

– Артёму позвонил. Он купит подарок Патриарху.

Зачем он сказал мне об этом? – подумал я. – Если он сообщает о реальном содержании разговора, то не имело смысла утаивать сам разговор. Ну да ладно!

Так как Алфеев больше ничего не говорил, то, повременив немного, я осторожно спросила:

– А каким образом о моих новых полномочиях узнают руководители районных штабов?

Алфеев, видимо, не задумывавшийся об этом, с недоумением смотрел на меня.

– Штабов-то ведь почти сорок! – пояснила я. – Не станете же Вы лично обзванивать всех руководителей, чтобы предупредить о моей «секретной миссии»?!

– Не беспокойтесь! – нашелся Алфеев. – Приезжайте на сбор руководителей штабов, который после праздников будет в загородном санатории «Березка». Там я представлю Вас как своего помощника.

Я бросила на Алфеева пронзительный взгляд. Вряд ли он настолько глуп, что не понимает простого: если он публично представит меня, то Жарову сразу станет понятна моя «секретная миссия».

Молча допив свой кофе, я поднялась из-за стола и надела куртку. Так и не проронив ни слова, я первой вышла из душного и шумного кафе на свежий воздух. Не обратив на эту мою демонстрацию никакого внимания, Алфеев вышел вслед за мной.

У дверей кафе нас уже поджидал помощник Алфеева – высокий розовощекий здоровяк.

– Привет, Артём! Замерз?! – с сочувствием спросила я.

– Да нет! У меня тёплая куртка. Из Канады привез! – парень расстегнул на куртке молнию и продемонстрировал подкладку. – Видите дырочки мелкие? Это технология такая – куртка воздух пропускает, а ветер – нет. В ней всегда тепло и не бывает жарко.

– Такую же я в прошлом году младшему сыну купила. Но в Москве. Тоже канадская куртка.

Алфеев решительно прервал наш разговор.

– Жаров не должен знать, чем Джули Борисовна будет заниматься, – обратился он к Артему так, словно тот был в курсе наших договоренностей. – У тебя есть телефон Джули Борисовны? Предупредишь о встрече в «Березке»!

Молодой человек согласно кивнул, и, отворачиваясь от порывов холодного ветра, отошел чуть в сторону. Алфеев, воспользовавшись моментом, наклонился ко мне и, заглядывая в глаза, тихо, но горячо прошептал:

– Я не могу сразу взять Вас руководителем штаба! Вы должны войти в курс дела. А через пару недель мы придумаем, как избавиться от Жарова.

И тут же, не дав мне и слова вымолвить, громко позвал Артёма:

– Нам пора, а то опоздаем!

Не попрощавшись со мной, они вместе зашагали в сторону парковки.

За ужином, рассказывая сыну о встрече с Алфеевым, я негодовала:

– Какая мелочь – не поздороваться, не попрощаться!

– Главное не в этом! – Санёк не разделял моего возмущения.

– Это важно! Вежливость существует не потому, что она кому-то нравится. Она необходима для взаимопонимания и доверия!

– Мам, да мало ли вежливых лицемеров?! – парировал Саша. – А твой Алфеев просто не обучен...

– Этого быть не может! Он – не крестьянин со скотного двора, а депутат Госдумы!

– Так может это особое доверие?! С близкими он отбрасывает лишние церемонии.

– Господь с тобой! Вежливость, – это не просто форма. Доверие без вежливости невозможно! Вежливость, разумеется, – не гарантия, но она, хотя бы, создает предпосылки для диалога.

– Вы же и так поговорили...

– Нет! – вспыхнула я. – Это он высказал то, что считал нужным сказать, – и всё! Благо, у меня нет обязательств перед ним! Только любопытство побуждает меня теперь ждать, когда ситуация доопределится и станут понятны его истинные намерения.

Высказавшись так, я сникла.

– Мам, ну ты чего?! Он же предложил тебе работу! И главное не в том, насколько он вежлив, а в том, сколько он будет платить!

– Надо же! – удивилась я собственной опрометчивости. – Мы об этом вообще не разговаривали!

– Значит, будет платить, как и прежде, – сделал вывод мой прагматичный сын.

– Нет! Сейчас ведь более широкие полномочия и ответственность выше.

– А, спорим, столько же будет платить!

– Спорим! – я протянула сыну руку для заключения пари. – Прямо сейчас всё и выясним!

Я решительно набрала номер Алфеева. Поздоровавшись, и извинившись за беспокойство, спросила:

– Евгений Алексеевич, для меня остался не ясным вопрос, а есть ли материальная составляющая в наших отношениях?!

– Конечно!

– И на каких условиях я буду работать?

– На прежних!

Я опешила. Получается, что Алфеев просто манипулировал мною?! Зачем?! За кого он меня принимает?!

– Я только что проиграла спор, – со смехом сказала я Алфееву.

Он среагировал молниеносно:

– Вот встретимся в «Берёзке», и можно будет обсудить!

– Спасибо, – обрадовалась я. – Всего доброго!

Выключив телефон, я хитро подмигнула сыну, который с интересом прислушивался к разговору.

*Миссурск, 27 апреля*

Ближе к обеду позвонил Артём.

– Джули Борисовна, собрание в «Березке» будет в субботу, 10-го. Подъезжайте часам к одиннадцати.

– А во сколько закончится? Мне бы поточнее узнать, чтобы такси к этому времени заказать.

– Мы туда на два дня выезжаем.

– Ну и что?! Это же недалеко?!

– Работать будем два дня! Ночуем в санатории!

Это показалось мне странным. Можно, конечно, допустить, что Алфеев заставит свой актив работать чуть ли не круглосуточно, – такое случается, но, как правило, в конце публичной части кампании. А чтобы в начале?!

– Работать два дня, – пожалуйста! Но ведь не ночью! Понимаешь, у меня дома сын-подросток, – надо бы вернуться!

– И ночью будете работать, раз Евгений Алексеевич так решил.

Чувствовалось, что Артёму хотелось побыстрее закончить разговор, но я продолжала выяснять условия.

– А у него будет время для личной встречи со мной?

– Конечно!

– Ты уже включил меня в график?

– Графика нет, всё на месте будем решать.

– То есть, может случиться, что мне и не удастся переговорить с Евгением Алексеевичем наедине, ведь для этого нужно, как минимум полчаса?!

– Поговорите! Он сам намерен встретиться лично с Вами.

– Ну, хорошо, приеду, – нехотя пообещала я.

*Санаторий «Берёзки», 10 мая*

Время от времени меня беспокоил вопрос: для чего обязательно оставаться на ночь в санатории? Может быть, я не находила в этом никакой целесообразности просто потому, что никогда не участвовала в такого рода мероприятиях?

Собрание актива Прыгунова, на котором я однажды присутствовала, – не в счёт. Тогда, в первой половине 90-х, этот влиятельный промышленник, чтобы провести в Госдуму лоббистов ВПК, создал общественное движение. Перед началом избирательной кампании, для консолидации и воодушевления актива этого движения, он собрал людей, – не столько для работы, сколько для отдыха и общения. Мероприятие проходило в крупном городе, и я летела туда на зафрахтованном самолете, сидя рядом с Прыгуновым и пользуясь всеми благами VIP обслуживания. Здесь же я должна была самостоятельно и за свой счёт, по разбитым просёлочным дорогам, добираться на такси в сельскую глухомань.

Но не это главное. Я осознавала опасность того, что, в итоге, первоначальная задача содействовать Алфееву в победе на выборах, может быть подменена задачей простого самосохранения в его окружении. Туман, который Алфеев напустил при последней встрече, призван был, полагала я, скрыть тот факт, что ему пока не удалось согласовать свои интересы с другими участниками «игры» и избавиться от контроля прежних партнёров. Оставалось надеяться, что ситуация прояснится, когда встретимся в «Берёзках».

В санаторий я приехала к назначенному времени, но оказалось, что рановато, и никого из членов Центрального штаба здесь ещё не было. Устроившись в отведённом мне гостиничном номере, я спустилась вниз в надежде встретить Алфеева.

Стоя недалеко от входа в холл, через который проходили все вновь прибывающие участники собрания, я приветливо улыбалась, здоровалась и разговаривала с некоторыми из них.

Выяснилось, что все руководители территориальных штабов добирались до «Берёзок» самостоятельно рейсовыми автобусами, и большинство – с пересадками. Они выглядели усталыми и озабоченными. В массе своей это были совсем простые люди. Нарядные костюмы, надетые ими по случаю мероприятия, лишь подчеркивали их обветренные лица и натруженные руки.

Поначалу мне даже не верилось, что именно такие люди наняты руководителями районных штабов Алфеева, ведь априори они не могут обладать необходимой влиятельностью. Выходит, технология избирательной кампании такова, что она проводится в Миссурске, а на местах создаются центры по распространению агитационных материалов.

Время шло, а кандидат в губернаторы всё не появлялся. Моё беспокойство росло вместе с пониманием того, что теперь уже вряд ли у него найдется время для обсуждения со мной предвыборной ситуации и плана действий.

До начала заседания Алфеев так и не появился. Холл опустел.

Бывают, конечно, люди, – думала я, нервно, как тигрица, загнанная в клетку, прохаживаясь вдоль стены, – которые задерживаются специально, чтобы привлечь к своей персоне внимание и сразу показать кто здесь главный. Но Алфеев-то не такой чванливый! Скоро всё прояснится!

Собрание актива уже началось. Глубоко вздохнув, я аккуратно поправила полы своего жакета и вошла в зал заседаний. Стараясь не шуметь и не привлекать ничьего внимания, я вдоль стены прошла к свободному месту в первом ряду и села.

Выступал Жаров. Он с энтузиазмом говорил о чём-то малосодержательном, а в зале, между тем, становилось все более душно. Я стала оглядываться по сторонам, ища глазами хоть кого-то, кто мог бы открыть или распорядиться открыть окна, однако народ сидел смиренно и покорно терпел духоту, – словно рабы какие-то! Поняв, что мне самой придётся что-то предпринять, я встала и быстро вышла из зала.

В пустом холле у входа в гостиницу стоял, поджидая кого-то, пожилой мужчина.

– Добрый день! – обратилась я к нему. – Не подскажите, где можно найти управляющего?

– А Вам зачем? – насторожился мужчина.

– Знаете, мы в зале просто задыхаемся, – пожаловалась я. – Надо бы включить вентиляцию.

– Я и есть управляющий, – с высокомерием представился мужчина и окинул меня холодным, откровенно оценивающим взглядом.

Нисколько не смутившись, я улыбнулась ему.

– А вентиляции нет, – сообщил управляющий.

– Вообще что ли нет?!

Я удивилась не самому факту отсутствия вентиляции, а тому, что именно такой зал был выбран орговиками Алфеева для проведения мероприятия.

– Надо окна приоткрыть, – сказал управляющий и пошёл в зал.

Отойдя в дальний конец холла, ближе к лестнице, я закурила. Подождав пока, по моему расчету, завершится возня с окнами, я вернулась в зал и с облегчением обнаружила, что Алфеев уже сидит за столом Президиума. Я приветственно кивнула ему. Он не ответил, хотя краем глаза я видела, что он наблюдал за тем, как я вошла и села. То ли он был недоволен моим опозданием, то ли просто хам, но я не стала больше смотреть в его сторону, и сосредоточила своё внимание на выступавшем.

Жаров бессодержательно разглагольствовал, и даже пытался шутить, но смешно никому не было. Он был одет во всё чёрное. Вряд ли такой наряд был случайным, ведь он опытный политтехнолог. Выходит, что он привлекает внимание к своей персоне. Мало того, – с раздражением думала я, – что он пытается манипулировать Алфеевым, так ещё и заигрывает с залом, публично конкурируя с кандидатом за симпатии актива!

Жарову давно пора было закруглиться, но он всё продолжал красоваться и «перья распускать».

Мне становилось всё скучнее. Задетая демонстративным нежеланием Алфеева здороваться со мной, я с тоской думала о том, почему должна терпеть такого рода тычки, если они выводят меня из внутреннего равновесия?! Мне-то это зачем?!

Вдруг я почувствовала какое-то движение за столом Президиума. Взглянув на Алфеева, увидела, что он, наклонившись через стол, обращается именно ко мне.

– Дайте чистой бумаги, – шёпотом попросил он.

На столе Алфеева действительно не было писчей бумаги, но и у меня под рукой её не оказалось. Заметив моё замешательство, соседка справа тут же вспорхнула со своего стула, и положила стопку чистых листов перед Алфеевым. Не поднимая глаз, он взял поданные листки, кивнул в знак благодарности, и принялся что-то писать на них. Усмехнувшись, я ногой задвинула под стул свою, вынутую было, сумку.

Услужливую женщину звали Светланой. Под её деловым жакетом виднелась фривольная полупрозрачная блузочка с глубоким вырезом. Так одевались партактивистки советского времени, делавшие карьеру благодаря своей «приятности», – совершенно чуждый для меня женский тип. Я познакомилась со Светланой в гостиничном номере, – нас поселили вместе. Она возглавляла самый крупный окружной штаб. Светлана держалась дружелюбно и до начала заседания даже заняла для меня место рядом с собой.

Когда Жаров всё же закончил своё выступление, к трибуне вышел Алфеев. Теперь я могла беззастенчиво рассмотреть его. За время нашего знакомства я успела привыкнуть к тому, что в его облике проглядывало что-то от уголовника: бритая голова, разболтанность в движениях и осанке. Но сегодня он выглядел собранным и одет был вполне респектабельно. Элегантный чёрный костюм великолепно сидел на его стройной фигуре. Манжеты белоснежной сорочки скрепляли небольшие золотые запонки.

Доклад Алфеева показалось мне содержательным и хорошо продуманным.

– Социально-экономическая ситуация в нашей области тревожная, – говорил он глубоким грудным голосом. – Из региона ввозившего всего 15% продукции сельского хозяйства, он превратился в регион, ввозящий 45%. В текущем году эта цифра приблизилась к 60%. Связано это как с неудачными экспериментами 1997-1999 годов, так и с тем, что наши сельскохозяйственные чиновники лоббируют в Государственной Думе выделение кредитов и сами между собой их распределяют. Ситуацию надо менять.

Интересно, – подумала я, – кто подготовил текст и насколько высказанное отражает убеждения Алфеева?! Хотя, сейчас это не важно! Для достижения успеха ему приходится вовлекать множество людей, а на прямоте и искренности, как известно, далеко не уедешь.

Меня приятно удивило, что Алфеев совсем неплохо скрывал волнение, естественное любому выступающему. Однако, наблюдая за его мимикой и телодвижениями, я заметила, что время от времени он шевелит правой ступней внутри своей туфли из мягкой кожи. Выглядело это так странно, что я даже испугалась. Трибуна прикрывала ноги Алфеева, поэтому остальные этого не видели. Но сама я не могла отвлечься, и время от времени с затаённым страхом и любопытством поглядывала на шевелящуюся в туфле стопу Алфеева. Очевидная догадка о

том, что ему просто обувь жмёт, не приходила мне в голову, ведь у взрослого и состоятельного человека, полагала я, обувь всегда по размеру.

Выступление Алфеева длилось около полутора часов. Завершая его, он сделал объявление.

– У меня есть два помощника, – громко сказал Алфеев, перекрывая шум, от начавшейся в зале возни, – это Роман Скворцов, который всегда находится при мне, и Джули Борисовна Кузнецова.

Роман встал со своего места. Я тоже поднялась и сделала лёгкий поклон в сторону присутствующих.

– Она работает в свободном режиме, – продолжил Алфеев. – Её распоряжения для всех обязательны, они не нуждаются ни в каких согласованиях и подтверждениях.

Объявив собрание закрытым, Алфеев направился к выходу из зала.

– Евгений Алексеевич, – окликнула я его, когда он проходил мимо меня. – Вы обещали найти для меня сегодня полчаса!

Не глядя на меня, не сбавляя шага, он бросил:

– Ничего я не обещал!

Сделав ещё несколько шагов, обернулся и добавил:

– Я не хочу с Вами разговаривать. Вы меня грузите! Я чаю хочу.

И он ушел куда-то вместе со своей свитой.

Вот тебе и всесильная «помощница»! – У меня в глазах от обиды закипели слезы. Я готова была сквозь землю провалиться от стыда перед людьми, наблюдавшими эту сцену.

Сейчас же уезжаю отсюда, – решила я и быстрым шагом отправилась за своими вещами. Уже в номере меня догнала Светлана.

– Ты куда так спешишь?! – спросила она, явно намереваясь остановить меня.

– Домой поеду, – не поднимая глаз, ответила я дрожащим от обиды голосом.

– Посмотри, уже становится темно! Такси отсюда ты не вызовешь. А до трассы далеко. И что на него обижаться?! Смысла нет!

Я молча набрала телефонный номер сына. Связи действительно не было. От безвыходности я пришла в ярость и, зашвырнув телефон в свою сумку, села на кровать.

– Скоро ужин, – спокойно сказала Светлана. – Потом, если хочешь, пойдём встречаться с моей командой. Посидим, выпьем.

Её слова очень медленно доходили до моего сознания. Только после пары минут оцепенения мне удалось усилием воли отодвинуть неистовое возмущение и обиду вглубь сознания. Я изобразила улыбку.

– Вот и хорошо! – одобрила меня Светлана и тут же кокетливо оглядела себя в зеркало. – Я побегу, меня ждут! А ты не грусти! В кафе подходи ко мне, я тебе место за своим столиком оставлю. Хорошо?!

Она ушла, а я легла на кровать, вытянулась и закрыла глаза. Я стала вспоминать родные горы: раскаленные солнцем камни, на которых грелись серые и зелёные ящерицы, степное разнотравье с его пьянящими ароматами и завораживающий стрёкот кузнечиков. Расслабившись, я глубоко задремала, но буквально через несколько секунд проснулась, уже освежённая.

Можно было идти на ужин. Поправив костюм и причесав свои непокорные волосы, я вышла в коридор. Не зная, куда именно идти, я огляделась. Как раз в это время из соседнего номера вышел незнакомый, но приветливый мужчина. Поздоровавшись, он предложил проводить меня в кафе. Мы пошли вместе, по дороге рассказывая друг другу о том, что привело нас сюда.

Вдруг сзади кто-то крепко взял меня за плечи и развернул к себе. Я еле удержалась от инстинктивного желания вцепиться пощечину тому, кто схватил меня. Этим наглецом оказался Алфеев. Повернув меня лицом к себе, он взял мои, мгновенно похолодевшие, руки в свои теплые ладони, и, наклонившись ко мне, заговорщицки прошептал:

– Конечно, я найду для Вас время! Но не сейчас!

Я стояла неподвижно, как вкопанная. Ободряюще взглянув на меня, Алфеев развернулся и быстро ушел к «своим». Новый знакомый, с которым я шла в кафе, тоже куда-то исчез. Я стояла одна в полумраке гостиничного коридора. Внутри меня бушевали две взаимоисключающие эмоции: волнующая радость от тёплого прикосновения и тайного общения с Алфеевым, и гневное возмущение тем, что он позволяет себе так фамильярно обращаться со мною.

Из ступора меня вывел шум разгорающегося скандала, исходивший из дальнего конца коридора, где находилось кафе. По направлению ко мне, чуть прихрамывая, но довольно быстро, двигался невысокий, пожилой мужчина, истерично крича что-то на весь коридор. То, что этот ор адресован именно мне, я поняла только тогда, когда мужчина приблизился ко мне почти вплотную. Я брезгливо поморщилась: брызжащая у него изо рта слюна, заставила меня отступить и даже отвернуться. Но я узнала буянившего. Это был Шубин – тот самый человек, кандидатуру которого на должность руководителя районного штаба я не одобрила ещё в самом начале избирательной кампании.

Тогда я лично встречалась с ним. Это был опустившийся, спившийся человек. Он рассказал, что когда-то работал в органах внутренних дел и был, как говорили тогда, активистом. По секрету он сообщил мне, что является членом ЛДПР, и будет кандидатом от этой партии на предстоящих выборах главы района. «Но ведь у Вас в районе нет отделения ЛДПР?!» «Нет», – растерянно согласился Шубин, и вытер вспотевшие руки каким-то замусоленным платком, вынутым из кармана своего потрепанного пиджака. «Так кто же Вас поддержит?» – спросила я, пытаюсь понять логику этого человека и того, кто рекомендовал его кандидатуру. «Алфеев!» – с гордостью воскликнул Шубин, и в глазах его появился радостный блеск. «Деньги и другие ресурсы для участия в выборах у Вас есть?» – спросила я, всё ещё надеясь вразумить его. «Нет!» – без тени смущения признался бедолага.

Разговор происходил на очень маленькой кухне двухкомнатной, обшарпанной хрущёвки Шубина. В соседней комнате тихо лежала его тяжелобольная жена. Однако я так и не решилась заглянуть к ней, настолько гнетущее ощущение возникло у меня от общения с её мужем – глубоко несчастным человеком.

И вот теперь он здесь! Оказывается, Жаров назначил его руководителем, но теперь уже вышестоящего – окружного штаба.

– Я слышал, что Вы хотите меня уволить!! – Возмущённо кричал Шубин. – На каком основании?!

– Успокойтесь, – одернула его я, и чётко, с нажимом на каждом слове, сказала, – я не собираюсь увольнять Вас! Но вопрос о Вашем соответствии должности обязательно поставлю перед руководством.

Считая разговор законченным, я отступила чуть в сторону, намереваясь обойти Шубина, чтобы продолжить свой путь, но вновь застыла на месте.

К нам не просто приближался, а словно вихрь летел Алфеев. Он весь покраснел от еле сдерживаемого гнева. Подскочив, своей рукой отодвинул меня подальше от Шубина, и обратился к нему:

– Извините нас! У неё нет права никого увольнять!

– А я никого и не увольняю... – я недоуменно пожала плечами.

Ирония в голосе и моё спокойствие, несколько не вразумили Алфеева. И тут мне стало понятно для чего вся эта «буря в стакане воды» срежиссирована Жаровым. Алфеев грозно

взглянул на меня, развернулся, и быстро ушел. Я разочарованно посмотрела ему вслед, и тихо выдохнула:

– Боже, в какой гадюшник я попала!

Отыскав в кафе столик Светланы, я подошла и села рядом с ней. В это время Алфеев начал о чём-то говорить в микрофон. Из уважения к нему, никто из присутствующих не приступал к еде, хотя собрались именно на ужин. Слушать Алфеева, а тем более думать о его избирательной кампании я больше не хотела. Но проскользнувшая фраза о том, что в его команде «много образованных людей» зацепила моё сознание.

– Вот, Артем Лыков, – с гордостью говорил Алфеев, – наш бухгалтер, член Центрального штаба. Он скоро защитит кандидатскую диссертацию.

Сделав небольшую паузу, словно споткнувшись обо что-то, Алфеев перешел к другой теме. Наверное, в заготовке было написано и про меня, – подумала я, – всё-таки кандидат наук. Ну а Артёмка?! Возможно, конечно, что он когда-нибудь защитится, но это, как говорится, вилами на воде писано. Если Алфеев ничего не сказал обо мне, значит, либо уже не считает членом команды, либо хочет уязвить. Тщетно всё это! И в прежние времена, когда научную степень защищали не многие, я не кичилась ею. По сути, степень была нужна мне лишь для формального обоснования должностного роста. А уж теперь, когда система высшего образования разрушена, и все более-менее дееспособные люди ушли из ВУЗов на заработки, совершенно не серьезно говорить о том, что научная степень является показателем образованности, таланта или научных достижений. В ВУЗах остались практически одни старики, алкоголики да бездарь, которые мало чему могут научить молодёжь.

– Знаешь, как возмутился Алфеев, – обратилась я к Светлане, – когда в его биографической справке, я указала, что он учился в заочном институте!

– Зря указала!

Я вяло улыбнулась. В последнее время для нуворишей стал важен их образовательный статус. Они покупают дипломы или даже учатся, при этом презирая образование, как презирают всё, кроме животных удовольствий и развлечений. Дипломы нужны им, чтобы скрыть тот факт, что «из грязи в князи» их вынесло на волне, как говорят некоторые радикалы, «революции троечников – бездарей и недоучек».

Как только Алфеев закончил свое выступление, Жаров, на лице которого играла самодовольная улыбка-усмешка, предоставил слово Шубину. Оперативно действует мерзавец, – не без восхищения подумала я, – ловко организовал спектакль для меня и Алфеева.

Тщедушный Шубин, обрадовавшись оказанной ему чести, охотно заговорил. Вся речь его была бессовестной лестью организаторам мероприятия, но и Жаров, и Алфеев всё время, пока он говорил, удовлетворенно кивали головами. Остальные особо не прислушивались, перейдя, наконец, к еде, выпивке и застольным разговорам.

Рядом со мной и Светланой сидели ещё двое мужчин. Один из них – юркий и суетливый, игнорируя мои косые взгляды, всё время пытался развлечь нас пошлыми анекдотами. Другой, наоборот, ел молчала, изредка поглядывая на сотрапезников.

– Прошу любить и жаловать, – представила его Светлана. – Мой заместитель – Влад Петров.

Взглянув на Влада – невысокого, худощавого брюнета с непомерно пышными усами и буроватой, обветренной кожей, я только из вежливости сказала:

– Очень приятно!

Мужчина сдержанно улыбнулся и слегка кивнул головой. За весь ужин он не произнес ни одного слова, но в самом конце вдруг спросил:

– А Вы, Джули Борисовна, в шахматы играете?

– Играю, – впервые за вечер оживилась я.

– Ты осторожнее с ним! – Светлана многозначительно посмотрела на меня. – Мой зам – перворазрядник!

– А разве здесь есть шахматы? – поинтересовалась я.

– Есть! – ответил Влад. Он мягко улыбнулся, и чуть прикрыв веками глаза, таким образом предложил мне сыграть с ним. – Большие шахматы. Вы разве не заметили их в холле?!

– Мой муж тоже перворазрядник, а я – всего лишь любитель-самоучка. С Вами играть не рискну!

– Давайте сходим, я покажу Вам шахматы! – Влад увлек меня в пустой холл, в центре которого стоял шахматный стол с большими тридцатисантиметровыми фигурами.

– Поступим так, – предложил Влад, – я даю вам фору – слона, и мы играем блиц.

Отказаться при таких льготных условиях значило просто ломаться, и я согласилась.

Рядом с шахматным столом находилась лестница, то есть пройти на третий этаж, где размещались гостиничные номера, не заметив играющих, было невозможно. Вскоре вокруг нас с Владом начали собираться любопытствующие. Большинство интересовала не столько сама игра, сколько результат интеллектуального состязания между женщиной и женщиной.

Партия «с форой» получилась очень напряженной, но мне всё-таки удалось загнать Влада в пат. Я и на это не рассчитывала, и теперь ликовала, задорно поглядывая то на партнёра, то на собравшихся зевак. Влад был смущен.

– Давайте, сыграем обычную, – предложил он.

– Не с Вами! Вы точно выиграете! – отнекивалась я. – Может, кто из присутствующих хочет?

– Есть желающие проиграть женщине?! – пошутил Влад, и все рассмеялись.

Один смельчак всё же нашелся. Уже на 15-ом ходу стало понятно, что партия сыграна и мужчина положил своего короля. Тут же к столу пододвинулся Влад.

– А Вы Джули Борисовна, вводите в заблуждение людей! Сыграйте со мной! Мне действительно интересно.

Я отрицательно покачала головой.

– Да, собственно, и заняться-то сейчас нечем! – продолжил уговаривать Влад.

– Пощадите! – взмолилась я и, прижала руку к сердцу в знак искреннего извинения. – Я – просто самоучка! Да и поздно, почти десять!

Влад принялся расставлять фигуры по местам. Я сделала было попытку отойти от стола, но окружавшие мужчины, а их собралось почти два десятка, не позволили.

– Я уверен, Вы выиграет, – уговаривал один из них.

– Я ставлю на Вас, – подбадривал другой.

– А я – на мужчину, – перекрыл всех рокошующий голос, какого-то толстяка.

– Посмотрим! – вспыхнула я и решительно шагнула к доске.

– У Вас белые! – широким жестом Влад предложил мне начать игру.

Двинув первую пешку, я услышала, что тот самый толстяк уже принимает ставки. Однако, я тут же отрешилась от происходящего вокруг, и полностью сосредоточилась на игре.

Минут через пять, когда я намерена была сделать очередной ход, кто-то сзади крепко схватил меня за предплечье. Резко обернувшись, я гневно взглянула на .... Алфеева.

– У меня есть время для Вас, – он сделал приглашающий жест, отступил в сторону и начал быстро подниматься по лестнице вверх.

– Проходите в 401 номер, – добавил он уже с середины лестничного пролёта.

Я молча провожала его взглядом. Очень хотелось одернуть его, но сдерживало то, что рядом стояли нанятые им люди. Допустить публичной разборки я не могла. Проигнорировать приглашение, и просто не пойти тоже было нельзя, ведь это означало бы вызов кандидату.

– У меня нет с собой бумаг! – громко сказала я вслед Алфееву.

Он обернулся и чуть свесился с перил.

– Так возьмите! – ответил он и заговорщицки улыбнулся мне.

– Евгений Алексеевич, пусть она доиграет! – выкрикнул кто-то из болельщиков.

– Пусть доиграет! – поддержали его сразу несколько голосов. – Мы на неё ставку делали! Алфеев, перешагивая своими длинными ногами через ступеньки, быстро поднялся наверх и исчез, свернув в коридор.

С сожалением пожав плечами, я нехотя отошла от стола.

Теперь вот ещё Светлану надо где-то искать, чтобы взять ключи от номера, – с досадой подумала я и тут же увидела соседку. Она шла мне навстречу. Узнав в чём дело, Светлана игриво заметила:

– А у него номер люкс!

– И что?!

– А там две комнаты, одна из которых – спальня с большой кроватью!

– Размечталась!!! – пересилив себя, усмехнулась я. – Глупая ты, Светка! Он мне в сыновья годится!

– Он ведь очень привлекательный! – настаивала соседка. – Видела, какими взглядами его провожают наши женщины?! Джули, он ведь большой мальчик!

– Оставь свои дурацкие намёки! – рассердилась я.

Доставая необходимые бумаги, я попыталась сосредоточиться на том, что и как следует обсудить с Алфеевым.

– А почему в номер приглашает, а не в переговорную?! – продолжила Светлана.

– Потому что устал за день, и теперь хочет сидеть на мягком диване, а не на жёстком стуле! – довольно резко сказала я и вышла из комнаты.

По дороге к номеру Алфеева мне предстояло пройти мимо мужчин, сгрудившихся вокруг того самого шахматного стола, за которым ещё пять минут назад стояла я, вызывая всеобщее уважение и даже восхищение. И теперь мне нельзя было уронить себя.

Подойдя к лестнице, я выпрямила спину и гордо вскинула голову. Но внутренне вся сжалась. Я прекрасно понимала, что мужчины, провожая меня взглядами, думают сейчас то же, что и Светлана.

Сомнения в необходимости идти в номер Алфеева не покидали меня, даже когда я уже поднялась на четвертый этаж. Какой смысл идти, если я больше не собираюсь с ним работать? – вела я внутренний диалог. – Нет, так нельзя! Нельзя руководствоваться эмоциями! Что-то я раскисла... Если с Алфеевым вести себя так, так как естественно для меня, то не стоило и наниматься к нему, – финал известен! Может и неправильно идти сейчас к нему в номер, но разве в любой ситуации есть правильное решение?! Надо попробовать.

Ещё раз взглянув на дверную табличку, и убедившись, что подошла именно к 401 номеру, я постучала, вся собралась и, отворив дверь, вошла.

В глубине комнаты, у окна, на изгибе большого углового дивана, в небрежной позе, широко раскинув руки вдоль спинки дивана и вытянув вперед ноги, сидел Алфеев. Его поза была столь нарочитой, что мне стало смешно. Было похоже на то, как сидят самцы крупных обезьян, когда хотят продемонстрировать свои «достоинства».

Но моя улыбка, едва появившись, мгновенно исчезла. Алфеев никак не среагировал на моё появление и продолжал рассеянно смотреть куда-то в пустоту перед собой. Лицо его было совершенно неподвижным и не выражало никаких эмоций.

Вменяем ли он?! – в смятении думала я, стоя у порога. – Может, он находится под действием наркотиков?!

Пауза затягивалась. Хотя Алфеев и не приглашал, я осторожно подошла к дивану, и присела на тот его край, который был ближе к двери. Аккуратно положила принесённую с собой

папку бумаг на стоящий рядом журнальный столик. Взглянула на настенные часы – было уже пол одиннадцатого. Я нерешительно выбрала несколько листков из папки, и положила их на диван рядом с собой.

Алфеев так и не шелохнулся, и взгляд его оставался неподвижным.

Вздыхнув, я решила взять инициативу на себя.

– Уже поздно, Евгений Алексеевич, – произнесла я негромко, но подчеркнуто уважительно. – Полагаю, обсуждение вопросов стратегии можно перенести на понедельник или другое удобное Вам время. Остановлюсь только на тех организационных вопросах, по которым, на мой взгляд, следует безотлагательно принять решения.

Никакой реакции не последовало. Алфеев продолжал сидеть, как и прежде. Воцарившуюся в его номере тишину нарушало только глухое тиканье настенных часов.

– На настоящий момент количество сформированных районных штабов меньше, чем самих районов, – начала я и перечислила районы, в которых штабы до сих пор не были сформированы.

Затем назвала кандидатуры руководителей, и предложила решения по тем пяти вопросам, с которыми, по моему мнению, надо было срочно разобраться. Я говорила уже минут десять, но Алфеев по-прежнему ни на что не реагировал.

От внутреннего напряжения у меня похолодели руки. До сих пор мне не приходилось сталкиваться с наркоманами или другими неадекватными людьми, и теперь я не знала как правильно себя вести, чтобы не спровоцировать Алфеева на агрессию или бог знает ещё что. В то же время, стараясь сохранить самообладание, я упрекала себя за чрезмерную мнительность, то есть за то, что вижу лишь одну причину, объясняющую странное поведение Алфеева. Как бы там ни было, но необходимо было выходить из ситуации. Набравшись храбрости, я обратилась к нему:

– Евгений Алексеевич, надо принимать решения!

– Какие решения? – неожиданно спокойно отозвался он и внимательно посмотрел на меня ясным, абсолютно вменяемым взглядом.

У меня отлегло от сердца.

– Я только что перечислила вопросы. Например, по количеству штабов.

– Мы уже приняли, – отрезал он.

Что ж, – возмутилась я про себя, – получается, что я напряженно работала вхолостую! Ты сам поручил мне дублировать работу Жарова! И я выполнила поручение без какой-либо поддержки и официальных полномочий, исключительно за счёт собственных ресурсов! Сделать это было не просто! И вот теперь, когда тебе, наконец, стало ясно, что такое дублирование неэффективно, вместо того, чтобы оптимизировать мою деятельность, ты демонстрируешь недовольство, указывая, что я бью по хвостам!

– Тут есть и кадровые вопросы, – сказала я, пытаюсь отвлечься от эмоций и сосредоточиться на деле. – Во многих штабах по два руководителя...

– Я в курсе, – Алфеев не дал мне договорить.

– Тогда ещё по Шубину, – понуро опустив голову, почти шёпотом сказала я.

– Никого я увольнять не буду!.

– Он же пьяница! Вы с ним проиграете даже не район, а целый округ! Возможно, и выборы...

– Ну и что! – Алфеев неожиданно развеселился. – И Вы будете в этом виноваты!

Я на мгновение замерла. Это как?! Что за игра?!

– Евгений Алексеевич, – с укором произнесла я, – у меня подобраны альтернативные кандидатуры. Вы можете в ближайшее время познакомиться с этими людьми... Не хотите ничего решать сейчас, давайте встретимся на неделе ещё раз, чтобы обсудить ситуацию в этом проблемном округе.

– Хорошо, – устало согласился Алфеев.

Понимая, что встреча закончена, я взяла со столика свои бумаги и уже намеревалась встать, как Алфеев вдруг заговорил.

– Мы с Вами, Джули, мягко говоря, тогда поругались...

– Не я себя уволила, – огрызнулась я, отметив про себя, что Алфеев впервые обращается ко мне по имени. – Знаете, Евгений Алексеевич, я могу предоставить Вам информацию о том, что Жаров объективно мешает кампании.

– Он мне нужен! – произнес Алфеев тоном, не допускающим никаких возражений.

Меня охватило чувство обреченности. Я не знала, как теперь действовать, что говорить. Не в силах скрыть огорчения, я опустила голову.

Алфеев встал.

– Мы тут засиделись, – буднично произнес он. – Перед товарищами неудобно! Надо ехать домой!

Алфеев направился к выходу из номера и, уже пройдя мимо меня, обернулся.

– Ну, Джули Борисовна, – с обидой сказал он, – я сделал для Вас всё, что Вы хотели! – и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Мне удалось перехватить его взгляд и угадать его значение. «Если не по-моему, то – никак. Всё кончено!» – сказал этот взгляд. Это мгновенное впечатление глубоко проникло в моё сознание.

Мною овладела такая слабость, что – не поднять руки. Тело наполнилось необъяснимой тяжестью. Я сидела в оцепенении, не в силах поверить в произошедшее и перебирая в уме сказанное Алфеевым. И тут меня охватил гнев! Что это он для меня сделал?! Это я взялась за гроши пахать на него, а не он на меня!! Он что, считает, что благодетельствовал меня, чисто символически поделившись своим авторитетом?! А кто изолировал меня от штаба?! Кто публично и многократно унижал меня?! А уж если ему так нужен Жаров, то и грош цена моему назначению помощником! Полудурок, я хотела совсем другого!

Разрядившись таким образом, я опаматовалась и сообразила, что мне сейчас лучше не находиться в номере Алфеева. Спешно упаковав свои, ставшие никому не нужными, бумаги в папку, я вышла в коридор.

Там никого не было, но, буквально через пару секунд, появился спешащий куда-то Лыков.

– Артём, – я шагнула ему навстречу, преградив дорогу, – а где Евгений Алексеевич?

– Уже в машине! Сейчас в город вернёмся. – Молодой человек спешил и был явно не расположен к разговору.

– Ты же говорил, что ночью будем работать!

– А я не знаю, что там у вас случилось! – огрызнулся он.

– Ладно, – я посмотрела прямо в большие и темные, словно две черешни, глаза Артёма, – Тогда, может, и меня заберете в город?!

Молодой человек устало вздохнул. Этому «оруженосцу» не позавидуешь, – успела подумать я, прежде чем услышала ответ.

– Нет. Мест больше нет! Взяли Селиванова, потому что у него сегодня жена в больницу попала. Извините, Джули Борисовна, меня ждут!

Артём ушел, а я осталась стоять, чувствуя, что вся горю, словно у меня начался жар. Ища облегчения, я инстинктивно прислонилась спиной к прохладной стене коридора.

Возмущение и негодование, захлестывавшие меня совсем недавно, сошли на нет. В дальнейшем обвинении Алфеева не было смысла. Важнее понять, а чего, собственно, он добивался. Не похоже, что он рассчитывал на доверительный разговор или хотел разобраться с прежними

обидами. С другой стороны, он не настолько глуп, чтобы не понимать, что своими тычками сегодня только усугубил ситуацию. Провоцировал? Но на что?!

Я потрогала стену рукой: она была лишь чуть прохладнее воздуха. Оставаться здесь было бессмысленно. Надо было вернуться в номер и лечь спать: утро вечера мудренее.

Вернувшись в номер, я сразу легла в постели, и укуталась одеялом по самую шею. Мне очень хотелось плакать, жаловаться, пусть даже самой себе, но не получалась. Если бы рядом был Матвей, пережить этот стресс мне было бы проще. Он обнял бы меня, пошутил, рассмешил. С ним любая беда – не беда, и любая проблема по плечу. Обычно как-то так получалось, что, даже просто рассказывая Матвею о своей проблеме или сложной ситуации, я сама же находила решение или выход. «Это потому, – объяснял Матвей, – что проговаривание позволяет правильно сформулировать проблему»!

Вздыхнув, словно сглотив обиду, я задумалась над тем, почему сегодня Алфеев привнес столько эмоций в отношения, которые априори должны быть рациональными? Устал, переволновался, задерган? – Не без этого! Но эмоции только окрашивают, а не определяют поведение. Как успешный человек он должен действовать рационально. Похоже, он искал повод, который можно выдать за причину, чтобы отказаться от своих обязательств передо мной. Видимо, Жаров, или кто-то другой, надавил на него, и Алфеев уступил. Но неудобно ведь признаться в этом, вот и дергался, пытаюсь сохранить лицо. Может, я и ошибаюсь, – время покажет. Очень хочется уйти, но нельзя сдаваться. Почему же нельзя?!

Вспомнилось, как года три назад я работала на Щепкина – одного из Сибирских губернаторов. Я была его помощником по вопросам привлечения инвестиций. Хотя мой кабинет находился в Представительстве региона, контролировал меня только сам губернатор. Обычно я по факсу высылала ему предложения или информацию, а он в ответ, присылал свое официальное распоряжение или решение какого-нибудь структурного подразделения администрации. Щепкин был опытным руководителем ещё советской закалки, и работать с ним было легко. Однажды, во время личной встречи с ним в Москве я посетовала на то, что мой доход ограничен зарплатой. Щепкин лукаво улыбнулся: «Хотите самостоятельности или большей ответственности?!» «Это две стороны одной медали», – ответила я. «Я не против, – сказал Щепкин, отведя глаза в сторону. – Но это и большие риски. Вы готовы?» Я согласно кивнула головой. «Подумайте, не спешите», – отечески посоветовал Щепкин. Потом он достал из своего портфеля подарок для меня: небольшую карманную пепельницу, крышечка которой была покрыта расписной эмалью. Ему нравилось «баловать» своих сотрудниц.

С тех пор я не возвращалась к этому вопросу. Решила, что игры с законом не для меня. Да и правила конкурентной борьбы таковы, что в ней побеждают наиболее изворотливые, наглые, эгоистичные и жадные. Опускаться до этого уровня я не хотела.

Другое дело – Алфеев. С ним я рассчитывала побороться за возможность «побеждать вдвоем». Пока не получается. Видимо, надо попробовать наладить отношения с Жаровым. И завтра шансы появятся. В любом случае, от такой попытки хуже не будет! – решила я.

Нащупав «ниточку Ариадны», я успокоилась и почувствовала, что жар у меня прошёл. Я начала задрёмывать, когда в номер пришла Светлана.

– Ну как, поговорили с Алфеевым? – с порога поинтересовалась она.

Сбросив одеяло, я села на кровати.

– Да, но только я поговорила. Высказала ему свои соображения по ряду вопросов, а он сказал, что и без меня всё знает. И сразу уехал в город.

– Ну и что ты скисла?!

– Очень неприятно! Только вернулась к работе и сразу такое!

– Слушай, Джули, ты и вправду не понимаешь, что он пригласил тебя в свой номер просто потому, что хотелось общения с тобой, а совсем не работы?!

– Может быть! Только ведь у меня другая профессия.

– Ну, подыграла бы!

– Я не так юна, и не настолько стара, чтобы играть в подобные игры!

– Ладно, поднимайся, хватит кукуться! Пойдем! Там, в 205-ом, мои собрались. Чаю вместе поьем. Пошли, выпишься ещё!

Приглашение Светланы было кстати, ведь я никогда не очаровывалась собственными страданиями и использовала любой шанс, чтобы от них избавиться. Быстро, как солдат, я сменила деловой жакет на демократичный джемпер. Светлана сунула мне в руки две заранее припасенные коробки конфет, сама прихватила чайную заварку, и мы пошли в соседний номер.

Нас обеих ждали, – возле небольшого столика, вокруг которого сгрудились мужчины, стояла пара свободных стульев. Взглянув на Светлану, я благодарно улыбнулась ей.

Практически всё время пока шло это неформальное совещание, я молча наблюдала за тем, как Светлана умело направляла застольный разговор в нужное русло. Вскоре большинство вопросов, касающихся организации работы в её округе, были согласованы. Алфеева упоминали исключительно по делу, и говорили о нём уважительно.

В конце встречи, когда все дружно принялись убирать со стола, кто-то из присутствующих с осуждением заметил:

– Штабные загоняли Алфеева по районам!

– Его политтехнологи говорят, – впервые высказалась я, – что польза от этих поездок несомненная: благодаря им, удалось разместить в региональных СМИ много статей и роликов.

Все дружно рассмеялись.

– За это время, – сказал молодой человек с приятными, мягкими чертами лица, – и без поездок Алфеева, можно было разместить в районных СМИ в два-три раза больше материалов! Ну да что теперь об этом говорить! Виват его политтехнологам!

Мстительное удовлетворение шевельнулось у меня в душе, но тут же возникло и беспокойство за Алфеева.

#### *Санаторий «Берёзки», 11 мая*

Взяв себя в руки, а в отсутствии Алфеева сделать это было не сложно, я весь день я активно работала: встречалась представителями территориальных штабов, выслушивала их замечания, просьбы, предложения. Жаров издали наблюдал за моими действиями, а в конце рабочего дня подошел.

– Хочу попросить, – сказал он с улыбкой пройдохи, – подготовьте, пожалуйста, предложенные решения к подписанию. Вы, я смотрю, плодотворно поработали сегодня! Сколько времени Вам понадобится?

– Всё готово, – только распечатать, – послушно согласилась я. – Завтра занесу Вам.

Жаров с тем особенным, несколько хитрым выражением, которое бывает в лице добившегося своего человека, вразвалочку отошёл от меня, всем своим видом демонстрируя удовлетворение превосходством «хозяина положения».

#### *Миссурск, 12 мая*

Весь вечер я приводила в порядок бумаги, но мне так и не удалось довести их до ума. С утра, на свежую голову, я завершила работу и, довольная результатом, поехала в Штаб.

– Добрый день, Сергей Сергеевич! – весело поздоровалась я, войдя в кабинет Жарова. – Вот обещанная дискета! – И тут же наткнулась на его жесткий, враждебный взгляд.

– Я систематизировала внесенные вчера предложения. Мне кажется, их решение в Вашей компетенции. Мы можем их обсудить?!

– Нет! – злорадство мелькнуло в лице Жарова. – Я с Вами ничего обсуждать не буду!

Вспыхнув на мгновение, я вместо того, чтобы покинуть кабинета Жарова, на что, видимо, был расчёт, прошла к его рабочему столу и села на гостевое место.

– В чем проблема? – спросила я, спокойно глядя прямо в лицо Жарова.

Он тут же встал со своего кресла и направился к двери. Остановившись возле неё, Жаров, как швейцар в гостинице, рукой указал мне на выход.

– Я Вас уволил! – с пафосом произнёс он.

Мне стало смешно: точно с таким же выражением в одном из детских фильмов жаба говорила: «По воле моего королевского величества!»

– У Вас нет для этого полномочий, – сказала я с усталостью в голосе, свидетельствующей о том, что мне понятна игра. – Зачем так спешить?!

Продолжая сидеть, я прикидывала в уме, что ещё Жаров может предпринять, чтобы выставить меня за дверь.

– Мы с Вами фактически ещё и не работали, – сказала я. – А вдруг получится?!

Жаров сделал мрачное лицо.

– По правде говоря, – я пожала плечами, – мы можем и не пересекаться, ведь у каждого свой фронт работ! Ну а со своими предложениями я могу обратиться непосредственно к Евгению Алексеевичу.

– Его нет! Он в поездке по районам. Но вечером, как только вернется, я поставлю перед ним вопрос о Вашем увольнении.

– В чём все-таки проблема, Сергей Сергеевич?! – я укоризненно покачала головой. – Мне кажется, каждый из нас нужен Алфееву на своем месте.

– Не стоит меня уговаривать! Как только появится Алфеев, я поставлю перед ним вопрос: либо – я, либо – Вы!

– Зря Вы так! – сказала я и, встав из-за стола, направилась к выходу. – Мы оба наняты для обеспечения успеха кампании Алфеева.

– Это как сказать! – Жаров ехидно усмехнулся и распахнул передо мной дверь.

– До свидания, Сергей Сергеевич! – с вежливой терпимостью попрощалась я.

Он не ответил ничего.

Дверь за мной закрылась и я почувствовала, что мои щёки горят, а сердце холодеет и ноет. Я не могла разобраться в хаосе мыслей и чувств, обуревавших меня. Что делать?! Куда идти?! Я никого здесь не знаю! Стоять в коридоре неловко, а уйти нельзя, ведь уйдешь, – можешь и не вернуться, потому что в штабе строгая пропускная система. Пойду покурю и всё обдумаю, – решила я.

Войдя в курительную комнату, я обнаружила там Светлану.

– Привет, Светочка! – обрадовалась я.

– Привет! – холодно отозвалась она, и на лице её мелькнул не то испуг, не то досада.

Это навело меня на мысль, что, скорее всего, решение о моём увольнении уже принято и штабным известно об этом.

– Что-то здесь, как на извергающемся вулкане, – сказала я, – то камни летят, то лава льётся! Не понимаю, что происходит... Пришла по работе к Жарову, а он заявил, что уволил меня.

Светлана, молча протянула мне зажигалку. Прикуривая, я поинтересовалась:

– А ты почему не уехала к себе в округ?

– Надо дожидаться Артема. Он с Алфеевым. Мне надо смету утвердить.

– Получается, вместе будем ждать их до вечера.

– Ты что, с Алфеевым собираешься поговорить? – не сдержала удивления Светлана.

– Конечно! Надо его предупредить!

– А ты уверена, что он не знает об этом?!

– В любом случае! – я с насмешкой посмотрела в глаза Светланы. – Нанимал-то меня Алфеев! Значит, ему и решать вопрос об увольнении!

– А я бы на твоём месте сейчас уехала и не вмешивалась. Пусть мужики сами разбираются!

– Тебя не поймешь! То ты полагаешь, что мое увольнение санкционировано Алфеевым, то говоришь «пусть сами разбираются»! Полагаешь, у Жарова и Алфеева могут быть разногласия по поводу меня?! Нет, солнышко, мне самой надо разобраться с тем, что происходит.

– Покуришь, – сказала Светлана, направляясь к выходу, – приходи в 215-ю. Я тебя кофе угощу.

– У тебя уже свой кабинет?!

– Это для всех руководителей окружных штабов.

Оставшись одна, я задумалась над тем, почему Жаров с такой иронией отнесся к моему замечанию о том, что мы оба наняты для обеспечения успеха кампании Алфеева. Его задача – провести другого кандидата, препятствуя Алфееву?! Или он намекает на то, что это – моя задача?! Жаль, конечно, если Жаров действительно работает против Алфеева!

Черт, а ведь рейтинги Алфеева растут тем сильнее, чем больше грязи выливается на него в областных СМИ! Я изумилась тому, что раньше не придавала должного значения этому факту. Получается, вакханалия чёрного пиара против Алфеева – это сознательно выбранная стратегия кампании трёх кандидатов – Сорокина, Косычева и Алфеева.

Так как растущий рейтинг Алфеева вроде бы подтверждает правильность выбранной ими стратегии, – увы! – никакие мои аргументы не будут услышаны. Пытаться сейчас убедить Алфеева в ошибочности их стратегии, все равно, что плевать против ветра. У меня нет шансов! Но, в таком случае, избирательная кампания Алфеева неизбежно будет проиграна! А, может быть, всё не так однозначно?! Может быть, политическое чутье Алфеева и в этот раз не подведет его?!

Размышляя об этом, я направилась к 215 комнате, и уже на пороге встретила Светлану.

– Я решила по магазинам пока пробежаться, – сообщила она, – ты уж, не обессудь! Попей чайку пока. А хочешь, пошли со мной!

– Спасибо! – поблагодарила я и осталась в просторной комнате одна.

Нервничая и изнемогая от безделья, я пару часов ждала там Алфеева. Потом перешла в гардеробную, чтобы перехватить его до того, как он встретится с Жаровым. Расчёт оказался верным: буквально минут через пять после того как я переместилась туда, в гардеробной появился Алфеев.

– Евгений Алексеевич! – обрадовалась я и с приветливой улыбкой шагнула ему на встречу.

– Вы здесь?! – он гневно взглянул на меня. – Я просил Вас не заходить в штаб!

Стало ясно, что это он принял решение о моём увольнении, но, видимо, в расчёте на свой прежний план: «а потом придумаем, как убрать Жарова». Это – пустой номер! Или Светлана права, и Алфееву я нужна только для того, чтобы развлечься?! Оба варианта негодны.

– Извините! А что собственно такого?! – откровенно ёрничая, сказала я. – Позавчера Вы публично объявили, и все в курсе, что я – Ваш помощник!

Алфеев остановился возле меня. Ноздри его носа шевелились от едва сдерживаемого негодования. Молодые люди, сопровождавшие Алфеева, стали спешно покидать гардеробную. Дождавшись, когда последний из них плотно закрыл за собой дверь, я сказала:

– Понимаете, вчера я вполне доброжелательно общалась и плодотворно работала с активом, и с Жаровым в том числе. Но сегодня, когда по его просьбе я заехала, чтобы передать наработанные предложения, тон его неожиданно изменился. Он с порога заявил, что хочет уволить меня, и как только Вы появитесь, поставит вопрос ребром: либо – он, либо – я.

Взглянув на Алфеева, я увидела, что он с замкнутым лицом смотрит поверх моей головы. Браво манипулятору! – подумала я. – Отличный прием, чтобы дистанцироваться от собеседника и не дать обнаружить истинные эмоции!

Я приблизилась к Алфееву так близко, практически вплотную, что ощутила его специфический мужской запах.

– Евгений Алексеевич! – тихо произнесла я, глядя на него снизу вверх. – Я не верю в серьезность этого ультиматума. Нет никаких объективных оснований для такой постановки вопроса! Возможно, он просто шантажирует Вас, – не берусь судить.

Измученный Алфеев внимательно посмотрел в моё запрокинутое лицо. Почувствовав, что добилась желаемого, я чуть отстранилась.

– Но если он серьезно, – доверительно сказала я, – то думаю, разумнее оставить в Штабе его. Я, собственно, и дожидалась Вас, чтобы сказать об этом. Вы с Жаровым хорошо знаете друг друга, и в его руках все нити избирательной кампании. А у меня всё-таки был полуторамесячный перерыв. Что же касается Ваших обязательств передо мной, то я готова без обиды аннулировать их.

Ни один мускул не дрогнул в лице Алфеева. Казалось, и взгляд его остекленел. «Словно в соляной столб превратился», – мелькнуло у меня в голове. Я не ожидала подобной реакции, но была удовлетворена произведенным эффектом. Ну и что, – с горделивым отчаянием думала я, – пусть теперь увольняет! Полудурок! Захотела, вертела бы им! Пусть теперь думает! А я в такие игры не играю!

Подойдя к вешалке, я сняла свою куртку, накинула на плечи, и, обойдя неподвижно стоявшего посреди гардеробной Алфеева, не спеша вышла из штаба. Сердце моё колотилось так, словно я а только что пробежала пятисотметровку.

*Миссурск, 13 мая*

Ни на следующий день, ни позже никто из штабных не звонил мне. Выждав ещё пару дней, в течение которых, по моим представлениям, Алфеев должен был полностью отойти от своего «окаменения», я обратилась к Любове Петровне, но она сказала, что не в курсе происходящего в Штабе, и посоветовала позвонить непосредственно Алфееву. Поколебавшись ещё один день, сегодня вечером я набрала его номер.

– Извините, Евгений Алексеевич, я не знаю какое решение Вы приняли относительно меня.

– Я Вас уволил, – спокойно ответил он.

Мне было слышно, что, отвечая, он одновременно что-то жуёт.

– За что? – деловито поинтересовалась я, как если бы речь шла не обо мне, а о ком-то постороннем.

– Ни за что! – беззаботно ответил Алфеев, продолжая жевать.

Этот короткий ответ был абсолютно неожиданным для меня. Если бы Алфеев хоть как-то объяснился, пусть бы даже придумал какое основание для увольнения, то это был бы наш последний разговор, но он ловко поймал меня на психологический крючок. Помедлив секунду, я игриво поинтересовалась:

– А так бывает?

– Бывает! – не менее игриво ответил Алфеев и проглотил, наконец, кусок, который жевал. «Тупоумное животное!» – подумала я, и чуть не рассмеялась от этого.

– А я могу получить расчет?! – стой же легкомысленной игривостью поинтересовалась я.

– Конечно! – посерьезнел Алфеев. – Посчитайте, сколько я Вам должен, и Артем выдаст эту сумму.

Я в сердцах бросила трубку. Полудурок, полудурком, а соображает быстрее меня, – с сожалением призналась я самой себе. – Какой расчет?! За пару дней?! Или за полгода, потраченных впустую?! Может обозначить ему реальную цену моих услуг?! Я злилась и негодовала как никогда.

В хаосе мыслей и чувств, обуревавших меня, вдруг пробилось подозрение, что Алфеев цинично обманывал меня, ещё тогда, когда предложил стать его помощником. Ни о каком сотрудничестве со мной он и не помышлял! Ошибка атрибуции! Он превратно истолковал мой рассказ об отношениях с Ильёй, и решил воспользоваться моим интересом к его собственной персоне. Ему необходимо было продемонстрировать активу свою традиционную сексуальную ориентацию! А то как же, ведь ходят разные слухи, а к нему приближены и крутятся вокруг него одни розовощекие мальчишки!

Подумав так, я пришла в ужас от абсурдности и цинизма собственного предположения. Чтобы вернуться к здравомыслию, то есть привести себя в форму, я отправилась в ванную комнату и принялась умываться холодной водой. Ещё неделю назад я готова была выжать из себя все соки, чтобы помочь Алфееву завоевать победу! – укоряла себя я. – Осознанно! Пройдя через многие сомнения в отношении этого человека. А теперь вот готова считать его абсолютным негодяем и мерзавцем....

Снова и снова подставляя лоб под струю ледяной воды, я вспомнила, как Алфеев подарил мне букет белых лилий на день рождения. Ерунда, конечно, тысячи букетов раздарил кому ни попадя, – но, все-таки... Честно признаться, он всегда, когда я просила, находил возможность встретиться со мною, выслушать. А в период выборов это дорогого стоит! Вспомнилось многое другое, что подкупало, располагало к нему.

Но всё-таки он – полудурок! – снова застучало у меня в висках, как только я вернулась в комнату. Дарил цветы, потому что это ничего ему не стоило; выслушивал, потому что я высказывала здравые соображения; да и всему остальному – грош цена! Он подлец и хам. Хам из подворотни! Такой же, как и вся свора «молодых волков», рвущихся во власть, для того, чтобы насытиться воровством и грабежом! С другой стороны, – сама виновата! Невозможно безнаказанно отречься от правила, которому следовала всю жизнь: даже не знакомься, тем более, не «играй» с подонками и другими сомнительными личностями!

Мой мозг горел, не выдерживая напряжения. Надо было как-то успокоиться! Я принялась искать спиртное, в надежде, что дома случайно сохранилась бутылка какого-нибудь вина или коньяка. Ничего не найдя, собралась в магазин. Уже у двери, взглянула на свое отражение в зеркале, и сообразила, что выходить из дома в таком виде нельзя.

И тут я вспомнила, что недавно купила для мамы и её приятельниц четыре бутылки настойки боярышника. Она же на спирту! – обрадовалась я и достала из шкафа эти трехсотграммовые бутылочки. С трудом свинтила крышку одной из них. Сильный запах спирта ударил в нос, – то, что надо!

Налив полную рюмку настойки, я залпом выпила её. Прислушалась к себе, но ничего нового не почувствовала. Тут же налила и выпила ещё одну рюмку. После четвертой, которая, по моему мнению, тоже не действовала, я взяла в руки бутылочку и внимательно всмотрелась в этикетку. Всё правильно, – это была семидесятипроцентная спиртовая настойка. Пивали и покрепче! – подумала я. – Отличное лекарство от боли и разочарования!

Сознание, робко подсказывало, что пью я не водку, и даже не чистый спирт, а – вытяжку кардиостимулятора. Ну и что? – с рассеянной беспечностью думала я. – Мне нужна анестезия!

Рюмка за рюмкой я продолжала пить злосчастную настойку, а её оставалось ещё много.... Умру, так умру! – думала я. – Мне вообще, ещё до встречи с Алфеевым, не нравилось, как устроена эта новая жизнь. Но ещё больше я не нравлюсь самой себе, потому что попала в такую паскудную ситуацию!

Однако, ни опьянение, которое должно было бы свалить меня в сон, ни возможная смерть всё не приходили. Зато возникло сомнение: а вдруг случившееся – лишь интриги Жарова?! Чтобы разобраться с этим вопросом, я пошла проверенным путём: взяла бумагу и попыталась записать скачущие в голове мысли.

После очередной рюмки, я решила, что такой анализ не актуален, и разумнее написать прощальное письмо Алфееву. Пусть знает, что в случившемся, и даже в своей смерти я его не виню. Однозначно, – виноват Жаров! И вообще, дело даже не в Жарове, а в самой ситуации! Я медленно выводила на бумаге какие-то слова, а по моим щекам тонкими струйками стекали на подбородок слезы. Я писала до тех пор, пока не осознала, что попадать в строчку и вообще соединять букву с буквой стало слишком трудно. Руки перестали слушаться меня.

Надо лечь, – подумала я, – а то ведь можно и упасть! Последним усилием воли я подобрала ноги и боком повалилась на диван, на котором сидела.

Очнулась я от яркой вспышки. Это сын вернулся из школы, вошёл в комнату и включил свет. Я взглянула на него: здоровый, розовощекий с холода парнишка!

– Мамуль, привет! – он радостно улыбался мне. – Что отмечаешь?

Застигнутая врасплох, я промямлила:

– Так, размышляю, что дальше делать...

– С рюмкой?! – плутовато сощурился Санек.

– А как без этого?! Спиртное иногда выручает...

– Лекарством пахнет.

Он взял в руки бутылочку из-под настойки боярышника.

– Это спиртное?! – изумился Санёк. – Это же бабушке! И ты всё это выпила?!

– Представляешь, выпила, уснула и проснулась с ясной головой. Да и спала-то всего пару часов!

– Ты что, умереть хотела?! – он с подозрением посмотрел на исписанные листки, упавшие на пол.

– Нет, конечно! – проворно встав с дивана, я быстро прибрала бумагу, рюмку и бутылочки. – Просто хотела напиться, а в доме ничего другого не нашлось. Не бери в голову! Сейчас ужинать будем.

Мои уверенные движения и привычные интонации успокоили сына. Минут через пять он уже сидел за столом и с аппетитом поглощал плов, приготовленный мною ещё накануне вечером.

– Нравится?!

– Конечно! – Санёк насадил на вилку довольно крупный кусок ароматного мяса и с вождением посмотрел на него. – А у тебя что случилось-то?

Почувствовав, что замять ситуацию не удастся, я вздохнула:

– Знаешь, кто на своем опыте учится?

Саша кивнул головой, и отправил кусок мяса в рот.

– Вот и я убедилась, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», а «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Прожевав мясо, Санёк с разочарованием спросил:

– Опять с Алфеевым цапнулась?

– Да нет, не цапнулась. Просто каждый пойдет своим путем. Я тут завершу пару дел и съезжу в Москву, – с отцом повидаюсь и попробую продать свои знания об этой избирательной кампании.

– А пить-то зачем надо было?!

– Чудак ты! Я рассчитывала, что мы с Алфеевым со временем приспособимся друг к другу. Увы!

- Это значит, что ты ушла от Алфеева.
- Нет, он уволил!
- Значит, поцапались! – юноша определенно гордился своей проницательностью.
- Нет, уволил «просто так»!
- Не хочешь, – не говори! – обиделся было Санёк, но, поразмыслив, добавил. – Ты не беспокойся, я тоже никому ничего не скажу! А Алфеев без тебя выборы проиграет, – он же дурак!
- Не дурак, а полудурак! – я ласково посмотрела на сына. – Чувствуешь разницу?! И не факт, что проиграет. Но это – уже не наше дело! Хотя, если проиграет, – совсем не плохо.

*Миссурск, 14 мая*

Проводив сына в школу, я нашла в стопке бумаг и прочла свое вчерашнее письмо Алфееву. По тексту и по почерку было заметно, что оно написано под влиянием опьянения, но я решила не тратить время и силы на редактирование. Уже не имело смысла! К тому же, письмо, вероятно, будет прочитано Артёмом или кем-то ещё, и вряд ли дойдёт до Алфеева. А дойдёт, – так и ничего страшного! Но им всем полезно будет узнать, что именно их отношение ко мне, даже в большей мере, чем ошибочная стратегия кампании, предопределило поражение Алфеева в этой кампании. Пусть сейчас сочтут написанное ерундой! Но, возможно, вспомнят об этом письме, когда проиграют выборы.

Позвонив Артему, я договорилась встретиться с ним в Центре, и попросила заплатить мне при расчёте 300 долларов, которых, по моей прикидке, должно было хватить на мою поездку в Москву.

В кафе я пришла первой. Оказалось, что Артём назначил мне встречу в какой-то замызанной забегаловке. Здесь пахло непрветренной сыростью, винным перегаром и дешёвым табаком. Преодолев брезгливость, я присела за свободный столик. Вскоре назойливые и недобрые взгляды подвыпивших бомжеватых посетителей вынудили меня спрятать свои ноги в кожаных светло-голубых кроссовках под стул. Я чувствовала, что находиться здесь для меня не безопасно, и нетерпеливо поглядывала на дверь. Артём появился в строго назначенное время.

Получив деньги, и расписавшись в ведомости, я подала ему конверт:

– Передай, пожалуйста, своему шефу.

Артём покрутил конверт между пальцами, и спросил:

– Евгений Алексеевич ведь и сам лично тоже давал Вам деньги?

Я с усмешкой взглянула в его холеное лицо и произнесла по слогам:

– Ни-ко– гда!

Затем, приложив руку к сердцу, добавила:

– Клянусь!

Артем продолжал с недоверием смотреть на меня.

– Я сама оценила себя «так дешево», – со вздохом призналась я, встала из-за стола, прощально махнула рукой, резко повернулась, и пошла своей дорогой.

В избирательном штабе действующего губернатора работал мой давний приятель – Александр Васильев. К нему я и отправилась. Александр был выпускником философского факультета МГУ, где в советское время давали одно из лучших в стране образований. По окончании столичного ВУЗа он распределился в Миссурск, – на свою родину. Вернувшись в провинцию, он стал искать общения с людьми своего круга, и быстро сошелся с нами. Мы с Матвеем охотно привечали молодого, либерально настроенного интеллектуала. Встречаясь за чашечкой кофе,

мы азартно дискутировали по самым разным политическим проблемам, вместе слушали современную музыку. Позже наши пути разошлись, но расположение друг к другу осталось.

– До чего же приятно видеть старую знакомую! – воскликнул Александр, когда я появилась на пороге его кабинета, и радушно пригласил войти.

Он улыбнулся, и мне сразу стало легче. Его мягкая улыбка, чуть прикрытая пышными, но аккуратными усами, всегда нравилась мне.

– А ты поселился! – сказала я и взглядом указала на его великолепные туфли. – Не беспокойся, – добавила я, – я не на долго, по частному делу...

– Чем могу!

– Спасибо! – я рассеянным взглядом обвела рабочую комнату. – Смотрю, здесь большой коллектив, море компьютеров...

– Проходи, проходи! – Александр провёл меня в небольшое смежное помещение. Там было тесновато, но уютнее и респектабельнее. Практически всё пространство занимали кожаный диван, глубокое кресло и, в тон им, добротный письменный стол. На широком подоконнике стола дорогая оргтехника, чайник и небольшая электроплитка.

– Здесь у меня рутинная работа, – пояснял Александр, заваривая в турке кофе. – Говорить не о чем, и не с кем. В общем, – тоска! Ну а ты, слышал, на Алфеева стала работать?!

– Попыталась, но не вышло. Там внутри штаба идет какая-то непонятная для меня борьба.

– Сергей Жаров рулит?! – понимающе улыбнулся Александр.

– Ну да! – отмахнулась я. – Саш, я с просьбой к тебе зашла. Ты ведь мониторингом занимаешься?! Можно будет у тебя знакомиться с результатами?

– Зачем и в каком формате?

– Понимаешь, я в избирательную кампанию была втянута с января, – жалко потраченного времени! Думаю, а не подвязаться ли к кому с анализом этих выборов?! Может, в Центризбирком или ещё куда?! Временно.

Пока мы говорили, Саша сварил кофе. Взяв поданную им чашку, я, с одобрением ценителя, сказала:

– Слушай, у тебя такой ароматный кофе!

– Это мама старается. Потокает моей слабости! – глаза Александра потеплели. – Попробуй, он очень приятный на вкус. Только не увлекайся, он ещё и крепкий!

Я молча сделала несколько глотков.

– Какая-то ты сегодня скованная! Чем так озабочена?!

– Ну да! В принципе, я хочу вернуться в Москву. Но, наверное, пробуду здесь до конца 1-го тура выборов. Из-за Санька. Он будет поступать в университет. А Матвей и старшие у меня в Москве.

– Привет им передавай. С материалами, пожалуйста, знакомься! Но мы ведь их готовим в определенной форме, – под заказчика. Устроит ли тебя такой формат?! Слушай, Джули, а ведь у Алфеева неплохие шансы!

– Всё равно проиграет! – сказала я и опустила голову, стараясь подавить вновь нахлынувшую обиду. – Думаю, что реальные шансы только у Германа Матвеевича.

– Обиделась что ли на Алфеева?!

Вскинув голову, я невидящими глазами уставилась в окно, за которым высокие деревья раскачивались под порывами ветра.

– Дело не в этом! – сказала я после небольшой паузы. – Это долгая история. В другой раз, хорошо?!

– А «наши» его боятся, – недоуменно пожал плечами Александр.

За этой его репликой чувствовался живой интерес к тому, как я оцениваю предвыборную позицию Алфеева.

– Правильно делают! – с холодным безразличием произнесла я. – Если Алфееву удастся опереться на Сухаренко, то любые следующие выборы он выиграет. А сейчас – всё равно проигрывает!

– От чего же? – настаивал Александр.

– Он прямо во время выборов оказался между двумя группировками, – сказала я и устало вздохнула от того, что вынуждена объяснять банальности. – Неправильно сориентировался ещё до выборов. А перестроиться на новую, более влиятельную группу Полпреда уже не успеет. Но, говорят, что не делается – все к лучшему. Правда?!

– Я вот сейчас подумал, а не захочешь ли ты принять участие в проекте анти-Крот? Я тут вношу свои предложения, – меня словно и не слышат! Хотя я разговаривал по этому вопросу прямо с губернатором. Во втором туре, я думаю, Кротов любого кандидата победит. Надо бы его в первом туре вышибать. У меня есть определенные наработки, но хорошо, если бы и ты, например, поддержала. Губернатор твоего Сергея уважает.

– Знаешь, Сашенька, – с глубоким вздохом сказала я, – не хочу больше «за чужие гавани вести бои». А твои наработки могу передать знакомому в Полпредстве, – они их больше интересуют, мне кажется. Подумай!

– Что тут думать! Подожди минутку, сейчас девочки выведут материал. Может и на дискете?!

– Давай оба варианта. А пока ждём, налей-ка мне ещё кофейку!

Александр ушёл к своим сотрудникам, а я, машинально помешивая кофе ложечкой, с грустью думала о том, что вот и Александр готов за «просто так» отдать плоды своего труда.

*Москва, 15 мая*

Выйдя из поезда на перрон, я повеселела. По-весеннему ярко светило солнце, свежо сияло голубое небо. Здесь, в Москве, все было иначе, лучше, чем в Миссурске! Здесь я чувствовала себя спокойнее и счастливее.

Пружинисто шагая, я направилась в метро, напевая про себя мелодию, прицепившуюся ещё в поезде.

– В наше время так редко встретишь человека, напевающего на ходу, – вдруг обратился ко мне какой-то мужчина.

– Да я, вроде бы про себя пела... – улыбнулась я от смущения.

– Что Вы, это же очень хорошо! – приободрил меня мужчина.

Я внимательно посмотрела на него: седой, подтянутый – вроде бы нормальный.

– Понимаете, я часто напеваю про себя, и не подозревала, что другие тоже слышат, как я мурлычу... Забавно! – я не удержалась и засмеялась.

– День обещает быть хорошим! – заразившись моим весельем, широко улыбнулся мужчина. – Спасибо Вам, за доброе настроение!

– Не стоит! Всего Вам хорошего!

Мужчина ушел, не оборачиваясь, и, проводив его взглядом, я продолжила свой путь. Лавируя в толпе приехавших, я вернулась к размышлениям о предстоящем объяснении с близкими. Старшие сыновья не были посвящены в мои дела и полагали, что в Миссурске я занимаюсь исключительно Саньком и его проблемами. Другое дело – Матвей! Так как он относится к тем людям, которые предпочитает раздумья действиям, то ему можно будет сказать, что Алфеев не оправдал моих ожиданий. С Сергеем сложнее. Хотя он тоже из породы мечтателей, и вполне может довольствоваться полуправдой, но с ним надо постараться быть убедительной.

тельной. Это важно, потому что мне хотелось бы заключить договор с Фондом Прудовского, в котором работает Сергей.

Добравшись до дома, я первым делом позвонила брату на работу. Разговор был не долгим, но я успела рассказать о том, что Алфеев пригласил меня, как говорится, «в номера». Сергей молчал. Чувствуя, как у самой от волнения сердце выпрыгивает из груди, я сказала:

– Ладно, Серж, не бери всё это близко к сердцу, – мы ведь не дети! Бог с ним, с Алфеевым! Жаль только, что время зря потратила.

– Не горюй, что-нибудь придумаем! – пообещал брат.

– Мне тут мысль пришла, может, твой шеф заинтересуется анализом этих выборов?! У меня ведь больше половины материала уже собрано!

– Сомневаюсь, – сказал Сергей так, что я сразу потеряла надежду. – Но я спрошу.

Уже через пару часов он сам позвонил мне.

– Здесь такая история, – радостно сообщил брат, – сегодня с утра наш олигарх Веккер попросил Прудовского выступить в качестве эксперта на его встрече с представителями Косычева. Сказал, что речь пойдет о выборах в Миссурске. А тут я прихожу к Прудовскому, и рассказываю ему, что ты приехала из региона и в теме. Он взял твой телефон. Тебе должны позвонить.

– Спасибо! А ты сказал Прудовскому, что я хотела бы заключить с его Фондом договор?

– Сама разговаривай. Он точно позвонит!

– А переговоры-то когда?

– Я так понял, что сегодня в обед, буквально через час.

– Понимаешь, Серж, я с дороги... А завтра – семейный праздник. Напоминаю, день нашей с Матвеем свадьбы! К нему надо готовиться, ведь дети придут.

– Ты чего сопротивляешься?! – возмутился Сергей. – Сама же напрашивалась на работу эксперта по этим выборам!

– По выборам, – да. Но не против Алфеева! А Косычев – соперник Алфеева.

– Вот как! А его стоило бы проучить! Но не факт, что Косычев против Алфеева работает: сама говорила, что, скорее всего у них общая стратегия.

– Положим... Но тогда скажи, а почему я должна «за так» консультировать твоего шефа?

– Не глупи! Он был генералом КГБ! Если ты хочешь заключить с ним договор, будь любезна, продемонстрируй свою лояльность.

– Мы с ним уже знакомы, – буркнула я из упрямства.

– Он знает тебя как специалиста, – рассердился Сергей, – а здесь речь о другом!

– Не шуми! – мне стало неловко. – Продемонстрирую! Продемонстрирую лояльность. Обещаю!

Ждать звонка Прудовского пришлось не долго. И, вот удача, он предложил мне одной поехать к Веккеру в качестве эксперта, приглашённого Фондом.

– А он... – заикнулась было я.

– Он в курсе, и ждет Вас к 13 часам.

Взглянув на циферблат настенных часов и поняла, что не успеваю.

– Машина уже вышла за Вами, надеюсь, минут через пять водитель будет у подъезда.

Привести себя в порядок за 5 минут?! – непростая задача. Выключив телефон, я сразу бросилась к платяному шкафу. Вынула плечики с жаккардовым жакетом, шитым золотом. Посмотрев на него так, словно вижу его впервые, я решила, – не пойдет! Хотя, почему?! Вспомнилась история, ходившая по Москве, о том, что одна дама, занимающая пост директора крупнейшей строительной фирмы, ежедневно являлась на работу в полном макияже, с салонной причёской, в вечерних нарядах и драгоценных украшениях.

Встав перед зеркалом, я окинула себя взглядом: несколько растрепанная стрижка и полное отсутствие макияжа! Это допустимо для современной женщины средних лет, и даже считается особым шиком, если она роскошно одета. Так что этот жакет, прямые шерстяные, темно-вишнёвые брюки и в тон им модные туфли, – как раз то, что надо! Но и к такому наряду нужны украшения, а драгоценностей у меня нет... Нет, они были бы здесь совсем не уместны! А вот массивное кольцо из темного янтаря с вишневым отливом – в самый раз! Я быстренько сбегала за ним в соседнюю комнату, радуясь, что, наконец, нашелся повод надеть это кольцо. Матвей привез его из Прибалтики, и я тогда расстроилась: уж очень претенциозным и возрастным оно мне показалось. Но сейчас именно это кольцо сделало мой наряд стильным. Покрутившись ещё несколько мгновений перед зеркалом, и улыбнувшись на прощание своему отражению, я вышла из квартиры.

Уже на ходу, в лифте, подкрасила губы и нанесла на запястья каплю духов с дивным древесно-пряным ароматом, создающим стойкий многогранный шлейф. Очень дорогие, статусные духи, – я берегла их для особых случаев. Их тоже подарил Матвей. Сделав эти последние штрихи к своему образу, я успокоилась и даже почувствовала некоторый душевный подъем, – предвестник успеха, который был мне так нужен. Сейчас я была в одном из лучших своих состояний, в полном обладании всеми своими силами и способностями.

Офисное здание, в котором должна была состояться встреча, находилось в центре города, и видимо поэтому, не имело прилегающего земельного участка, а, следовательно, и забора с солидной охраной. Это было современное высотное здание без каких-либо архитектурных изысков снаружи и внутри. Огромные окна и обилие дополнительного освещения в холле первого этажа создавали ощущение лёгкости и большого свободного пространства. Казалось, здесь было свежее, чем на улице. А главное, – изумительная чистота: ни пятнышка, ни пылинки на глянцевых металлических и матовых кожаных поверхностях. Поддерживать такую свежесть и чистоту в здании, где работает много людей, – весьма недёшево. Я с восхищением осматривала лаконичный интерьер. Простота форм и идеальное качество деталей делали это пространство дорогим и респектабельным, – это и есть новая роскошь!

По дороге к кабинету Веккера, я специально сосредотачивала свое внимание на деталях окружающей обстановки, чтобы вытеснить волнение, и не позволить ни одной мысли о предстоящей встрече проникнуть в сознание. Перед олигархом я должна была предстать беззаботной и уверенной в себе деловой женщиной.

Оказалось, что переговоры уже начались. Секретарём Веккера был мужчина, прикрывающий веками свой пронзительный взгляд, и тем самым, выдающий свою принадлежность к сотрудникам спецслужб. Он учтиво распахнул передо мной дверь в кабинет шефа и предложил войти.

Веккер сидел во главе стола на своём рабочем месте. Он оказался невысоким полноватым мужчиной, с животиком и типично еврейскими глазами. Чуть задержав беглый взгляд на моём лице, он жестом, но весьма благосклонно, предложил мне сесть за стол переговоров. Я скромно присела на дальнем от хозяина конце стола.

Двое других мужчин, которые, видимо, и были представителями Косычева, проигнорировали моё появление и продолжили свой разговор с Веккером. Они просили о финансировании его холдингом избирательной кампании действующего губернатора Миссурской области. Я сразу подумала о том, что известие о банальном недостатке финансов для завершения избирательной кампании губернатора порадовало бы Алфеева. Однако, вскоре выяснилось, что присутствующие здесь «переговорщики» представляли интересы не только Косычева и губернатора, но и Полпреда. Я горько усмехнулась про себя: получалось, что Косычев и Полпред «сливают» Алфеева в пользу действующего губернатора.

Вскоре Веккер предложил переговорщикам пройти в другой кабинет, где их уже ждал его заместитель. Как только они вышли, Веккер встал, и, разминая ноги, прошёлся по кабинету. Остановившись у панорамного окна, он попросил меня дать оценку предвыборной ситуации в регионе.

– Мне ничего не остается, – сказала я, пряча от Веккера глаза, – как подтвердить слова «ходовков». Хотя в настоящий момент бесспорным лидером гонки является Алфеев, он не сможет противостоять триумvirату Полпреда, губернатора и Косычева, если таковой действительно сложился. Алфеев не обладает достаточным административным ресурсом и не готов к противодействию в случае его применения против него самого.

Разглядывая что-то за окном, Веккер, казалось, рассеянно слушал меня. Я осмелела.

– Но следует учесть, что победа действующего губернатора в первом туре, ещё не гарантирует его победы во втором. Расклад таков, что во второй тур, если в первом вывести из игры Алфеева, проходит Кротов. Важно, что Алфеев – лидер системной оппозиции, а Кротов – несистемный. Таким образом, вместе они контролируют весь протестный электорат, который почти в два раза больше электората лояльного действующей власти. Известно, что Кротов – сильная личность. Он способен идти к своим целям напролом, поэтому его нейтрализация обычными методами невозможна. Честно говоря, я не знаю, готова ли действующая власть на жесткие меры, на грани законности, по отношению к нему. Это всё, что я могу сказать.

– Спасибо, Джули Борисовна! Вы не могли бы подождать в Приёмной, пока я освобожусь, – минут пять, не больше.

Выйдя в приемную, я заметалась по ней, как волчица в клетке. Неприязнь к Алфееву, которая ещё в Миссурске обожгла мне сердце, куда-то испарилась. Мною овладело нетерпеливое желание немедленно предупредить его о закулисной игре. Я даже пару раз вынимала из сумочки телефон, но, каждый раз, сделав над собой усилие, возвращала его на место.

Когда меня снова пригласили в кабинет Веккера, я уже погасила вспыхнувшее волнение и смогла вернуться к рациональному поведению.

Поблагодарив меня, Веккер попросил передать Прудовскому небольшой конверт. Я вежливо улыбнулась, взяла конверт, и, сухо попрощавшись с олигархом, отправилась к Прудовскому.

Я была полностью удовлетворена встречей с Веккером, потому что она подтвердила мой прогноз: Алфееву суждено проиграть эти выборы!

В офисе Прудовский вскрыл привезённый от Веккера конверт, и, вынув из него небольшую пачку стодолларовых купюр, вручил их мне.

– Это Ваше вознаграждение за консультацию.

Осмелев, я обратилась к генералу с предложением заказать мне исследование.

– Договор уже готов, – ответил Прудовский, и, не скрывая удовольствия от произведённого впечатления, подал мне подготовленные бумаги. – Остаётся подписать!

– Я очень рад твоему приезду, – Матвей повторил за ужином слова, уже сказанные им по телефону.

– А я как рада! – светясь от счастья, вторила я. – И мой первый день в Москве, вопреки опасениям, сложился очень даже хорошо.

– Ты мне уже рассказала!

– Но ведь, правда, очень удачно сложилось?! Конечно, я надеялась, но не могла рассчитывать на договор с Прудовским. Его согласие на сотрудничество льстит мне.

– Может, по такому случаю выпьем?!

– Наливай, конечно! Но, знаешь, ещё больше я обрадовалась деньгам, заработанным у Веккера.

– Ты у меня ребёнок!

– Да! Я обрадовалась деньгам, как ребёнок радуется тому, что его, наконец, похвалили, и даже купили ему любимое мороженое! И дело не в сумме! А, может и в ней... Она, кстати, превышает всё полученное у Алфеева вознаграждение.

– А в чём же дело?

Матвей пододвинул мне фужер с вином и поднял свой, дав понять, что готов к тосту.

– Здесь мне легче и приятнее, – сказала я, – просто от того, что взаимодействие с влиятельными людьми происходит по понятным и приемлемым для меня правилам.

– Получается, что тебе надо возвращаться в Москву. Выпьем за это!

Вино оказалось сухим – очень кислым и прохладным. После напряжённого и изнуряющего своей суетливостью дня, оно освежило меня не хуже чистой родниковой воды.

Вернувшись к еде, я сказала:

– Конечно, сейчас для меня попасть в привычную среду – как бальзам на сердце! Но именно для того, чтобы решить две новые и важные задачи, мне необходимо выйти за пределы этого комфорта.

– Как ты умеешь обманывать себя! Какие важные задачи?! Уезжая в Миссурск, милая, ты даже не подозревала о существовании Алфеева!

– Да! Мое знакомство с ним – случайность. А случай, как известно, псевдоним бога, когда он не хочет называть своего имени!

– Или дьявола!

– Да ну тебя!

– Я серьёзно! – сказал Матвей и расплылся в улыбке. – Ты же, сама сказала, что преследовала две цели, нанимаясь на работу к Алфееву. А за двумя зайцами...

Я взглянула на мужа испепеляющим взглядом, как это делают обычно героини мелодрам.

– Это во мне ревность говорит! – продолжил игру Матвей.

– Что?! – я театрально закатила глаза и заломила руки.

– Похоже, что этот герой массовой культуры, задел и твоё сердце!

– С чего ты взял?!

Встав из-за стола, я подошла к мужу и сзади нежно обняла его за шею.

– Ты сама призналась, что узнав об угрожающей ему опасности, сразу забыла обо всех обидах, и готова была ринуться его спасать, – ой, любимому плохо!

Мгновенно посерьезнев, я разомкнула свои объятия.

– А надо было утаить, что я по-прежнему переживаю за Алфеева?! – с укором спросила я, и тут же, наклонившись к Матвею, с любовью заглянула ему в глаза.

– Да, надо было! Если бы ты была мудрой женщиной!

– Вот глупый! – я ласково погладила мужа по плечам, и взъерошила руками его волнистые волосы. – То, что не сложились мои личные отношения с этим человеком, – одно дело. Совсем другое, – отношение к нему как политику. Почему же я должна перестать сочувствовать ему?!

– Но не содействовать!

– Я же тебе и рассказываю, что больше не содействую! Да, бог с ним, – у него своя игра, у нас – своя, правда?!

– Правда!

– Ребята не звонили? – поинтересовалась я, вернувшись на своё место за столом.

– Егор звонил. Сказал, что завтра они с Антоном и Ириной хотели бы встретиться с нами.

Может, в ресторан ходим?!

– Нет, лучше дома! Мне в кои то веки хочется повозиться с приготовлением к празднику.

– Измотаешься!

– Я?! Ни за что! А ресторан... Нет, я не хочу весь день маяться от скуки и безделья! Что до готовки, то я не хуже иных поваров могу приготовить полноценный ужин за 15 мин!

– Только речь идёт о праздничном ужине!

– У меня свои секреты на этот счет. Главное, – стол должен быть красиво украшен! Беспроигрышный вариант – это белая скатерть и красные салфетки. Используем французскую сервировку.

Я вопросительно посмотрела на мужа, но не могла уловить его отношения к своему предложению.

– Расставим белоснежный фарфор и цветные фужеры чешского стекла – красные и золотистые! – мечтательно продолжила я. – Достанем те мельхиоровые приборы с гравировкой, которые Серёжа нам подарил на свадьбу. Да у нас вообще всё есть для праздничного стола!

– А еда?!

– Просто запекать мясо или рыбу. Конечно, необходим деликатес: устрицы или краб, например... Их можно купить! И какой-нибудь традиционный семейный десерт приготовлю: пунш или творожное суфле. Все остальное, чего дети могут захотеть, пусть приносят с собой!

– Убедительно говоришь! – Матвей ласково погладил меня по руке. – Значит, приглашаем детей к шести вечера!

*Москва, 16 мая*

Весь день я провела в хлопотах по приготовлению праздничного ужина для близких, а они пришли к нам уже сытыми.

– Мамуль, ну что ты право, столько наготовила?! – зашумел Егор, с порога заметивший сервированный стол в гостиной. – Мы тут по дороге «побаловались» креветками с пивом! Не расстраивайся!

Он немного отступил, пропуская вперед брата, и с удовольствием добавил:

– Ты, главное, смотри, какие цветы!

Антон протянул мне букет высоченных калл дивной красоты.

– Ты ведь, кажется, с такими была на свадьбе?!

Я с восторгом смотрела на цветы: они были так свежи и упруги, что, казалось, дотронься, – захрустят. Сыновья засияли от удовольствия, видя, что их сюрприз удался.

– Изумительный букет! Я уже и забыла, что Матвей тогда купил мне «самый торжественный», как он выразился, букет! Никак не ожидала от вас... И где вы раздобыли такие роскошные, просто королевские цветы?!

– Это наш секрет! – хором ответили близнецы и все рассмеялись.

– Но на этот раз я подарил Джуличке красные каллы, – вмешался Матвей, горделиво указав рукой на великолепные красные цветы, украшающие стол, – символ любви! Видите?! Это – Аленький цветочек!

– Это амариллис, – я ласково поправила мужа.

Матвей, нисколько не обиделся, и, поцеловав меня в щеку, тут же похвастался:

– А она, блюдя традицию, подарила мне билеты в театр!

– Мы скромнее, – сказала Ирина. – Мы купили на всех билеты в «Варшаву» на «Грязные танцы – 2».

– События происходят в Гаване, в 1958 году, – добавил Егор. – Говорят, интересный фильм! Билеты на сегодня, на 21.00.

– Значит, поторапливаться надо! – воскликнул Матвей. – Помогите маме, она ведь гору еды наготовила!

– Действительно! Помогите мне установить на столе блюдо. Оно большое очень. Это – запеченная в фольге семга с золотистым рисом.

– А я белое вино припас! – радостно сообщил Матвей, и выставил на стол две бутылки марочного вина.

Когда все, наконец, расселись за большим круглым столом, Матвей попросил Егора разлить вино, а сам встал, готовясь произнести тост.

Растроганная, я с любовью смотрела на родных. Теперь, после всех неприятностей, пережитых мною в Миссурске, даже сам вид близким людей был мне особенно приятен.

– Я хочу сказать, – громко произнёс Матвей, – что мы с мамой, как всегда, рады видеть Вас на нашем общем празднике!

За столом все сразу угомонились и устремили взгляды на тостующего.

– Антон уже похвастался, – продолжил Матвей, – что они с Ириной в знак того, что соединились узами брака, надели по бриллиантовой серьге: он – в правом, а она – в левом ухе. Красиво получилось, ничего не скажешь! Но мы с мамой, счастливо прожив в браке более четверти века, так и не обзавелись ни кольцами, ни какими иными символами взаимной зависимости, потому что с огромным уважением относимся к свободе друг друга.

При этих словах он, лукаво улыбнувшись, вопросительно посмотрел на меня. Пряча ироничную улыбку, ведь на самом деле мы по крайней бедности не купили колец на свадьбу, а уже потом, действительно не имело смысла их покупать, я утвердительно закивала головой.

Получив моё одобрение, Матвей обвёл взглядом собравшихся и торжественно поднял фужер с вином:

– Предлагаю выпить за наш союз и взаимную любовь всех членов семьи!

– Горько! – крикнул Егор.

Я встала, Матвей обнял меня и поцеловал в губы. Отстранившись, я выпила вино в своём фужере, и поспешила исполнить роли хозяйки.

– Берите к вину салат из мяса краба! – предложила я. – Краб натуральный, сама сегодня варила!

– Вот тут к рыбе салат из редиса с яйцом.

Словно опытный гофмейстер, я принялась заботливо раскладывать и одновременно представлять закуску.

– А это – салат из стеблевой петрушки с яблоками.

Во время ужина все члены семьи с весёлым добродушием по очереди произносили тосты.

– А я предлагаю выпить за то, чтобы мама никогда не оказалась в роли зайца-консультанта. Знаете притчу?!

Обведя родных вопросительным взглядом, и, убедившись, что привлёк всеобщее внимание, Егор, принялся рассказывать

– Встретив Зайца, голодные Волки хотели было съесть его, но Заяц говорит: «Мною Вы не насытитесь, а я могу привести вас к стаду овец». Волки решили пойти за Зайцем, но пока поднимались в гору, не совладали с голодом, и съели его. Поднялись на гору и видят стадо овец... Сытно пообедали и один говорит: «Как-то нехорошо с Зайцем получилось». Пошли вниз, нашли останки Зайца и захоронили. Поставили камень на могилку и думают, что же написать. “Другу Зайцу” – не пойдёт, не поймут, зачем друзья его съели. “Врагу Зайцу” – тоже не пойдёт, какой же он враг, когда привёл их к стаду овец?! Думали, думали, и написали: «Нашему КОНСУЛЬТАНТУ – Зайцу».

Это была всем известная притча. Но, рассказывая её, Егор проявил столько актёрского мастерства, что в конце все смеялись. Глядя на близких, я чувствовала то самое благополучие, которое приносит покой и восстанавливает душевное равновесие.

В разгар застолья Матвей напомнил всем:

– Пора заканчивать ужин, а то в кино опоздаем!

Ребята шумно поднялись из-за стола. Кто-то по неосторожности наступил на кошку Мусю, и она взвизгнула дурным голосом. Антон тут же подхватил её на руки, стал гладить и успокаивать, а потом поднес к картине, висящей в простенке между кухней и прихожей.

– Глянь, Ирина, это её мать – Муся 1. Её Егор в детстве нарисовал. Правда, здорово?!

Ирина озадаченно смотрела на портрет кошки, небрежно выполненный гуашью. Кажется, он был собран из оранжевых, белых и черных пазлов разнообразных геометрических форм. Один глаз кошки был раза в два больше другого. Но, в целом, получилось изображение такой хитрой, хищной и пластичной твари, что ни у кого не возникало сомнения в таланте художника.

– Близнецам было лет пять, – пояснила я. – Однажды, чтобы занять их, я дала им гуашь. «А что мы будем рисовать?» – заканючил Егорка. Я оглянулась, увидела кошку, и говорю: «Вот, Мусю рисуйте!» Закончила свою работу, – я тогда диссертацией занималась, – смотрю, а Егор что-то малюет на обломке ДСП. Подошла и ахнула, – настоящий шедевр! Жаль, что Егор не стал художником! Правда, у меня талантливые сыновья?!

Все согласились, и разговор пошел о современном искусстве. Мужчины говорили умно и небрежно. По тому, что Антон каждое свое слово обращал к Ирине, всем было понятно, что он в неё влюблён.

– Пока люди молоды, – сказал Матвей, и, приобняв меня за талию, привлёк к себе, – главное в отношениях, – любовь. Но со временем придет понимание, что дружба ценнее.

– Правда?! – с иронией в голосе спросила я, и выразительно посмотрела на мужа глазами, полными печали.

– Шекспир так считал, – сказал он, – потому что дружба всегда взаимна и основана на доверии.

### *Миссурск, 3 июня*

Вернувшись в Миссурск, я первым делом занялась наймом людей для сбора информации о ходе избирательной кампании. Совсем не простая задача – быстро нанять несколько десятков человек в разных районах области.

К моему удивлению, все, кому я предложила дополнительную работу, согласились. Провинция жила еще беднее, чем мне представлялось. Народ держался, главным образом, на натуральном хозяйстве. Люди были рады любому, даже незначительному приработку, так как прекрасно понимали, что после выборов шанса подзаработать долго не будет. Правда, они не имели, да и не могли иметь, навыков сбора нужной мне информации. Пришлось мне выезжать на места и, что называется, в полевых условиях обучать их. Эта деятельность поглотила всё моё внимание, отодвинув вглубь сознания переживания по поводу проигранной ставки на Алфеева.

Обучение «моего персонала» было не сложной и, по-своему даже интересной работой, но ежедневные многочасовые поездки по грязным, разбитым и ухабистым дорогам, обеды в столовых, больше похожих на жалкие кабаки, отсутствие возможности умыться и передохнуть, – всё это мне надо было как-то преодолеть. Чтобы не пасть духом и не сломаться, я применила особую тактику: сначала поехала в наиболее отдаленные районы, затем в более близкие, и, наконец, в те, которые непосредственно примыкали к областному центру. Таким образом, получалось, что с каждым днем неудобств и тягот становилось всё меньше, а завершение работы – всё ближе.

Вскоре остался «не охваченным» всего один район, расположенный буквально в получасе езды от Миссурска. Уже предвкушая конец своему испытанию, я созвонилась со старым знакомым – Ильёй Кац, проживающим в райцентре. Он работал заместителем директора судоремонтного завода, – толковый и вполне надежный человек. Кратко объяснив ему смысл проводимого мною исследования, я попросила помочь.

– Без проблем, – сразу согласился Илья. – У нас, как раз сегодня, уже через час, в Доме культуры встреча кандидата с избирателями. Предлагаю и Вам подъехать туда.

Обрадовавшись такому везению, я весело отозвалась:

– Постараюсь не опоздать!

– Это с Алфеевым встреча. Ничего?! – предупредил Илья.

У меня ёкнуло сердце. Не ожидала, что и в глухой провинции стало известно о моём увольнении из штаба Алфеева! Трусливо подумав о том, что лучше бы не пересекаться с этим кандидатом, я тут же твердо сказала себе: отодвигать из-за него свои дела больше не стану!

– Ильяш, – я постаралась быть убедительной, в том, что не поняла намёка, – не беспокойся! Моя теперешняя работа не публична, она никак не влияет и не может повлиять ни на чью кампанию. Всё в порядке! Встретимся прямо в зале вашего ДК, хорошо?!

Мы с Ильёй, вряд ли будем замечены в толпе, – успокаивала я себя по дороге, – уверенная в том, что на встречу соберётся много народу, так как Алфеев – лидер предвыборной гонки.

Добравшись до городка, я не сразу отыскала Дом культуры, поэтому вошла в зал минут за пять до начала встречи с кандидатом.

Большое помещение актового зала оказалось полупустым, – на встречу пришло всего человек сорок. В дальнем углу темного, довольно мрачного, совершенно не подготовленного к мероприятию помещения, я сразу увидела Алфеева. Он был явно не в духе. Скользя по мне безразличным взглядом, он кивнул так, как здороваются с незнакомыми людьми. Я кивнула в ответ, и подумала: мне то что?! Пусть он переживает из-за низкой явки!

Илья ждал меня, пристроившись недалеко от входа.

– Привет! – поздоровалась я и села рядом с ним.

– Рад встрече! – негромко отозвался он, – Алфеев уже здесь!

– Я вижу! Хорошо, что здесь! Значит, встреча начнётся без задержки!

Безразличие Алфеева задело меня, и, чтобы не видеть его, я повернулась к Илье.

– Что-то здесь темновато, – тихо сказала я, – прохладно, да и людей мало!

– Сам не ожидал! – шёпотом сказал Илья. – А Вы знаете, что руководство нашего района уже неделю, как работает против Алфеева?!

– Понимаешь, Илья, для нас с тобой это сейчас не важно! Необходимо просто фиксировать ряд показателей, отражающих ход агитационной кампании всех кандидатов.

Развернув приготовленную заранее таблицу, я стала показывать Илье, что и куда необходимо вписывать.

Через пару минут я почувствовала, что кто-то сел на свободное кресло рядом со мной. Невольно обернувшись, чтобы взглянуть на соседа, я увидела – это Алфеев. Мгновенно сложив таблицу, я передала её Илье.

Стараясь устроиться поудобнее в тесном для него деревянном кресле, Алфеев повернулся и наклонился в мою сторону так, что наши плечи соприкоснулись. Я внутренне возмутилась: он опять бесцеремонно нарушает мое личное пространство! – однако, не отодвинулась, опасаясь выдать свое неравнодушие к нему.

– Как дела? – с легкой хрипотцой в голосе, выдающей волнение, спросил Алфеев.

Полуобернувшись, я надменно взглянула на него.

– Спасибо, всё нормально! – вежливо ответила я, и вновь отвернулась.

Что из того, – пронеслось в моей голове, – что он сел рядом и невзначай соприкоснулся с моим плечом?! Если это – Алфеев, то ровным счётом ничего! Сейчас уже ничто не может изменить моего отношения к нему! Он исключён из числа тех, с кем я хочу и могу иметь дело!

Алфеев, не ожидавший такой враждебности с моей стороны, видимо, не знал, как выйти из положения. Опустив голову, он молчал. То, что он не уходил, придавало мне уверенности. Повернув голову, я окинула Алфеева откровенно оценивающим взглядом, и вновь отвернулась. Подошёл, сам не зная зачем! – думала я. – До чего же бестолковый и импульсивный человек!

Алфеев продолжал сидеть, понутив голову, и, вопреки обыкновению, не двигался. Прислушиваясь к нему, я невольно затаила дыхание и замерла. И тут вдруг во мне возникло сладостное, пьянящее ощущение близости крепкого мужского тела.

Очарование момента разрушил неожиданно громкий голос ведущего, пригласившего кандидата к микрофону.

– Извините, – Алфеев обратился ко мне так, словно вынужден был прервать общение со мной, – надо идти!

Я кивнула головой. В то же мгновение, как Алфеев встал с кресла, исчезла иллюзия близости с ним. Он ушел к микрофону, стоявшему в середине зала, а мы с Ильёй вернулись к инструктажу по заполнению таблиц.

По итогам встречи «наблюдателю» необходимо было сделать отметку о том, как сами избиратели оценивают её. Илью смущало то, что, судя по прозвучавшим вопросам, на встрече собрались исключительно представители соперников Алфеева.

– Они тоже избиратели, – поясняла я, – хотя и заведомо настроенные против Алфеева. Других нет, придется работать с этими.

Потихоньку, чтобы не мешать остальным присутствовавшим, я стала задавать контрольные вопросы своим соседям. Оказалось, что люди были вполне удовлетворены и встречей, и самим кандидатом. Их подкупили серьезность и уважительное обращение Алфеева. Правда, они отметили, что кандидат Кротов «выступает ярче».

Все это не касается меня лично, – говорила я себе, пытаюсь эмоционально дистанцироваться от происходящего. Всё же, известные мне разрозненные факты, которые прежде действительно воспринимались как индифферентные, теперь начали тревожить.

На прошлой неделе Васильев, надеясь обрадовать меня, рассказал, что Алфеев уволил Жарова, а так же ещё нескольких сотрудников, в том числе и пресловутого Шубина. Тогда я отмахнулась: мол, не мое дело, и мне не интересно! Но сейчас, когда я увидела, что на встречу с избирателями Алфеев приехал один, и даже его доверенных лиц в зале не было, я забеспокоилась. С командой Алфеева, очевидно, происходит что-то неладное. Вряд ли он сам, по собственной воле, внес такую дезорганизацию в работу штаба. Что же случилось?! Получается, что он подошел ко мне в надежде на помощь?! Может, он считает меня агентом Сухаренко?! Я усмехнулась и с горечью подумала, что впредь надо держаться подальше от Алфеева, – он бездумно разрушил возможность нашего сотрудничества, походя, легко обижал и оскорблял меня, – это опасный для меня человек!

Как только ведущий, поблагодарив собравшихся, объявил о завершении встречи, я встала и, поторопив Илью, направилась к выходу из зала. Надо было поскорее оказаться вне этих стен, чтобы не дать Алфееву оснований полагать, что наша встреча не случайна, да и самой избежать соблазна проявить участие к нему.

Но Алфеев, опередив меня, встал в дверях, перекрыв собой выход из зала. Я растерялась. Некоторое время мы оба молча стояли друг напротив друга. Не понимая, чего он хочет, я начала сердиться на себя. Намереваясь прекратить эту нелепую игру в молчанку, я дерзко взглянула в лицо Алфеева, но тут же стушеввалась: его большие печальные глаза с мольбой смотрели на меня.

Тем временем вокруг нас стали собираться люди. Некоторые даже попытались задавать Алфееву вопросы, связанные с выборами. Но он молчал, и взгляд его был прикован к моему лицу. Чувствуя, что неловкая ситуация вот-вот превратится в пикантную, чего нельзя было допустить, я выдавила из себя дежурную фразу:

– Все будет хорошо!

Властным движением руки я потребовала от Алфеева подвинуться и освободить проход. На его лице появились обида и разочарование. Он отступил в сторону, и я поспешно вышла из зала. Быстро спустившись по лестнице, я практически выбежала из Дворца культуры.

Оказавшись на незнакомой улице, осмотрелась. Ильи не было видно. А ведь надо было договориться с ним о том, как будем держать связь! Похоже, поведение Алфеева настолько смутило его, что он решил удалиться «от греха подальше». Значит, и звонить ему сейчас не стоит.

Надо было возвращаться в Миссурск. Оглядевшись, я попыталась сориентироваться, где именно в спешке оставила свою машину. Вариантов не было: к старому обшарпанному зданию Дворца культуры, расположенному на самой окраине райцентра, вела всего одна, петляющая между небольшими частными домами, узкая, очень крутая и безлюдная улочка.

Судя по остаткам влаги на камнях, только что прошел небольшой дождь, и улочка выглядела по-особому чисто. Глубоко вдохнув свежий воздух, и, прикрыв от наслаждения глаза, я с удовольствием потянулась. Какой чудесный, теплый вечер! – подумала я. – Хорошо, что встреча с Алфеевым закончилась быстро и ещё не стемнело! Хорошо, что Илья куда-то подевался!

Спускаясь по дороге и приюхиваясь к легкому аромату сирени, я пыталась отгадать, откуда, из какого двора, доносится это благоухание. Легкий ветерок приносил его со всех сторон. Какая благодать, этот прозрачный вечерний воздух, эта нежная зеленая поросль вдоль дороги!

На особенно крутом месте спуска, я приостановилась, опершись рукой о шершавый ствол огромного тополя. В его приствольном круге, чьи-то добрые руки высадили анютины глазки и маргаритки. Умилившись этому, я подумала, что, пожалуй, впервые за последние полгода чувствую в себе такое радостное упоение жизнью. На душе у меня было легко. Я наслаждалась идиллией этого тёплого вечера.

Однако, причина радости, которую испытывала моя душа, сначала не отдавая себе отчёта, крылась совсем не в природе. Постепенно я начала осознавать, что ликую от того, что там, у выхода из зала, Алфеев молча просил меня о прощении и помощи. Поэтому вся прелесть этого места запечатлется в моей памяти только благодаря возбуждению, которым я обязана недавней встрече с Алфеевым и близкой радости возвращения к нему.

И что это я так ожесточилась по отношению к нему?! – думала я. – Ещё не известно, как я вела бы себя, окажись в его возрасте в столь сложной и рискованной ситуации! Продолжая размышлять в этом духе, я всё более склонялась к тому, что Алфеева надо хотя бы предупредить о предательстве его партнеров. Мне казалось, что в этот раз, если приду, Алфеев не только примет меня, но мы сможем, наконец, откровенно обсудить сложившуюся предвыборную ситуацию и выработать меры противодействия триумvirату, действующему против него.

*Миссурск, 5 июня*

Чтобы не выдать своего нетерпения, я решила немного выждать. Но сегодня, еле дождавшись обеда, позвонила Алфееву и попросила о встрече.

– Приходите завтра в штаб. С утра пораньше, – предложил он.

– Хорошо, – согласилась я на отсрочку, так как мне тоже нужно было время для выполнения своей работы.

*Миссурск, 6 июня*

Раннее утро было по-летнему светлым, но ещё прохладным. В приподнятом настроении, предчувствуя удачное разрешение кризиса в отношениях с Алфеевым, я шла на встречу с ним, беспечно напевая про себя весёлый опереточный мотив. С любопытством поглядывая по сторонам, я с интересом рассматривала старинные купеческие дома, словно вросшие в землю.

В переулке, где расположен Штаб, я свернула за угол и увидела во дворе Алфеева. Стоя недалеко от крыльца, он что-то живо обсуждал с Жаровым. Сердце моё сжалось. Я замедлила шаг, но по инерции продолжала двигаться по намеченному маршруту.

У меня на глазах мужчины, завершив разговор, обнялись. В этот момент Алфеев, стоявшей ко мне лицом, заметил меня. Он что-то шепнул Жарову и тот, не поворачиваясь ко мне, поспешно удалился со двора через другой, дальний выход.

То, что между этими людьми сохранились близкие, дружественные взаимоотношения, мгновенно избавило меня от иллюзорных надежд на возможное сотрудничество с Алфеевым. Моё настроение и намерения резко переменялись.

Расставшись с приятелем, Алфеев двинулся навстречу мне. Ещё издали он громко приветствовал меня и пригласил пройти к нему в кабинет. Подойдя, он поцеловал меня в щёку. Нарочитая, чрезмерная галантность выдавала его смущение от того, что я случайно «уличила» его в связи, которую он хотел бы скрыть. Я молча проследовала за Алфеевым.

Проходя мимо своей секретарши, он распорядился принести в кабинет два кофе: один – с сахаром, другой – без. Пропустив меня вперёд, плотно притворил за собой дверь кабинета.

– Видите, Джули Борисовна, – с игривой улыбкой сказал Алфеев, – я помню о Вашей привычке пить кофе без сахара! Присаживайтесь!

Лицо его выражало оживление и предупредительность.

– Евгений Алексеевич, право не стоило! – притворная любезность Алфеева раздражала меня.

Вынув из своей сумочки конверт, я положила его на рабочий стол Алфеева и осталась стоять.

– Это записка о Вашей позавчерашней встрече с избирателями. Там есть предложения. Посмотрите на досуге.

Заметив растерянность в глазах Алфеева, я тут же устыдилась того, что поддалась эмоциям.

– Но дело не в этом, – продолжила я. – Евгений Алексеевич, не знаю Ваших планов на сегодня, поэтому сейчас прошу только определиться по времени, когда Вы сможете переговорить со мной. У меня есть важная информация для Вас.

– Скажите, Джули Борисовна, – Алфеев испытующе посмотрел на меня, – Вы будете работать со мной?

Не понимая, что кроется за предложением, сделанным в столь странной форме, я молчала.

– Внесистемным аналитиком, – покраснев, уточнил Алфеев. – В штаб я Вас взять не могу, потому что только отладил работу после увольнения Жарова.

– Нет, Евгений Алексеевич, – твердо ответила я. – У меня уже есть другая работа, – я занята.

– Тогда и я не буду ни о чём разговаривать с Вами! – Алфеев строго взглянул на меня потемневшими вдруг глазами.

– Это не серьезно! – мой голос дрогнул от обиды. – У меня действительно важная для Вас информация. Нам нужен всего час.

– А у меня нет времени! – Алфеев дурашливо улыбнулся. – Сейчас вот будет фотосессия. Потом надо ехать к Сорокину. А вечером готовиться к поездке в районы, – я завтра в 5 утра уезжаю! И вообще, я после Вас два часа отходить должен!

Почему отходить? – не поняла я. – Какой-то вздор! Это что, его очередной приём для того, чтобы заинтриговать?!

В этот момент вошла секретарь, поставила на стол две чашки кофе, и тут же вышла.

– Не горячитесь, Евгений Алексеевич! – как можно спокойнее сказала я. – Пока Вы будете на своей фотосессии, я в общей комнате попою кофейку и подожду Вас.

Алфеев тут же покинул свой кабинет, а я, прихватив с собой предназначенную мне чашку кофе, отправилась в общую комнату, где в это время никого не было.

Сидеть в одиночестве, размышляя о том, стоит ли вообще здесь находиться, было невыносимо для меня. Я уже решила уйти из Штаба, не дожидаясь возвращения Алфеева, как в комнату вошла Светлана Харитонова.

– Джули, какими судьбами?! – радостно воскликнула она, но в лице её мелькнула досада.

– Да вот, захала кое-что передать Алфееву, а он и разговаривать не хочет!

Мне было известно, что в последнее время Светлана мелькает на телевизионных экранах чуть ли не чаще самого Алфеева, и это свидетельствовало об их особых отношениях.

– А ты знаешь, что Жарова уволили? – спросила Светлана, обнимая меня за плечи и целуя в щеку.

– Да, в курсе! – отмахнулась я. – Но я здесь по другому вопросу. Дней десять назад я была в Москве и узнала сведения, которые помогут Алфееву выиграть. Но сообщить их могу только лично ему!

– Знаешь, когда тебя уволили, мы с Алфеевым, буквально через день, поехали в мой округ. И я ему по дороге говорю: «Евгений Алексеевич, нам Джули не хватает!» «Мне тоже не хватает», – ответил он. «Тогда, давайте, вернём её», предложила я. И знаешь, что он ответил? «Нет, – говорит, – не вернем. Она меня грузит!»

– Ой, Свет! – я с безнадежностью махнула рукой. – Не знаю, что он имеет в виду под «грузит», но это – пустая отговорка! Пойду – ка я покурю!

Выйдя на лестничную клетку, я закурила и тут же увидела Алфеева, поднимающегося наверх. Заметив меня, он повернулся к шедшему за ним мужчине средних лет.

– Вот, Джули Борисовна считает, – громко сказал Алфеев, – что на фотографиях я выгляжу грустным.

Я так не считала, и никогда ничего подобного не говорила Алфееву.

– Правда?! – теперь уже Алфеев обращался ко мне. – А я бываю веселым только когда вижу красивых молодых женщин! Правда?! Поэтому, на съёмках обязательно должны присутствовать весёлые молодые женщины! – в экзальтации продолжал говорить он. – Джули Борисовна, так Вы будете со мной работать?!

Ты не ведаешь, что творишь! – подумала я и скривила губы в ироничной улыбке. – Тебе нужны весёлые и молодые женщины?! Неужели непонятно, что состязаться с ними, – ниже моего достоинства?!

– Я хотела бы с Вами переговорить, – сдержанно сказала я. – Если нет времени сегодня, можно завтра, по дороге в район.

– Нет! У меня в машине уже есть пассажиры, – сказал Алфеев и, сопровождаемый фотографом, прошёл мимо меня в свой кабинет.

Избавившись от секундного оцепенения, я двинулась к выходу из штаба, но, заметив на одной из дверей табличку «Лыков Артем» остановилась. Не раздумывая, постучала в дверь и вошла в кабинет.

Сидевший за столом молодой человек, не отрывая головы от бумаг, с которыми работал, спросил:

– Чем могу быть полезен?!

– Артем, мне надо переговорить с Евгением Алексеевичем в конфиденциальных условиях. Здесь нельзя. Здесь у Вас кругом прослушка, – я это точно знаю. А он не соглашается, ссылаясь на то, что у него нет времени.

– Я здесь ничем помочь не могу!

В интонации молодого человека сквозила отчужденность, даже враждебность.

– Завтра он едет в район, – терпеливо продолжила я, – говорит, с ним уже кто-то едет в машине.

– Да, Светлана Харитоновна.

– А я могу поехать в своей машине. Разговор, собственно, короткий. Мне нужен всего час.

– Джули Борисовна – нет! – Артём поднял глаза от бумаг и прямо посмотрел на меня. – Договаривайтесь с самим Алфеевым.

– Жаль! – с сожалением произнесла я и медленно вышла из кабинета, аккуратно притворив за собой дверь.

И Артём не хочет помочь! – с обидой думала я, чувствуя, что в глазах закипают слёзы. – Значит, для них моя цена ниже, чем у «услужливой» Харитоновой! Но, – скомандовала я себе, – никаких слёз!

Овладев собой, я вернулась в общую комнату.

– А где у Вас «системный аналитик» сидит? – спросила я у Светланы. – Хочется посмотреть, с кем теперь Алфеев советуется.

– Ну не с ним уж, точно! Он только мониторингом СМИ занимается.

– Все равно! Схожу к нему, возьму чистой бумаги.

Светлана проводила меня и даже представила «аналитику». Им оказался пожилой, худощавый, с виду желчный мужчина. Взяв у него немного чистой бумаги, мы вернулись в общую комнату, и Харитоновна сразу ушла по своим делам.

Меня же буквально колотило от негодования и ощущения собственного бессилия. Устроившись у окна, я начала строчить записку Алфееву. Написав, что «играюсь», и не желая переговорить со мной, он упускает свой шанс, я задумалась. «Вы делаете роковую ошибку», – хотела написать я, но это было бы слишком уж пафосно, и неубедительно. «Вы проиграет в первом туре около 3%. – написала я. – Встретимся осенью в Госдуме».

Выпустив таким образом пар, я несколько успокоилась. В записке не было никакого прока, – она не могла изменить ситуации. Сейчас не время для демонстрации обид! – решила я. – Надо попробовать ещё раз достучаться до Алфеева.

В ожидании его возвращения, я пошла к «аналитику». В его комнате не было ничего кроме рабочего стола, пары стульев и ксерокса.

– А почему у Вас так пусто? – спросила я скучающего старичка.

– Алфеев все необходимое делает и получает в другом штабе, – ответил «аналитик».

– Это как?! – не поняла я.

– Сухаренко, объединил Центральные штабы Алфеева и губернатора Смирнова. Формально штабы вроде разные, а работают в них теперь одни и те же люди.

Получается, – ужаснулась я, – что Алфеев уже не контролирует собственную избирательную кампанию. Всё в руках Сухаренко, который работает на Смирнова! Алфееву, видимо, сказали, что «поставим на того, чьи шансы на победу будут выше». Он ещё не знает, что обречён на поражение!

Не успела я осмыслить эту новую для меня информацию, как дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Алфеев.

– Вы надумали работать со мной? – с неуместным кокетством спросил он.

Строго и печально взглянув на него, я подошла к двери, и со словами:

– Жаль, Евгений Алексеевич! – протянула ему свою записку.

Он молча взял протянутый конверт.

Я вернулась за своей сумкой, оставшейся висеть на стуле.

– На улице снова дождь?! – на ходу спросила я у Алфеева. – Я зонт в машине оставила.

Ответа не последовало. Обернувшись, я увидела, что Алфеева уже нет и дверь закрыта.

На улице действительно шел мелкий, но плотный дождь. Я остановилась на крыльце под козырьком. Достала из сумочки сотовый, чтобы вызвать машину, и в этот момент получила звонок. Ирина Баширова просила меня о встрече. Очень кстати, – подумала я, – эта встреча отвлечёт меня от ненужных переживаний и тягостных раздумий.

Через 15 минут я уже ждала супругу Баширова в ближайшем кафе.

– Рада тебя видеть! – войдя, поздоровалась со мной Ирина.

– Жаль только, что в таком месте пришлось встречаться! – я смущенно улыбнулась, указав взглядом на неприглядный вид за окном. – Вокруг не старый города, а какое-то старье: развалюхи, хлам, помойки, убогие забегаловки!

– Да мне, Джули, все равно где! – Ирина взглянула на меня большими печальными глазами. – Помнишь, ты заезжала к нам в январе?!

– Разумеется! Спасибо за гостеприимство! Присаживайся, я уже заказала кофе и пирожные.

– Так вот, – Ирина продолжала говорить, усаживаясь напротив меня, – тогда Алексей, не знаю уж почему, постеснялся сказать тебе, что он страшно болен.

От волнения на щеках Ирины выступили неровные красные пятна.

– Я знаю, у него несвертываемость крови.

– Все хуже! – на глаза Ирины набежали слезы. – Он умирает!

– Да что случилось?! Ты не плачь, а постарайся спокойно объяснить, в чём дело. Надо обсудить проблему, – ты ведь для этого пришла?!

– Да, конечно! – Ирина взяла себя в руки. – У него в прошлом году появилась молодая любовница – его секретарша. А она была больна гепатитом. Когда это выяснилось, Алексей отправил её в Германию. Она там вылечилась, и вернулась. Он ей квартиру купил и подарил. Говорит, что не кому «о бедной девушке позаботиться».

Невольные слёзы покатались по тугим щекам Ирины.

– Давай всё-таки спокойнее! Я пока не понимаю.

– Алексей, – всхлипнула Ирина, – он же заразился от неё гепатитом! Я всю жизнь берегла его от травм, от гастрита, – всего, что может вызвать кровотечение, а беда, видишь, пришла с другой стороны!

Ирина шмыгала носом, забыв о том, что сжимает в кулаке бумажный платочек.

– Почему же и Алексея нельзя отвезти в Германию на лечение? – осторожно спросила я.

– Оказалось, что все лекарства, используемые для лечения гепатита, «разжижают кровь», если говорить по-простому. И вот он сейчас лежит, весь в гематомах...

– Что, его вообще не лечат?! – испугалась я.

– Поддерживающая терапия. И эта поддерживающая терапия стоит безумных денег. Хорошо, что хоть областной бюджет поддержал нас.

– А я чем могу помочь?! – искренне недоумеваю, спросила я, и вконец расстроилась.

– Алексей сказал, что если кто и может, то только ты.

Онемев от удивления, я настороженно, с подозрением смотрела на Ирину. Разумеется, ей известно, что у меня ничего нет: ни власти, ни статуса, ни денег.

– Понимаешь, – принялась объяснять Ирина, – в некоторых лабораториях в стадии разработки находятся новые медицинские препараты от гепатита. Механизм их действия какой-то другой и они не провоцируют кровотечения. Они могут излечить Лёшу. Но они ещё не апробированы на людях, и, естественно, не запущены в производство. Мы готовы испытать эти препараты на себе.

– Ты на Лёше? – с укором спросила я, и тут же устыдилась, сообразив, что Ирина не отделяет себя от Алексея.

В этот момент случившееся с Башировыми по-настоящему ужаснуло меня. Какое несчастье! Боже милостивый! – думала я, сердцем чувствуя, что происходит с Ириной, на глазах которой угасает единственный на свете любимый человек. – Как жестоко и несправедливо!

– Джули, зайди завтра к Леше! – попросила Ирина. – Только не говори, что я тебя пригласила. Просто так зайди. Думаю, теперь он сам тебе всё расскажет и объяснит. Не сомневайся! Он боец. Он хочет жить! Он готов рисковать ради жизни!

Не в силах поднять глаза, я непроизвольно провела по пустому столу рукой, словно сбрасывая с него всё лишнее, и освобождая пространство. Многие годы я пользовалась покровительством Баширова, что в нынешнем мире было неоценимым преимуществом. Конечно, я сделаю всё возможное, чтобы раздобыть для него лекарство, – пообещала я самой себе, пока ещё не представляя, что и как надо сделать.

– Сколько ему врачи дают в нынешней ситуации? – спросила я.

– Не больше года.

– Конечно, зайду! Буквально через неделю я завершу здесь работу и вернусь в Москву. Обязательно зайду попрощаться перед отъездом.

– Жду! – Ирина с преданностью и робкой надеждой смотрела на меня, и вдруг спохватилась. – А у тебя как дела?

– Всё нормально! Завершаю небольшое исследование по выборам. А если ты про Алфеева, так я не смогла с ним сработаться. Настоящий полудурок!

– Когда ты ушла, я вспомнила, что заочно была знакома с тобой, потому что ты работала с Юрием и подумала, что ты вернулась в Миссурск. Но Алексей сказал, что ты привезла сюда сына, чтобы подтянуть в учёбе и подготовить к институту, а к нам зашла посоветоваться стоит ли тебе участвовать в выборах на стороне Алфеева. Мне сразу эта идея не понравилась, ведь Алфеев – мерзавец. Зачем на него работать, зачем ему помогать?!

– И что сказал Алексей?

– Он сказал, что ты не нуждаешься в советах и пришла, потому что ищешь связи. Сказал, что если ты решила работать с Алфеевым, он поможет. И добавил, что в этой жизни всё меняется! И если уж смысловое значение многих иероглифов зависит от того, какие иероглифы рядом с ними, то значение человека, тем более зависит от того, кто его окружает. Он имел в виду, что хорошо, если рядом с Алфеевым будет такой человек, как ты. У Алфеева есть потенциал роста, – сказал он, – а риск есть всегда. Если бы люди и обстоятельства не менялись, сказал он, то и риска не было бы!

– Получается, – наконец, сообразила я, – что ещё тогда Алексей хотел попросить меня о лекарствах?!

– Да! Но не попросил. Сказал, чтобы я не беспокоилась, что ещё будет время для этого. Но ты больше не пришла.

– Задёргалась. Не складывались отношения с Алфеевым. Извини...

– Думаешь, станет губернатором?!

– Нет! Вернее, не в этот раз! Я вне игры. Буду искать работу в Москве.

*Москва, 9 июля*

Вернувшись в Москву, я часто думала о том, почему Алфеев обошелся со мной именно так, но, ничего нового не выявив, приняла решение ничего не предпринимать. По мере того как я приводила в порядок и обрабатывала привезённые из региона материалы по выборам, в глубине души у меня что-то умерялось и укладывалось.

Понятно, что теперь, когда я вернулась в Москву, мне проще всего внутренне отказаться от намерения когда-либо наладить сотрудничество с Алфеевым, возложив на него ответственность за случившееся. В таком случае близкие поняли бы и поддержали меня, ведь теперь они

уже знали, что Алфеев – весьма неоднозначный человек. Но именно поэтому, – думала я, – с моей стороны наивно было рассчитывать, что дверь к сотрудничеству с ним раскроется с первого толчка. Надо запастись терпением.

Мне удалось быстро подготовить аналитическую записку. Полистав её, Матвей, в последнее время тревожившийся за моё психологическое состояние, не стал ни о чём спрашивать. Он, наверное, понимал, что я не скажу больше того, что сочла нужным сообщить сразу по возвращении из региона.

Зато Аня проявила прямо-таки жадный интерес к моим взаимоотношениям с Алфеевым. Но я не хотела ни с кем обсуждать их и упорно уходила от ответов на все вопросы, отговариваясь тем, что Алфеев – эгоцентрист и полудурок, неспособный к сотрудничеству.

Завершив работу над аналитической запиской, я не нашла, чем ещё занять себя. Делая самые обычные, будничные вещи, я всё больше погружалась в какую-то странную рассеянную тоску.

Доброе расположение духа не вернулось ко мне, даже когда в конце июня я получила роскошное приглашение от миллиардера Бернда Хеаскааре провести на яхте неделю отдыха в компании с ним и его супругой.

С этим финским бизнесменом я познакомилась лет пять назад, когда по просьбе Купатова помогла ему подобрать в Кайногорске площадку под новый завод. Я оказала эту услугу за совсем небольшие деньги, хотя понимала, что поступаю не правильно, но как сделать «правильно», не знала. С тех пор Хеаскааре два раза в год – на рождество и пасху, присылал мне поздравительные открытки. Ну а теперь вот удостоил чести пригласить «к себе в гости». Я не знала, что ответить на это приглашение.

Когда затягивание с ответом стало уже неприличным, Матвей прямо спросил:

– Ну, что ты решила?

– Хорошо! – сказала я и неопределенно повела бровями. – Конечно, здорово! И море, и яхта, – все хорошо! Только не вовремя. Я так устала от неопределенности и невостребованности! Мне сейчас надо сосредоточиться. Понимаешь, я не знаю, как дальше строить свою жизнь!

– Вот отдохнешь, и решения придут сами собой! А, может, это как раз случай для обновления деловых отношений с Хеаскааре?! Он ведь, наверное, на что-то рассчитывает, раз пригласил к себе?!

– Ты вообще понимаешь, что говоришь?! – я протяжно вздохнула. – Где Хеаскааре, а где я?! Допускаю, что он что-то имеет в виду, что-то хотел бы прояснить. Но я теперь никакой услуги оказать ему не смогу, – ни денег нет, ни необходимых связей.

– Но ведь и раньше не было!

– Ты меня удивляешь! – рассердилась я. – Тогда за мной был брат – депутат Госдумы. А самостоятельных связей у меня нет! К тому же в регионы пришли Полпреды – достраивается вертикаль. Если обратиться к любому влиятельному чиновнику, сразу станет вопрос: а кто за тобой? Вариант «сама за себя» теперь не пройдет. Он даже с Алфеевым не прошёл! А ведь я не только предостерегла его от шагов, ведущих к потере влияния, но ещё и подтолкнула к ходу, позволяющему повышать статус! Он убедился и в моей квалификации и в том, что я заинтересована в его успехе, но ...

Испугавшись выплеска затаённых эмоций, я остановилась и растерянно посмотрела на мужа.

– Не горячись, Джулечка! Алфеев – политик, а Хеаскааре – инвестор, бизнесмен. Это же совершенно другое дело! Визитка Хеаскааре – лучшая протекция.

– Нет! – сердито возразила я. – Как раз с Алфеевым были шансы! Именно им мои навыки и способности могли быть востребованы. А работа с инвесторами – это чистый бизнес! Надо

уметь извлекать прибыль из продвижения инвестора и делиться ею с участниками процесса. Я этого не умею делать и теперь уже не смогу научиться!

– Статуса нет?

– Это понятно, что нет! – с сожалением, но уже спокойнее говорила я. – В таком случае, Матюш, авантюризм выручает. А его во мне не осталось...

– Осталось, осталось! Ты же пыталась встроиться в «вертикаль» к Алфееву!

Матвей всё-таки растормошил меня. Улыбнувшись, я с деланным страданием пропела:

«Но он любви моей не понял, – и напрасно, и напрасно!

Она, как радуга над полем, засветилась и погасла!»!

– Я не настаиваю... – с грустью сказал Матвей.

– Да всё понятно! Ты не настаиваешь, а я и не отказываюсь! И впрямь, когда еще выпадет случай отдохнуть в кампании миллиардера?!

*Балтика, 12 июля*

Мы с Матвеем благополучно добрались до назначенного места на побережье Балтийского моря. У причала там одиноко стояла белоснежная яхта Хеаскааре. При первом взгляде на неё я испытала легкое разочарование: судно оказалось не таким большим, как мне представлялось. Не успели мы толком рассмотреть яхту, как Бернд, заметивший нас с борта, вышел навстречу.

По тому, как Матвей поздоровался с Берндом, а мужчины виделись впервые, я поняла, что хозяин яхты – плотный седовласый мужчина с орлиным взглядом и тонкими губами, с первого взгляда понравился Матвею, впрочем, их симпатия оказалась взаимной.

Через пару минут с яхты на причал спустилась супруга Бернда – Маарет. Окинув нас оценивающим взглядом, эта невысокая, пожилая, сухопарая женщина приветственно кивнула головой, ничего не сказала, и даже не улыбнулась. Мы не поняли: то ли она просто не владеет русским языком, то ли слишком высокомерна.

Зато Бернд источал радушие и гостеприимство. Проведя нас на судно, он сразу стал объяснять:

– Это небольшая яхта, всего 21 метр в длину. В океан на ней нельзя. Это морская прогулочная яхта с флайбриджем.

– С чем, с чем?! – улыбнувшись, переспросила я.

– Так верхнюю открытую палубу называют, с которой тоже можно управлять яхтой. – Бернд по-отцовски ласково посмотрел на меня. – На ней удобно загорать!

Мы с Матвеем как по команде оба вопросительно вскинули брови: одетые по погоде, мы были в брюках и ветровках.

– Её сделали в Италии, – объяснил Бернд. – Там ориентируются на своё тёплое Средиземное море. Но ведь и здесь иногда можно понежиться на солнышке!

Благодушное настроение Бернда передалось нам. Пройдясь по главной палубе, мы с интересом осмотрели её. Кроме ходовой рубки, там размещались ещё две каюты – для хозяев и гостевая, а также уютная столовая и кладовка. Пол в каютах был с подогревом, что очень обрадовало меня. Потом мы поднялись на вторую палубу. Кроме механизма управления, там размещались бар и маленький бассейн. Обведя взглядом великолепный вид на морское побережье, отрывавшийся сверху, Матвей расправил грудь и глубоко, с удовольствием вдохнул свежий воздух.

– А мне здесь больше нравится! – сказал он.

– Кто-бы сомневался! – сказала я, ласково посмотрела на мужа и пояснила супругам Хеаскааре: – Я иногда называю Матвея селезнем за его любовь к душе и воде вообще.

– Здесь я с ним совпадаю! – сказала вдруг на хорошем русском Маарет, и впервые улыбнулась своими тонкими и бледными губами. – А Вы любите рыбалку?! Здесь удобно рыбачить с открытой кормы.

Матвей, к которому обратилась пожилая женщина, слегка растерялся.

– Мы с Джули никогда не рыбачили на море. Да и на речке не часто удавалось.

Наше знакомство с хозяевами продолжилось за завтраком, который длился больше часа, и после которого, наконец, Хеаскааре вывели яхту в море.

Практически сразу, как судно оказалось в открытой воде, у меня началась морская болезнь. Маарет дала таблетку, которая должна была облегчить моё состояние, и сказала, что дня через три болезнь пройдет. Но таблетка не помогала, и мне становилось всё хуже. Матвей с Берндом отвели меня в трюм – самое прохладное и тёмное место на яхте. Матвей подержал фонарь, а Бернд быстро и ловко соорудил для меня постель. Мне было совершенно всё равно из чего эта постель и где. Инстинкт подсказывал: надо поскорее лечь! Как только я приняла горизонтальное положение и закрыла глаза, мучительное подташнивание прекратилось.

– Мне уже легче, – я слабо улыбнулась мужчинам. – Но трое суток – это совсем не мало! Это – почти половина запланированного срока плавания! Идите, не беспокойтесь обо мне! Я попытаюсь уснуть.

– Это правильно, – согласился финн, – станет легче.

Выключив фонарь, Матвей поставил его у изголовья моей постели, и мужчины ушли.

Оставшись одна в полной темноте, я принялась. В трюме приятно пахло кожей и древесиной. Раз нет пыли, – значит, нет и мышей, – решила я и улыбнулась тому, что сейчас меня радует не какая-нибудь глубокая мысль, или что-то значительное, а всего лишь отсутствие мышей.

Чтобы отвлечься от сосредоточенности на собственной слабости, я заставляла себя прислушиваться к равномерному шуму двигателя и ритмичным ударам волн в корму. Вскоре я утратила ощущение времени и погрузилась в полузабытьё, похожее на сон. Неожиданно, словно от толчка, я очнулась: в трюме было совершенно тихо. Похоже, яхта остановилась.

Нащупав фонарь, я включила его, встала с постели, и, цепляясь за перила винтовой лестницы, быстро поднялась на палубу. Всё море и яхта были укрыты плотным туманом. На палубе никого не было. Я заглянула за борт: внизу равномерно шуршали мелкие волны. Не понимая, что происходит, я кинулась в гостевую каюту.

Матвей спокойно лежал в своей кровати и читал какой-то журнал.

– Почему стоим? Где Хеаскааре?

– Потому что туман! – Матвей поднялся навстречу мне. – Хеаскааре – в своей каюте. Чего ты так встревожилась?! Ну, туман! Никто не ожидал, что он так быстро сгустится, поэтому мы продолжали несколько часов плыть от берега, а надо было бы сразу вернуться. Теперь мы уже далеко в море. Бернд решил, что пока просто заглушим двигатель и отдохнём.

На наши голоса из своей каюты вышли и супруги Хеаскааре. Увидев, что я поднялась из трюма, они поспешили осведомиться о моём самочувствии.

Вместо ответа, я требовательно обратилась к Бернду:

– Что дальше делать?

– Это неожиданная для меня ситуация, – извиняющимся тоном отвечал финн. – По прогнозу тумана не было. Я не знаю, сколько он продержится. Но мы можем пока постоять здесь.

– И чем заниматься?!

– В карты играть, – предложила Маарет.

– Почему бы нам не вернуться на берег? – предложила я и просительно посмотрела на Бернда. – Я по-прежнему плохо чувствую себя.

Слукавив, ведь мне уже стало легче, я не испытывала ни малейших угрызений совести. Мне страстно хотелось одного: вернуться в Москву, чтобы поскорее узнать, что происходит на выборах в Миссурске. Только здесь, оказавшись в информационном вакууме, я поняла, что неосознанно опасаясь именно этого, сопротивлялась поездке на море.

– Мы не можем, – сказал Бернд с сочувствием, – видимость нулевая и большой риск повредить яхту.

Весь день, уже не скрывая своего плохого настроения, я продолжала настаивать на прекращении плавания. Маарет чувствовала, что дело не в морской болезни, и молча, но с осуждением, даже враждебно, поглядывала на меня.

Ближе к вечеру мужчины, отойдя в сторонку, подальше от нас, посоветовались и решили искать остров, который по данным Бернда, должен был находиться совсем рядом. Они спустили на воду шлюпку, и пошли на веслах чуть правее курса, по которому двигалась яхта. Не прошло и часа, как они вернулись с радостным известием, что суша найдена.

Теперь уже на двух шлюпках Бернд с Матвеем перевезли на остров и меня, и необходимое нам имущество. Мужчины разбили палатку, и Бернд вернулся на яхту, где они с Маарет привыкли ночевать.

### *Балтика, 15 июля*

Туман не рассеивался два дня. Изучая остров, мы с Матвеем обнаружили на нем трёх молодых финнов, которые тоже вынужденно высадились и вытянули на берег свои спортивные катамараны. К счастью, старший из них, которого звали Батист, хорошо владел русским языком. От него я узнала, что на следующий день эти молодые люди должны обязательно прибыть на свою базу на берегу моря, так как туда приедут машины, чтобы отвезти их катамараны в Хельсинки.

Утром, когда Бернд привез с яхты очередную порцию продуктов, я, принимая их, как бы между делом, спросила:

– Господин Бернд, Вы упрямый человек?

– Нет! Не упрямый, – охотно отозвался он. – Но я терпеливый и настойчивый. В бизнесе это важнее. Правда, госпожа Джули?!

– И вам хватит терпения переждать этот туман?

Догадавшись, к чему я клоню, финн улыбнулся.

– Конечно, – пророкотал он. – Больше месяца туман не продержится!

Я замолчала. Стало понятно, что мне придётся самой договориться со спортсменами, чтобы они отвезли нас с Матвеем на берег.

После завтрака, прихватив с собой грязную посуду, я не спеша отправилась в сторону лагеря финнов-спортсменов. Дождалась момента, когда Батист тоже пойдет мыть посуду, и нагнала его по пути к морю.

Выслушав мою просьбу, Батист не спешил отвечать. Мы молча пришли к воде, и молча вымыли каждый свою посуду. Потом оба присели на огромном валуне, и только тогда Батист спросил:

–

Джули, почему Вы так спешите вернуться на берег?

Потому, что как раз сегодня выборы в Миссурске! – чуть не вырвалось у меня.

– Сама не знаю! – ответила я поникшим голосом. – Я имела глупость рассчитывать на романтическое путешествие на яхте, а получилась банальная бивуачная жизнь. Вон, Маарет и её коту Цезарю она нравится, а мне – нет.

– Туман скоро рассеется, и можно будет плыть. Будете ловить крупную рыбу. На море станет очень красиво!

– Вы уверены?! – я повернула лицо к Батисту. – Хеаскааре сказал, что туман может держаться целый месяц!

– Конечно, Бернд пошутил.

– Просто я устала ждать! Знаете, всю весну я бездельничала и чего-то ждала. А время текло так мучительно медленно! И сейчас снова приходится ждать. А терпения больше нет! Может, туман и пройдет, но мне, – что на острове, что на яхте – одинаково скучно и даже тоскливо.

– Понимаю, каждый день похож на другой!

– Да! Получается, что томлюсь от избытка сил и времени!

– Не сердитесь, Джули, а Вы, случаем, не влюблены?

В глазах Батиста заплясали веселые искорки. Отведя взгляд, я посмотрела на стакан, который держала в руке.

–

Конечно, влюблена! – улыбнулась я и дерзко плеснула оставшиеся в стакане капли воды в лицо Батиста. – В Вас! Вы – моя надежда на спасение!

Батист постарался увернуться, но брызги всё равно попали ему в лицо.

–

Хорошо, собирайтесь! – сквозь смех сказал финн. – Только договоритесь с Хеаскааре и возьмите у него спасательные жилеты.

Обрадовавшись, я чмокнула Батиста в небритую щетину на его щеке и, прихватив вымытую посуду, поспешила к своей палатке.

Матвей спокойно, словно ничего другого и не ожидал, отнесся к моей затее вернуться на берег со спортсменами, и даже взял на себя труд переговорить об этом с Хеаскааре. Как только согласие всех сторон было получено, я принялась собирать вещи. Вскоре мы с Матвеем уже упаковали свои сумки, но не решились снимать палатку, потому что палатки спортсменов всё ещё стояли на своем месте. Финны только тент для костра убрали. Я снова отправилась в их лагерь.

–

Мы что, не поплывем? – спросила я Батиста, указа глазами на их палатки.

–

Ветра нет.

-

И что это значит? – я с тревогой посмотрела в светлые глаза крепкого финского парня.

–

Будем ждать, – невозмутимо отозвался он.

–

Сколько?

–

Часов до трех. Если ветра так и не будет, то пойдем на веслах.

–

Это как?

–

Давай, покажу.

Оставив его товарищей сидеть на бревне у костра, мы с Батистом спустились к берегу.

Никогда раньше я не видела катамаранов и толком не представляла, что это такое. Выяснилось, что спортивный катамаран – это просто алюминиевая рама, закрепленная на двух длинных надувных резиновых поплавках, с мачтой и парусом посередине. По обеим сторонам мачты на раме были натянуты брезентовые полотнища, которые находились в 10 сантиметрах от поверхности воды. Понятно, что при движении катамарана, их неизбежно заливает вода. Сзади на раме был закреплен рычаг руля.

–

Простая до примитивности конструкция! – удивилась я. – Где же здесь сидеть?

–

На раме, – суровый Батист даже не взглянул на меня.

Опасаясь показаться совершенно глупой, я всё же спросила:

– А как мы разместим багаж?

– Да к мачте привяжем!

Я подошла к Батисту, стоявшему у кромки воды, и тоже стала вглядываться вдаль. Холодный молочно-белый туман обступал остров со всех сторон. Всматриваясь в его пустоту, я почувствовала, что начинаю растворяться в ней. Необычное ощущение лёгкости возникло у меня в голове и во всём теле. Чтобы вернуться к реальности, я перевела взгляд на мелкие волны у своих ног. Верховая рябь параллельными рядами накатывалась на прибрежные валуны, разбивалась о них, и откатывалась, обнажая блестящую от воды прибрежную гальку. Так было всегда и будет всегда, – с какой-то неизбывной тоской подумала я, – бесцельно и бесконечно.

И вдруг услышала неожиданно тёплый, низкий голос Батиста:

– И в кого же Вы все-таки влюблены? Расскажите, может, грусть пройдет?!

– Почему сразу влюблена?! Просто я перебираю в памяти события последнего времени.

Сказав это, я осознала, что мои думы об Алфееве неотступны и куда более осязаемым, чем простые размышления и воспоминания; его образ поглощает все мои мысли.

– Скажите, Батист, а разве между мужчиной и женщиной не может быть отношений вне любви, или ещё прямее, вне постели?!

– Могут, конечно.

– Прозорливые люди, – сказала я, – давно заметили, что за выдающимся мужчиной всегда стоит женщина. Для политиков это справедливо ещё в большей степени!

– А он политик?

– Претендует. Он депутат Госдумы. Из бизнесменов. Да не смотрите на меня так! Дело не в том, что он или я «выдающиеся». А дело в «единстве и борьбе противоположностей», как классики учили.

– Философы?

Я согласно кивнула.

– Да, в самой основе природы заложена парность, – сказал Батист, – я имею в виду симметрию микрочастиц. И ДНК парная! Биологическая эволюция после бесполого размножения тоже сделала ставку на парность.

– Я не о биологическом, не животном партнёрстве, а о социальном. Думаю, парность универсальна.

– Вы о дружбе между мужчиной и женщиной?!

– Не знаю. Можно и так назвать. – Я взглянула на Батиста, продолжавшего смотреть куда-то вдаль. – Проблема не только в более высоком статусе этого мужчины, но и в том, что он моложе меня лет на шесть. Энергичный, но импульсивный, нервный. Я намеревалась работать на него на выборах. Не сложилось! Понимаете, до этого я ещё никогда не проигрывала. А получилось, что и контакта с кандидатом не нашла, и проигрыш его теперь уже неизбежен.

– А Вы знали этого человека раньше?

– Не знала. В этом и ошибка! Рискнула. Теперь понятно, что моё сотрудничество именно с ним принципиально не могло состояться: ситуация исключала саму возможность психологической притирки.

– Без поражений не бывает побед!

– Думаю, что было бы слабостью и глупостью считать сложившуюся ситуацию окончательным итогом. Первым этапом – да. Поражение в первых битвах ведь не означает проигрыша войны?!

Мягкая улыбка скользнула по лицу Батиста, но он ничего не сказал.

– Почему я с таким доверием открываюсь Вам? – недоумеваю, и словно обращаясь к самой себе, спросила я. – Почему мне легко с Вами?

– Потому что мы приятны друг другу и знаем, что скоро расстанемся навсегда.

Я с недоверием посмотрела на Батиста. Он всем корпусом повернулся ко мне.

– А почему же?

Я легко вздохнула, и, прищурившись, с вызовом взглянула ему в лицо.

– Потому что у Вас умные глаза!

Батист отвел взгляд. На его щеках выступил лёгкий румянец. Смущение молодого финна было приятно мне, но заигрывать не стоило.

– Вы чем занимаетесь? – спросила я. – Я имею в виду вашу профессию.

– У меня маленькая компания, которая помогает большим в конце года производить взаимные расчеты.

– А в чём проблема? – заинтересовалась я.

– Во многих контрактах предусмотрены расчеты в разных валютах. Курсы этих валют в течение года и при разных сделках разнонаправленно, да ещё и не пропорционально меняются. Если суммы небольшие, то и ничего. А когда речь идет о десятках и сотнях миллионов, то важно всё правильно сбалансировать.

– И Вас это кормит?!

– Не так плохо. Я – средний класс.– Батист улыбнулся краешком глаз.

– А я? По вашему, к какому классу я отношусь?!

– Вы – гостя господина Хеаскааре!

– И что? – не поняла я.

– Господин Хеаскааре принадлежит к одной из самых богатых и влиятельных семей нашей страны.

– Мы с господином Хеаскааре люди разного круга, – твердо сказала я, чтобы сразу развеять возможные иллюзии. – Но в некоторых делах доверяем друг другу, хотя он – правый радикал, а я – типичный советский человек. Такая вот ситуация!

Мне хотелось развить тему, потому на заводах Хеаскааре меня удивляли и уровень социальной защищенности работников, и постоянная забота руководства об их психологическом комфорте, но я услышала, что Матвей громко зовёт меня.

– Видимо, надо помочь собрать палатку, – извиняясь, сказала я.

– Надо быть готовыми к отплытию в любой момент, – согласился Батист, – ведь погода может измениться быстро.

– Хеаскааре, а особенно Маарет, – сказал Матвей, когда я подошла к нему, – очень обижены на тебя, и вряд ли появятся здесь до нашего отплытия. Придётся сворачивать и тент, и палатку самим.

Мы занимались этим довольно долго. Постепенно я приободрилась: предвкушение приключения всегда поднимает настроение.

Издаലെка я видела, что финские спортсмены последние полчаса стоят на берегу. Они что-то показывали друг другу на морских картах, что-то смотрели по приборам. Мне хотелось

знать, что они там делают, и я с интересом поглядывала в их сторону. Вид сильных, умных, занятых серьезным делом мужчин, всегда производил на меня самое приятное впечатление.

– Как хорошо! – выдохнула я, и с улыбкой посмотрела на мужа.

– Нравлюсь? – спросил он, перехватив мой взгляд.

– Да, люблюсь тобой!

Я несколько не кривила душой. Матвей, хоть и был несколько ниже финнов-спортсменов, но ладно сложен и кожа его красиво забронзовела от загара. Почувствовав искренность, Матвей подошел и обнял меня сзади за плечи.

– Остается только ждать! – сказала я, уютно устраиваясь в объятиях мужа.

– Да, больше на острове нам делать нечего!

Вскоре, несмотря на то, что погода так и не изменилась, мы услышали команду Батиста готовиться к отплытию. Матвей сразу позвонил Бернду, сообщив о предстоящем отплытии, и перенёс сумки к катамаранам.

Супруги Хеаскааре на шлюпке быстро приплыли к острову и привезли оранжевые спасательные жилеты. Меня забавляло, что в этих жилетах мы с Матвеем выглядим как настоящие спортсмены. Но Бернд, проверяя шнуровку на моём жилете, объяснил, что особых иллюзий испытывать не стоит.

– В случае, если Вы окажетесь в воде, то продержитесь не более 10 минут, потому что её температура всего +6 градусов. Так что переохлаждение наступит быстро! И никакие спасатели к Вам в такой туман не прилетят, как бы Вы их не вызывали! И ещё. Так как на море штиль уже несколько дней, то следует ждать смены ветра и, возможно, шторма.

Я реально испугалась такого предостережения, но этот страх лишь подхлестнул моё желание отправиться в столь рискованное плавание. Было бы некрасиво отступить сейчас, – говорила я самой себе, оправдывая своё безрассудство, – да, и отступать уже некуда!

Вскоре всё было готово к отплытию. Парни-спортсмены оттолкнули судна от берега, запрыгнули на рамы и катамараны поплыли в неизвестность.

Хеаскааре помахали нам на прощанье руками, и Бернд с берега прокричал:

– До встречи в России!

Куда мы поплыли – никто толком не знал. Из-за тумана никаких ориентиров вокруг не было видно, а всё навигационное оборудование на катамаранах – компасы. Бернд вёл судна строго перпендикулярно зыби в надежде в ближайшие часы увидеть береговую линию.

Он и Матвей сидели впереди на веслах, а я была назначена рулевым, и расположилась сзади, у рычага управления. Второй катамаран с самого начала привязали к первому толстым и довольно длинным канатом, – чтобы не потерялся.

Вскоре все увидели небольшой остров. И вдруг на него села гигантская птица, размером чуть меньше самого острова! Сказочное зрелище! Когда подплыли ближе, выяснилось, что это – простая гагара, которая села отдохнуть на небольшой камень, торчащий из воды. В тумане издали невозможно определить размеры объекта, потому что его не с чем соизмерить. И только когда окажешься близко, и сможешь сравнить объект с лодкой, например, станет понятно, что это: остров или камень. Удивительно! Я всё время восторженно улыбалась. Плавание в тумане казалось мне великолепным приключением, и сердце трепетало от счастья.

Катамараны плыли в серо-молочной тишине, которую нарушал лишь мерный плеск весел. Хотя мы плыли медленно, но уже довольно долго, а всё вокруг оставалось прежним: небольшое водное пространство рядом с лодками и плотная пелена тумана вокруг. Катамараны двигались, а словно стояли на месте! Возникло ощущение, будто мы оказались во внеземном мире, где нет ни времени, ни пространства. Мы погрузились в настоящее морское безмолвие. Наслаждение столь необычными ощущениями постепенно сменилось тревогой, – ведь катамараны куда– то всё-таки плыли! За обманчивым покоем таилась опасность.

– Что-то лодок не видно, – озабоченно произнес Батист.

– Да кто в такой туман поплывёт?! – отозвалась я.

– Должны быть! Вдоль берега всегда снуют рыбацьи лодки, потому что местные жители привыкли на них добираться друг до друга.

Лодок действительно не было видно. Только иногда из воды высовывали морды нерпы с круглыми умными и слегка удивленными глазами. Каждый раз при их появлении я вскрикивала от восторга, и мужчины оборачивались не столько на животных, сколько на мой возглас. Так и плыли, – неизвестно куда.

Я сидела на парусиновом полотнище, непрерывно заливаемом водой, совершенно промокла, но холода не ощущала. Крепко держа рычаг руля, я старалась быстро исполнять редкие команды Батиста:

– Чуть правее! Держись на десять градусов левее! – и тому подобные.

Через пару часов плавания спортсмены на соседнем катамаране перестали обращать на меня внимание. Когда парни захотели в туалет, то помочились в море прямо у меня на глазах. Я, конечно же, никак не реагировала. Тогда и Батист поступил так же, как его товарищи. Во время этого процесса глаза Батиста встретились с моими. Пару секунд мы серьезно смотрели друг на друга, а потом оба рассмеялись. Матвей совершил ту же процедуру, что и остальные. Я подумала, что не смогла бы так поступить, но у меня и нужды не было!

Только через три с лишним часа плавания, мы увидели первый остров.

– Судя по карте Хеаскааре, которую мы изучили, – сказал Батист, – мы добрались до цепочки островов, тянущейся вдоль берега, и теперь должны двигаться вдоль неё.

Катамараны поплыли от острова к острову. Моя задача усложнилась. Теперь я должна была правильно держать курс в то время, когда один остров уже исчез из вида, а второй, который искали, ещё не появился в поле зрения.

Каждый из островов, мимо которых мы плыли, был необыкновенно красив, и все совершенно разные. Одни – лесистые, другие – голые. Одни – скалистые, другие – представляли собой нагромождение валунов. Некоторые были полосатыми из-за слагающих их разноцветных пород.

Местами возле островов из-под воды выступали обломки скал и крупные камни, опасные для катамаранов. Их можно было обнаружить лишь вблизи, по бурунам на воде. Я внимательно следила за тем, чтобы катамараны не наскочили на них. Только теперь до меня дошло, почему Хеаскааре были так раздосадованы, когда я просила, чтобы яхта в тумане вернулась на берег. Если уж подводные камни опасны для катамарана, то для яхты многократно опаснее, ведь у неё большая усадка. К тому же, с яхты, которая в безветрие идёт на моторе, сложнее заметить опасные препятствия и невозможно совершить необходимые маневры из-за большой скорости, размера и веса судна.

До базы мы добрались лишь через шесть часов. Подтянув первый катамаран на берег, Батист дал мне команду сходить. Я решительно поднялась с брезента, на котором сидела, сделала шаг, и, покачнувшись, стала падать в воду. К счастью, Матвей успел подхватить меня и вынес на руках на берег.

Тут-то и обнаружилось, что я промёрзла до костей. Уже на берегу меня начала бить сильнейшая неуёмная дрожь. Надо было срочно переодеться в сухую тёплую одежду, которая предусмотрительно была упакована в непромокаемые мешки, выданные Матвеем финнами. Но я самостоятельно ничего не могла делать, потому что руки и ноги, совершенно не слушаясь меня, ходили ходуном. Тогда Матвей и Батист принялись переодеть меня и одновременно растирать. Я с немой благодарностью смотрела на мужчин и растерянно улыбалась. Сами они хоть и промокли, но совсем не замёрзли, так как тяжело работали на вёслах.

Когда мужчины переодели меня, все, – для профилактики, выпили водки. Матвей отвел меня в туристический домик, уложил в постель, заботливо накрыл пуховым одеялом, и я быстро уснула.

*Балтика, 16 июля*

Следующим утром я проснулась с естественным ощущением здоровья и полноты жизни. Разбудил меня стук в дверь. Матвея рядом не было, и, решив, что это он стучит, я бодрым голосом крикнула:

– Входи!

На пороге появился Батист.

– Я зашел попрощаться! Нам пора отъезжать.

Что-то в его голосе выдавало волнение, свидетельствовавшее о симпатии и влечении. Я смутилась.

– А Матвей где?

– Он помог нам погрузить катамараны. Все там, на улице, ждут Вас, чтобы попрощаться.

– Сейчас выйду, только вот оденусь.

– Можно я тебя поцелую? – спросил Батист и, не дожидаясь ответа, прильнул к моим губам.

Ощувив прикосновение его холодного лица и мягких больших губ, я растерялась. Батист прижал меня к своей груди и не отпускал так долго, что мне стало трудно дышать. Как раз в этот момент он отстранился, блеснул довольной улыбкой и вышел из домика.

Опомнившись, я быстренько натянула джинсы и, распахнув дверь, замерла от неожиданности: всё вокруг было залито солнечным светом и над морем стояло высокое голубое небо. От тумана не было и следа.

Невдалеке возле двух роскошных легковых автомобилей, о чём-то живо беседуя с Матвеем, стояли финны. Приветливо помахав рукой, я направилась к ним. Вот тебе и средний класс! – не без зависти думала я, невольно любуясь блеском и формами их «породистых мустангов». После недолгих обниманий и прощальных поцелуев, финские парни сели в эти великолепные машины и по отличной трассе укатили вглубь своей страны.

*Москва, 17 июля*

Вчера вечером мы с Матвеем вернулись в Москву и ещё толком не отдохнули. Но уже сегодня с утра я попросила Матвея подбросить меня на Солянку, в самый центр, где жила Аннушка.

– Мне грустно оставаться одной в пустой квартире, да и по Ане соскучилась! – пояснила я, интонацией извиняясь за то, что мужу придётся сделать значительный крюк по пути на работу.

– Я совсем и не против! – легко согласился он. – Подвезу, конечно!

Было около одиннадцати, когда я позвонила в квартиру Аннушки. Долго никто не открывал. Расстроившись, я уже готова была смириться с тем, что встреча не состоится, и укоряла себя за то, что не предупредила приятельницу телефонным звонком, как дверь всё-таки отворилась. На пороге, щурясь от яркого света, недовольная тем, что её так рано разбудили, стояла полусонная Аннушка. Она была в симпатичной трикотажной пижаме, на которой пикантно смотрелись небольшие атласные бантики. Увидев меня, Аня мгновенно отошла ото сна.

– Джулечка Борисовна!!! – радостно заверещала она, обнимая и целуя меня.

Тронутая такой встречей, я оживилась и вся расплылась в улыбке. Мы с Анютой сразу прошли на кухню, где обычно болтали и пили кофе. Устроившись на кожаном диванчике, больше похожем на кресло, и всё ещё довольно улыбаясь, я спросила:

– Ань, а что слышно про Алфеева?!

– Да оставь ты его в покое! – неожиданно резко отмахнулась она.

С недоумением взглянув на приятельницу, я снова подумала о том, что не стоило ехать сюда, когда можно было просто позвонить.

Заметив появившееся в моем лице отчуждение, Аня сбавила тон.

– Пусть распоряжается своею жизнью как хочет! – нахмурившись, но уже без раздражения сказала она. – Ты сама знаешь, что он проиграл в первом туре! Больше мне ничего не известно!

– Я не могла знать, я только предполагала! – назидательно произнесла я. – Мне показалось, что до моего отъезда ты проявляла интерес к его политической судьбе. Или к нему лично?! В любом случае, я надеялась, что если уж не специально, то хотя бы по телеку ты познакомишься с итогами выборов. Что-то произошло?!

Анна включила вытяжку и положила передо мной пачку сигарет. Сделав над собой усилие, я взяла сигарету. Аня, чиркнув зажигалкой, помогла мне прикурить. Похоже, – думала я, – кто-то значимый для Анны посоветовал ей держаться именно такой линии поведения.

Вздыхом погасив разочарование, я, как ни в чём не бывало, сказала:

– Мы только вчера вернулись с Балтики. Было здорово! А теперь решили ещё на Урал съездить. Ты-то как?! По-прежнему в Москве будешь?!

– Надо поскорее расселять оставшихся жильцов с первого этажа, чтобы расширить помещение ресторана и успеть к осени сделать ремонт. – Анна лениво потянулась. – А ты чем займешься?

– Боюсь даже думать об этом, – призналась я.

– Я могу договориться с Купатовым, чтобы он снова взял тебя.

– Да ты что?! Нет! Это – пройденный этап! Мне надо куда подальше от лоббинга и политики! Правда, – не без горечи добавила я, – где ещё и кому я нужна в свои «под пятьдесят»?!

– Джулечка Борисовна, – с мягким укором сказала Аня, – Вы всё про шалости Алфеева думаете? Глупо поддаваться страстям!

– Ань, – я примирительно улыбнулась, – честно говорю, меня не волнуют те страсти, которые ты имеешь в виду! Сейчас, например, просто люблюсь тобой – этакой Барби в соблазнительной пижамке. Твой профиль и мягкие кудряшки так мило смотрятся на фоне светлого окна! Но, знай, моё восхищение женской красотой никогда не перерастёт пределов визуального удовлетворения. Мне противно даже представить, что ты или какая другая женщина могла бы дотронуться до моего тела.

– Кстати, мне тоже! – согласилась Аннушка, и, своими холеными пальчиками с ухоженными длинными ногтями, покрытыми красным лаком, потушила в пепельнице свою сигарету.

– Но и мужики надоели! – нахмурился свой симпатичный лобик, добавила она.

– И Борис? – уточнила я.

Этот её «друг» был неприятен мне. Судя по рассказам самой Ани, он появлялся везде и всегда, стоило только позвонить ему и сообщить, что ей необходима его помощь. Но я видела Бориса всего несколько раз. При встрече со мной он был сдержан и вёл себя вежливо. Но у него был недобрый, настороженный и оценивающий взгляд. Я инстинктивно опасаюсь таких людей. Аня рассказывала, что Борис – вполне себе уважаемый человек, живущий с семьей в небольшом особняке на Рублёвке, который приобрёл в прошлом году; что у него есть свой бизнес и, кроме секса, его с Аней связывают некие деловые обязательства. Она говорила, что именно он иногда даёт ей «покататься» на своих роскошных машинах. Я подозревала, что Борис либо спецслужбист, либо сутенёр, который подставляет своих «элитных девочек» под

влиятельных мужчин. Однако я никогда не делала попыток прояснить этот вопрос, и не спрашивала Аню о Борисе, а просто считалась с его присутствием в жизни приятельницы.

– И он тоже, – холодно сказала Аня. – С ними много проблем! Он всё чаще выпивает. – Аня снова отошла к окну, спрятав от меня глаза. – А потом, все мужики довольно примитивные. Знаешь, как я их называю? – Долбарика!

– Анька, ты законченный циник! Узнаю тебя!

Я улыбнулась подруге, однако ступать дальше по зыбкой почве такого рода разговоров не захотела.

– Свари-ка мне кофе, пожалуйста, – попросила я. – И попробуй не залить им плиту!

– Без проблем! – воскликнула Аннушка, обрадовавшись тому, что я выразила готовность покончить с неприятным для обеих разговором.

Вскоре плита, как водится, была залита сбежавшим кофе. Это развеселило нас обеих, примирило и восстановило добрую атмосферу. Я, наконец, рассказала о своём путешествии «в тумане», постаравшись донести до Анюты какой редкой силы и остроты впечатления мы с Матвеем получили.

– Да, – согласилась Аннушка, – действительно очень необычно! Я читала, что на море, порой, складываются такие условия, при которых моряки сходят с ума.

– Запросто, – согласилась я, и тут же отвлеклась на непонятную возню, затеянную Аней у окна. – Что ты там делаешь?!

– Я слушаю, слушаю! Только вот удавчика пристрою, чтобы он погрелся!

– Помочь? – участливо предложила я, потому что молодой удав, живший у Ани, был довольно тяжёлым.

– Всё уже! – с удовлетворением произнесла она, довольная тем, как ловко управилась со змеёй.

– Ладно, тогда свари ещё кофе!

В ожидании напитка, я задумалась о том, почему мне всегда хочется делиться с Аней впечатлениями, и пришла к банальному выводу: потому что она способна сопереживать, или умело делает вид, что сопереживает. Честно говоря, мне льстила дружба с молодой и хорошенькой женщиной. Весёлый нрав, игривость, дружелюбие и заботливость Ани делали легким и приятным общение с ней. Я привыкла к её присутствию в своей жизни, хотя с первого дня знакомства сомневалась в её искренности.

– Как ни хорошо мне у тебя, – сказала я, принимая от Ани очередную чашку кофе, – но нам обеим пора возвращаться к повседневным делам и заботам.

– Ты пей спокойно, – Анна пододвинула ко мне печенье, – а я быстренько покормлю долматинца и потом провожу тебя.

Прибежавший на её зов пес, сразу начал пристраиваться к моей ноге. Аня принялась оттаскивать его. Но как только долматинец оказывался на свободе, он снова возвращался к моей ноге.

– Вот подлец! – ругалась на него Аня.

– Да оставь ты его в покое, – смеялась я. – Он никакого вреда ни мне, ни одежде не причиняет!

Ане всё-таки удалось призвать собаку к порядку и накормить её. Потом мы занялись удавом, которого надо было вернуть в комнату и запереть в террариуме. Тот изворачивался, и мы чуть не уронили его с подоконника на улицу, а когда всё же справились со змеёй, нами овладело беззаботное ребяческое веселье.

В таком чудесном настроении мы вышли на улицу и обнаружили, что асфальт и стены домов пышут жаром.

– Как у нас на Урале! – обрадовалась я. – Там резко-континентальный климат.

– Давно такой жары не было в Москве! – озабоченно вздохнула Аннушка. – Хорошо хоть, у меня дома не чувствуется! Давай отвезу тебя, а то ещё задохнёшься в метро.

– Проще такси взять, чем тебе туда-сюда через весь город мотаться!

Аннушка лукаво улыбнулась:

– А может, мне приятно!

Чмокнув меня в щеку, она достала из сумочки ключи от своей красной японочки.

– Давай лучше прогуляемся! – предложила я.

– С удовольствием! – сразу согласилась Аннушка. – По бульвару?!

Солнце так безжалостно лило свой свет с бездонного неба, что хотелось укрыться в каком-нибудь недостижимом для его лучей месте. Мы пошли, стараясь двигаться в тени зданий и деревьев. Я с одобрительной улыбкой слушала рассказы Аннушки о последних событиях в жизни общих знакомых и охотно обсуждала их.

Вскоре нам обоим захотелось пить, а места, где можно было без риска для здоровья купить воду или сок, всё не встречалось. Только на Цветном бульваре мы отыскали новую «Шоколадницу», внутри которой было тихо и прохладно. Заказали сразу минералку, кофе и свежесжатый сок. Прохладную воду выпили мгновенно. Кофе оказался превосходным, а сок – очень кислым, и мы не стали его пить.

Рассчитываясь с официанткой, Анна сказала ей:

– Счет за напитки в вашем заведении практически такой же, как за полноценный обед во вполне приличном ресторане, а пить «это», – она указала глазами на стаканы с соком, – невозможно.

Смушенная официантка начала извиняться. Я поспешила вывести Аню на улицу.

– Ты чего?! – с недоумением спросила я, когда мы оказались на крыльце. – Девчонка-то при чём?!

– Просто я устала, – вздохнула Аннушка.

– Тогда давай возвращаться!

Не успела Аннушка ответить, как заверещал её сотовый. Звонила Сонечка – дочь Ани. Она была уже взрослой девушкой и в этом году поступала в институт.

– Я пешком иду домой из Бауманского, – сообщила Соня.

– А мы с Джулечкой Борисовной гуляем по бульварам! Зашли вот в «Шоколадницу» на Цветном.

– Я тоже хочу с вами! Подождите меня на Мясницкой!

– Нет, мы никуда не пойдем, а будем ждать тебя здесь, во дворе.

Выключив телефон, Анна выругалась:

– Во б-...! Жара то – 32 градуса!

Она вернулась в «Шоколадницу» и купила ещё пару бутылок холодной минералки. Мы зашли в ближайший, совершенно незнакомый нам двор. Здесь, под тенью раскидистых старых деревьев, можно было спастись от жары. Возле детской песочницы нашлась свободная деревянная скамейка.

Через пару минут я уже разнимала ребятишек, дерущихся в песочнице из-за игрушечного пистолета. Причем тот мальчуган, что постарше, лет пяти, оправдываясь, кричал:

– Я пистолет не из кармана у него вынул!

– Ну и что?! – удивилась я.

– Он лежал на песке! А что с воза упало, то пропало!

– Но ведь это его пистолет! Мальчик маленький и пока не умеет хранить свои вещи. Верни ему его игрушку!

Мои вразумления не возымели действия. Мальчишка, которого я придерживала за плечо, неожиданно лягнул меня, оставив грязными кроссовками следы на моих белых джинсах.

– Да он хуже долматинца! – заметила Аня, с интересом наблюдавшая за происходящим.

– От горшка два вершка, – в сердцах сказала я, возвращаясь на скамейку, – а уже силой присваивает чужое, да ещё «подводит марксистский базис под жилетку»!

Аннушка молча протянула мне сигареты, и мы обе закурили. Мы успели сделать всего по паре затяжек, как во двор вошла кампания молодых людей. Парни остановились поодаль, но один из них пошёл прямо к нашей скамейке.

– Вы не слабонервные? – обратился он нам.

По виду парень и его приятели – обычные московские студенты.

– Да вроде нет! – легкомысленно ответила Аннушка.

– Можно, я тогда сяду здесь? – спросил парень.

– Да садитесь!

Пожав плечом, я подвинулась к Аннушке, освободив полскамейки.

Сев рядом, парень сразу закатал брючину. Стало видно, что у него сильно разбито и разбухло колено, а бинтовая повязка сползла вниз. Парень принялся неуклюже развязывать её, чтобы заново перебинтовать колено.

– Давай, я тебе перевяжу! – предложила я и поднялась со скамейки. Присев перед парнем на корточки, я взяла конец бинта в свои руки. – Не беспокойся, в прошлом я – медсестра.

– Джулечка Борисовна у нас в больнице работала, не бойся, – поддержала меня Аннушка.

– Как вы сказали, Джулечка?! – удивился и одновременно обрадовался молодой человек.

– Да! – я вопросительно вскинула на него глаза.

– Джулия, иди сюда! – подозвал он симпатичную темноглазую девушку, стоявшую вместе с парнями чуть поодаль, в густой тени деревьев.

– А как твоё отчество? – спросила я у девушки.

Она произнесла какое-то длинное слово, тут же вылетевшее у меня из головы.

– О, это очень далеко от моего!

Все заулыбались. Ситуация разрядилась. Парни тоже подошли к скамейке и принялись взахлёб рассказывать, что произошло. Оказывается, пару часов назад, их друг – тот самый, который сейчас сидел с нами на скамейке, ехал на велосипеде, и его сбила «шестерка». Машина не остановилась. Парень, правда, запомнил и цвет, и номер, и даже водителя. Прохожие вызвали скорую, которая доставила парня в больницу. Там ему сделали рентген, перевязали ушибы и отправили на все четыре стороны. Парень вызвал по сотовому друзей, которые и повели его домой. Но бинт оказался слабо завязанным и повязка сразу упала.

Пока ребята рассказывали, я наложила повязку и так ладно, что всем понравилось. Однако, вернувшись на свое место на скамейке, я заметила бинтовые повязки на правом локте и запястье парня, причем, всё предплечье у него было в засохшей крови.

– Ну и медики, – возмутилась я, – даже руку не обмыли парню!

Аннушка достала из своей сумочки влажные салфетки. Отмыв с помощью этих салфеток и минералки руку парня, она в сердцах сказала:

– Ну, случилось, сбил человека, – так помоги! Что за народ поганый стал!

– Радовался бы, что не особо серьезно травмировал парня, – согласилась я, и огорченно покачала головой. – Помог бы! Может и пришлось бы заплатить немного, зато чувствовал бы себя человеком! Так нет!

Молодые люди посидели в тени ещё минут пять, дав товарищу передохнуть. Я поинтересовалась, не сокурсники ли они. Оказалось, что нет. Они учились в разных ВУЗах, но жили в одном дворе, недалеко отсюда.

Уходя, молодые люди простились с нами, как с добрыми знакомыми, искренне поблагодарили за помощь.

– Берегите свою дружбу, – пожелала им я.

Проводив ребят взглядом, Аня спросила:

– А ты где научилась так бинтовать?

– Я долгую жизнь прожила! – горделиво сказала я. – Я же с Урала! Для походов в горы необходима не только специальная спортивная подготовка, но и навыки первой медицинской помощи. Кстати, в советское время, в школе обучали сестринскому уходу. Хочешь, наложу тебе бинтовую «шапочку» на голову, чтобы не припекло?!

– Не сейчас! – Аня радостно улынулась. – Вон, видишь, Сонька идёт!

Поздоровавшись, девушка сразу потянула нас в Макдональдс, потому что была голодна. Она взяла себе обед на вынос, а мне и матери – мороженое.

– Сонь, а почему вишневое взяла? – спросила я, придирчиво разглядывая свою порцию.

– Мне прошлый раз понравилось! А какое надо было?!

– Шоколадное!

– Почему? – удивилась девочка.

– Понимаешь, – мечтательно произнесла я, – шоколад действует на центры удовольствия в мозге, и нам бы сейчас стало хорошо...

– Удовольствие, – вмешалась Аннушка, – надо получать другим путем!

– Конечно! – охотно согласилась я. – Вот к новому году накоплю денег...

– И куплю шоколадку! – озорно завершила мою фразу Соня.

Переглянувшись, мы с Аней прыснули со смеху. В этот момент я, наконец, почувствовала, что все неприятности, пережитые в Миссурске, остались позади. Действительно, – подумала я, – Аня права, пусть Алфеев распоряжается своей жизнью, как хочет, а у меня – другие заботы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.